

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

ХАБИБУЛЛИНА ЗЕНФИРА РАФКАТОВНА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА

Специальность 08.00.01 – Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Миэринь Лариса Александровна

Санкт-Петербург – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА.....	3
1.1. Генезис и развитие теории человеческого капитала	13
1.2. Человеческий капитал: сущность, модель формирования и кругооборота .	40
1.3. Теория исследования человеческого капитала современного креативного работника: противоречия трудовой теории стоимости и теории предельной полезности.....	59
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА.....	70
2.1. Трансформация квалификационных способностей субъекта труда в историко-экономическом аспекте	70
2.2. «Рабочая сила» и «человеческий капитал»: системное разграничение экономических феноменов.....	80
2.3. Формы и виды человеческого капитала	92
ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	107
3.1. Динамика изменения человеческого капитала креативного работника в современных российских условиях: факторы, причины, последствия	107
3.2. Национальные приоритеты и механизмы развития человеческого капитала российского креативного работника: пределы и перспективы	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	147
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Идущие все ускоряющимися темпами технологические изменения, меняющие облик многих экономических процессов, привели к превращению человеческого капитала в одно из фундаментальных оснований эффективного экономического развития. При этом определяющим прогресс человеческого капитала фактором становится креативный потенциал работника. Трудовые компетенции креативного работника¹ превращаются в один из ключевых факторов национальной конкурентоспособности и условие интенсивного расширенного воспроизводства экономики, а значит устойчивого развития государств и повышения благосостояния их населения.

Для российской экономики, перед которой стоят задачи перехода на инновационный путь развития, преодоления сырьевой зависимости и эффективного использования интеллектуального потенциала нашей страны, прогресс человеческого капитала, креативного потенциала работника является особенно значимым.

Субъект творческого труда, выступая активным участником технологического применения науки в производстве, становится критически востребованным элементом инновационного развития экономики и начинает претендовать на некоторое объективное перераспределение части прибыли в свою пользу.

Все это делает теоретически значимой и практически актуальной задачу адекватной характеристики содержания, роли и места креативного работника в процессе производства, где он обретает форму человеческого капитала. Именно вопросы содержания креативного работника, внутреннего качественного развития его квалификационных способностей, изменение производственных отношений и структуры социально-трудовых функций, усложнение способов

¹ В диссертации понятия «креативный работник», «субъект творческого труда» и «высококвалифицированный специалист» применяются как синонимы.

организации и мотивирования труда и др. делают актуальной выбранную тему исследования, предопределяя ее теоретико-методологическую и практическую значимость.

Степень разработанности научной проблемы. Исследование основано на сравнительном критическом анализе и обобщении многочисленных отечественных и зарубежных трудов, посвященных теории и практике развития и механизмов трансформации характера труда в широком историко-экономическом аспекте.

Вопросы о предназначении труда, роли знаний в производстве были глубоко изучены представителями классической политической экономии У. Петти, Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус, Дж. С. Милль, К. Маркс и др.

В рамках теории стоимости экономическую природу рабочей силы, динамику ее развития и систему воспроизводства под влиянием прогресса научно-технической революции, методологические предпосылки выявления экономической эффективности образования, актуальные вопросы совершенствования структуры квалифицированного труда и пр. изучали представители советской политэкономии, а затем и российской политэкономии, например, В.С. Автономов, М.И. Воейков, В.Е. Гимпельсон, В.С. Гойло, Г.А. Егиазарян, В.Я. Ельмеев, В.А. Жамин, Э.В. Ильенков, Р.И. Капелюшников, Р.М. Нуреев, С.Г. Струмилин, Н.В. Хессин, И.И. Чангли и др.

Существенный вклад в развитие теории человеческого капитала внесли такие исследователи, как Г. Беккер, Э. Денисон, Дж. Минцер, Т. Стоуньер, Э. Тоффлер, Л. Туроу, Т. Шульц и др. Среди отечественных исследователей следует отметить В.Н. Белкина, А.И. Добрынина, С.А. Дятлова, И.В. Грузкова, С.А. Иванова, И.В. Ильинского, А.В. Корицкого, И.Т. Корогодина, М.М. Критского, Э.Н. Соболева, И.В. Соболеву, М.М. Хайкина и др.

В трудах А.А. Аузана, А.В. Бузгалина, А.О. Вереникина, С.Ю. Глазьева, А.И. Колганова, В.М. Кулькова, И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.А. Миэринь, Р.М. Нуреева, А.А. Пороховского, В.Т. Рязанова, К.А. Хубиева,

В.Н. Черковца и др. поднимаются вопросы о необходимости исследовать новые отношения труда и капитала в эпоху современной экономики.

Процесс вытеснения с рынка труда целого ряда специальностей вследствие внедрения и все большего распространения роботизации и искусственного интеллекта, существенно видоизменяющих социально-трудовые отношения, исследуют Д. Асемоглу, С.Д. Бодрунов, Р.И. Капелюшников, А.А. Пороховский, М. Портер, П. Рестрепо, Дж. Рифкин, В.Т. Рязанов, С.А. Толкачев, Дж. Хаппелманн, К. Шваб и др.

Изучение объективных тенденций замещения простой рабочей силы креативным работником отвечает анализу самых современных тенденций в развитии рыночной экономики. Возрастание экономического значения знаний в производстве естественным образом способствовало появлению теорий, ставящих его носителя в центр внимания. Среди различных концепций «нового общества» можно выделить ряд направлений: 1) теория «постиндустриального общества» (Д. Белл, З. Бжезинский, А. Кумарасвами, К. Кларк, Д. Рисмен, У. Ростоу, Э. Тоффлер); 2) «постмодернизма» (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, М. Постер, Д. Харви); 3) «информационного общества» (У. Дайзард, М. Кастельс, Й. Масуда, Ф. Махлуп, Р. Меткалф, М. Порат, Т. Сакайя, Т. Стоуньер); 4) «сетевой экономики» (В.А. Антропов, В.Е. Дементьев, С.А. Дятлов, С.И. Паринов, В.М. Полтерович, Е.В. Устюжанина); 5) «постэкономического общества» (В.Л. Иноземцев); 6) «третьей промышленной революции» (Дж. Рифкин, Р. Курцвейл); 7) «четвертой промышленной революции» (К. Шваб, Н. Дэвис); 8) «общества знаний» (Д. Диксон, П. Друкер, В.Л. Макаров, Т. Сакайя, Дж. Ходжсон); 9) «неоиндустриализма» (Дж.К. Гэлбрейт, С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, С.С. Губанов, Е.Б. Ленчук, А.А. Пороховский, А.И. Татаркин, С.А. Толкачев); 10) «ноономики» (С.Д. Бодрунов); 11) «постсоветской школы критического марксизма» (А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка-Бузгалина, М.И. Воейков, А.И. Колганов) и 12) «неомарксистского синтеза» (П. Баран, Д.Ю. Мирополький, А.И. Попов, В.Т. Рязанов, П. Сиузи).

Многоаспектность и неоднозначность толкования современных трудовых компетенций креативного работника в форме человеческого капитала предопределяют сложность трактовки его субстанции. Глубокое научное исследование представляется возможным только в рамках синергетического контекста, в котором интересующий нас феномен должен изучаться в диалектической органичности комплекса статических и динамических свойств.

Признавая необходимость исследований в рамках заявленной проблематики, вместе с тем следует выделить, что методология качественного развития работника под влиянием креативизации труда, способов современной организации и мотивирования его деятельности по мере перехода к новым отношениям находятся в процессе научного доопределения. Недостаточно изучена производственная роль нового качества работника, его изменение в условиях цифровизации экономики, в том числе вопросы содержания трансформации, механизма движения, воспроизводства и др.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является системная характеристика человеческого капитала креативного работника и выявление тенденций его трансформаций в условиях современной экономики.

Реализация цели обусловила постановку и решение следующих исследовательских **задач**:

1. Разработать авторскую модель формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника.
2. Обосновать авторское содержание исследуемой экономической категории.
3. Выявить роль креативного работника в процессе производства и внедрения инноваций.
4. Дать системную характеристику различий в содержании рабочей силы и человеческого капитала, позволяющую обосновать возможность развития новых форм социально-трудовой активности и мотивации труда под ростом значения творческой составляющей деятельности.

5. Раскрыть факторы, влекущие недоиспользование и истощение человеческого капитала российского креативного работника, и возможные пути преодоления соответствующих негативных тенденций.

Объектом исследования выступает человеческий капитал креативного работника в современном экономическом пространстве.

Предметом исследования выступает качественное изменение характера отношений между трудом и капиталом в условиях повышения значимости человеческого капитала креативного работника.

Теоретической основой исследования стали выводы и положения, раскрытые в трудах ведущих российских и зарубежных исследователей альтернативных научных школ и направлений в области теории стоимости, теории человеческого капитала, концепции человеческого развития, когнитивной концепции, теории контрактов, теории экономических трансформаций и др.

Методологическая основа исследования опирается на классическую научную политэкономия, а также ряда других альтернативных научных школ (маржинализм, институционализм) и их современных направлений. В основу исследования положены принципы формальной и диалектической логики, среди которых принцип развития и противоречие как источник и его движущая сила, принцип детерминизма, принцип системности, принцип холизма, принцип монизма и др.

Многогранность и общая неоднородность содержания человеческого капитала креативного работника предопределили необходимость использования альтернативных методов научного познания. Среди основных следует отметить общенаучные (формационный, структурно-функциональный, системный и др.), частнонаучные (эмпирический метод, функциональный метод, каузальный метод и др.), сравнительный историко-логический анализ, абстрактную интерпретацию, компаративистику, экспертные оценки. Кроме того, была использована гносеологическая система эмпирического

(наблюдение, квантификация, верификация, эксперимент) и теоретического (гипотеза, формализация, идеализация, моделирование) уровней исследования.

Информационной базой исследования послужили сведения федеральной службы государственной статистики России, их региональных структурных подразделений, агентств официальной статистики ряда зарубежных государств, ПРООН, МОТ, ОЭСР, Всемирного экономического форума, Всемирного банка и др. В работе использованы данные исследовательских центров о состоянии, динамике и структуре креативных трудовых ресурсов в российской и мировой экономике.

Обоснованность и достоверность результатов исследования подтверждена достоверностью использования аналитических отчетов ряда компаний: Росстат, ОЭСР, ВШЭ, ИСИЭЗ, ВЭФ, ПРООН, ВБ, МОТ. Ключевые тезисы и выводы диссертационного исследования согласуются с научными позициями ведущих западных и российских экономистов и исследователей.

Соответствие исследования Паспорту научной специальности. Область исследования соответствует Паспорту научной специальности 08.00.01 – Экономическая теория: п.1.1. Политическая экономия: фазы общественного воспроизводства, взаимосвязь его материально-вещественных и стоимостных факторов; воспроизводство общественного и индивидуального капитала; воздействие новых технологических укладов на процессы формирования и функционирования экономических структур и институтов; инновационные факторы социально-экономической трансформации; гуманизация экономического роста; теория «информационной», «постиндустриальной» экономики и «экономики, основанной на знаниях»; п.3.2. Марксизм, его эволюция, дифференциация марксистских течений. Современная социально-экономическая трансформация и особенности ее отражения в неомарксизме.

Научная новизна исследования заключается в обосновании трансформации системы отношений труда и капитала под воздействием изменения роли креативного работника в процессе производства и выявлении

факторов, препятствующих увеличению человеческого капитала российского общества.

К результатам диссертационного исследования, обладающим научной новизной и полученным лично соискателем, относятся следующие:

1. Разработана концептуальная модель формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника, на теоретическом уровне объясняющая, что инвестирование, направленное на развитие компетенций креативного работника, способствует изменению формы обращения труда как фактора производства (переход от простой рабочей силы к человеческому капиталу креативного работника). Авторская модель поэтапно раскрывает механизм кругооборота человеческого капитала креативного работника, его воспроизводство в структуре современной экономики;

2. Обосновано авторское содержание человеческого капитала креативного работника как развитые и реализованные субъектом труда квалификационные способности, предполагающие затраты на способность в последующем создавать дополнительную экономическую выгоду. Показано, что в условиях роста значения креативизации труда высокоинтеллектуальный потенциал работника приобретает форму человеческого капитала как накапливаемого актива;

3. Предложена модель структуризации исследуемого экономического феномена. В частности, обоснована правомерность и продуктивность деления работников на активных и пассивных субъектов. Активные (креативные) работники вкладывают в производственный процесс свои творческие способности и создают условия для получения компанией (эксплуатантом их труда) экономической выгоды в виде сверхприбыли, извлекаемой за счет производства продукта с высокой долей содержания в нем элементов новизны. Пассивные (некреативные) работники продают работодателю право использовать их труд (рабочую силу). В результате их рутинного участия в процессе производства компания получает только нормальную прибыль;

4. Уточнена системная характеристика различий в содержании категорий «рабочая сила» и «человеческий капитал». Ключевое отличие заключается в том, что рабочая сила выступает как объект купли-продажи, а человеческий капитал – как условие участия в совместном инвестировании. Соответственно, использование рабочей силы происходит посредством найма, предметом которого выступает право использования способностей работника выполнять те или иные производственные функции, а цена (плата за использование) определяется соотношением спроса и предложения и затратами на воспроизводство рабочей силы. Использование человеческого капитала происходит на основе формирования партнерских отношений, предметом которого является совместное участие в создании добавленной стоимости, часть из которой в денежной форме впоследствии перейдет в распоряжение креативного работника;

5. Выделены основные формы недоиспользования и истощения человеческого капитала креативного работника в современных российских условиях. Обосновано, что неэффективное применение квалификационных компетенций означает не только текущие потери отдачи от использования человеческого капитала в стоимостной форме, но и его физическое истощение как в форме эмиграции специалистов высокой квалификации, так и в форме снижения уровня креативного потенциала работников, не находящих применение своим компетенциям. Раскрыты факторы, сдерживающие развитие креативного потенциала работников, систематизированы причины, последствия и возможные пути преодоления этих факторов.

Теоретическая значимость исследования заключается в предложенном автором варианте уточнений системы понятий, раскрывающих сущность, роль и место креативного работника в системе социально-трудовых отношений. Примененный в исследовании подход сочетания теоретического арсенала трудовой теории стоимости и теории предельной полезности позволил глубже исследовать не только субстанцию экономических феноменов (стоимости, капитала, труда, рабочей силы, производства, потребления и др.), но и

тенденцию их видоизменения в современной экономической системе. Полученные в ходе исследования результаты и выводы могут быть использованы в качестве концептуальной базы для последующего развития и критического переосмысления положений классической политэкономии и теории человеческого капитала.

Практическая значимость исследования заключается в том, что обозначенные в работе результаты могут использоваться органами государственной власти при разработке политики, направленной на формирование нового качества развития цифровой экономики. Предложенные теоретические положения могут найти применение при разработке федеральных и региональных программ в сферах занятости, образования и подготовки кадров, проектов выстраивания качественных взаимоотношений между участниками производства по линии партнерства, социальной справедливости и демократизации экономических отношений.

Отдельные выводы исследования могут быть апробированы в научно-образовательной деятельности при подготовке и чтении учебных курсов по экономической теории, истории экономических учений, экономики знаний, микро- и макроэкономики, экономики и социологии труда, управления человеческими ресурсами и других дисциплин, затрагивающих общетеоретические и прикладные подходы развития человеческого капитала креативного работника.

Апробация результатов исследования. Результаты и выводы исследования были изложены, обсуждены и получили одобрение в докладах и выступлениях на международных конференциях, научных семинарах, симпозиумах, форумах и конгрессах: VI-е «Нугаевские чтения» (Казань, 2013), «Теоретические и практические исследования социально-экономических систем в условиях интеграции России в мировую экономику» (Тюмень, 2013), «Современные тренды российской экономики: вызовы времени» (Тюмень, 2017), «Маркс XXI» (Москва, 2018), «Производство, наука, образование России: технологические революции и социально-экономические

трансформации» (Москва, 2018), «Производство. Наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (Москва, 2019), «Ломоносовские чтения» (Москва, 2018-2019), «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека» (Санкт-Петербург, 2019), «СПЭК-ПНО-2020» (онлайн-формат, 2020) и др.

Публикации. Основные выводы работы опубликованы в 30 научных публикациях автора общим объемом 11,45 п.л. (вклад автора – 10,92 п.л.), в том числе 8 статьях общим объемом 3,8 п.л. в журналах, входящих в перечень рекомендуемых ВАК РФ изданий.

Логика и структура исследования определяется заявленной целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, 8 параграфов, заключения, списка использованной литературы, насчитывающего 369 источников (из них на иностранном языке – 57), а также включает 18 рисунков, 11 таблиц и 2 приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА

1.1. Генезис и развитие теории человеческого капитала

В современной экономической науке вопросы формирования, качественного развития квалификационных способностей работника, механизм его общественного воспроизводства занимают значительное место и играют важную роль в анализе экономических явлений. Использование феномена человеческого капитала открывает новые возможности в осмыслении таких важнейших проблем современного экономического мира, как распределение доходов, развитие креативных способностей человека, рост качества и уровня жизни, достижение сбалансированного развития экономики, накопление национального богатства, роль науки и высоких технологий в общем цикле воспроизводства жизненных благ и др.

Если сравнительно недавно экономика определялась технократической направленностью, то в настоящее время есть все основания полагать, что направленная эволюция экономической действительности постепенно трансформируется в наукоемкую экономику, в которой обогащенный творчеством труд начинает играть преобладающую роль. Не умаляя значимости материальных ресурсов в производстве, большинство исследователей из разных научных школ и направлений солидарны во мнении, что капитализация их стоимости во многом формируется под серьезным влиянием нематериальных ресурсов, воплощенных в деятельности креативного работника, характеристики их трудовой активности в качестве создателя труда. И хотя хозяйственная деятельность во все времена базировалась на классических факторах производства, фактор человеческого капитала креативного работника в современных условиях является, вне всякого сомнения, основополагающим.

Предпосылки зарождения теории человеческого капитала имеют довольно глубокие исторические корни, уходящие к трудам классиков экономической науки: У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль, К. Маркс и др.

У. Петти (1623 – 1687) обосновал, что величие и сила любого государства «покоятся на численности, искусности и трудолюбии его народов» [198, с.17]. В «Политической арифметике» (1676) содержится первая попытка статистического подсчета дохода нации – «живых действующих сил» разных специальностей. При этом он видел источник богатства не в деньгах, а в труде.

У. Петти принадлежит мысль, что если материальной базой достатка служит земля и ресурсы природы, то основным источником накопления общественного богатства является включенный в материальное производство живой труд (т.е. труд работника). К. Маркс соглашался с У. Петти, отмечая, что «труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен между человеком и природой, то есть не была бы возможна сама человеческая жизнь» [158, с.49].

По методике подсчета У. Петти «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят. Ценность всего населения Англии того времени он оценил в 417 млн. фунтов стерлингов, а все вещественное – в 250 млн.» [191, с.7]. Сопоставительная оценка интересна тем, что в XVII веке научная мысль уже осознала превосходство живого труда (совокупности человеческих ресурсов) по отношению к овеществленному труду (товарной массе). Нужно отметить, что У. Петти для стоимостной оценки субъекта труда применял различную шкалу, исходя из квалификации и уровня мастерства. Так, например, «труд взрослого оценивал вдвое дороже, чем труд ребенка, а моряка приравнивал к стоимости трем крестьянам» [135, с.86]. По этому поводу К. Маркс в свое время отметил,

что благодаря своим подсчетам У. Петти удалось обосновать математическим языком, что «население – это богатство» [161, с.357].

Следует отметить, что научные взгляды У. Петти для того времени оказались слишком смелыми и не получили должного внимания. Потребовался довольно внушительный промежуток времени², чтобы полученные им результаты и выводы, как говорится, «вошли в массу» и стали востребованными. В этом смысле можно говорить, что У. Петти оказался человеком, намного опередившим свою эпоху.

Основоположник школы физиократов Ф. Кенэ (1694 – 1774) под капиталом понимал не столько продукты земли, сколько самого труженика поля. Он признавал, что «без приложения труда человека земли сами по себе не представляют никакой ценности» [125, с.104]. Очевидно, мыслитель уделял особое значение производительным силам и производственным отношениям в процессе воспроизводства. Несмотря на то, что для физиократов производительным считался только земледельческий труд, они смогли разглядеть в труде элемент воспроизводства и источник прогресса.

Основоположниками классической политической экономии в рамках трудовой теории стоимости в качестве основного постулата был выдвинут тезис, что развитые субъектом труда квалификационные способности должны исследоваться как важная производительная единица. Они верно связывали между собой показатели роста производительности труда, объема совокупного дохода и прироста национального богатства с затратами на образование и развитие трудового фактора.

Классическая английская политэкономия не обходит стороной проблему исследования субстанции труда. Ощутимая доля в изучении данного вопроса по праву принадлежит А. Смиту (1723 - 1790), с удачной подачи которого на свет

² По оценкам Нуреева Р.М., «открытие У. Петти обогнало эпоху на три столетия. Его последователи, основоположники английской классической политэкономии конца XVIII-начала XIX вв., восприняли идею о ценности человека как экономического ресурса, но категорически отказались сравнивать людей с материально-вещественными факторами производства».

появляется теория экономического человека. Основная идея этой доктрины в том, что 1) субъект труда изучается вне этапов исторического развития; 2) ключевой задачей этой внеисторичности является стремление к постоянной максимизации собственной экономической выгоды; 3) в процессе достижения поставленной цели человек почти всегда ведет себя рационально.

А. Смит по-своему трактовал исследование трудового фактора как производительной силы. В этом вопросе он исходил из идеи, что в процессе трудовой деятельности работники неизбежно вступают в конкурентную борьбу себе подобными людьми. Победитель выявляется путем сравнительного превосходства, например, в производительности труда, основным ресурсом которого выступают производительные способности работника (мускульная сила, смекалка, общая выносливость, точность прилагаемых усилий, ловкость рук, верность глаза и др.).

Как считал А. Смит «умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций ... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность ... становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо» [157, с.370].

Примитивность частичного рабочего он раскрывал тем, что «однообразие неподвижной жизни естественно подрывает мужество его характера; ослабляет даже деятельность его тела и делает его неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для иного какого-либо занятия, кроме того, к которому он приучен. Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных и социальных качеств» [157, с.370].

А. Смитом впервые сделан вывод о прямой зависимости между профессиональным уровнем подготовки и уровнем образования работника и, как следствие, ростом производительности труда. Он последовательно

обосновал, что «увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работает» [241, с.490].

Стоит отметить, что А. Смит одним из первых предложил включать в структуру основного капитала (наряду со средствами производства) развитые и реализованные работником в труде «полезные способности» [241, с.208], назвав их не иначе как «основной капитал личности», т.е. капитала работника. Он исходил из того, что «приобретение таких способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания, обучения или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собой *основной капитал* (курсив наш – З. Хабибуллина), который как бы реализуется в его личности. Эти способности, являясь частью состояния его носителя, одновременно становятся частью богатства всего общества, которому оно принадлежит. Большую ловкость и умение рабочего можно рассматривать с той же точки зрения, как и машины и орудия труда, которые сокращают или облегчают труд и которые, хотя и требуют известных расходов, но возмещают эти расходы вместе с прибылью» [241, с.208].

Развивая мысль подробнее, он далее писал, что «если какой-либо вид труда требует особенного искусства и ловкости, то уважение, с которым люди относятся к таким способностям, придает их продукту большую стоимость, чем это соответствовало бы времени, затраченному на него. Такие способности и таланты редко могут быть приобретены при отсутствии продолжительного предварительного упражнения, и высшая стоимость их продукта часто является лишь вполне разумным возмещением того времени и труда, которые надо было потратить на приобретение их» [241, с.24].

Исследователь отмечал, что отличительная особенность капитала работника заключается в том, что «он приносит прибыль или выгоду, не поступая в обращение, не меняя владельца» [241, с.100], т.е. включенные в производство трудовые потенции способны приносить его носителю реальный

и повышенный экономический доход, не выступая при этом объектом купли-продажи.

А. Смита также волновал вопрос воспроизводства основного капитала как на уровне отдельной рабочей силы, так и на уровне совокупного рабочего класса. Он признавал, что для этого необходимы ощутимые временные и денежные вложения. Ключевой формой капиталовложений в развитие квалификационных способностей трудового фактора признавал инвестиции в воспитание и образование, благодаря которым появлялась возможность совершенствовать собственное сравнительное превосходство.

Не лишним будет отметить, что исследователь не обходил стороной и теорию экономики семьи. Он отмечал, что «для содержания семьи труд мужа и жены ... должен приносить несколько больше того, что абсолютно необходимо для их собственного содержания, поскольку нужно воспитывать детей» [241, с.66]. По его мнению, деятельность по воспитанию детей экономически выгодна, поскольку вложенные в воспитание и образование ребенка средства в будущем принесут дивиденды в виде высоких доходов.

Д. Рикардо (1772 – 1823), являясь одновременно последователем и оппонентом А. Смита, предложил иное видение относительно модели экономического (рационального) человека, развил собственное толкование механизма формирования трудовых компетенций работника. Он считал, что «чем обильнее и доступнее продукты питания, тем быстрее растет население и формируются его способности к труду» [211, с.89, 191]. Примечательно, что причину отсталости экономической системы исследователь так же объяснял «недостатком образования во всех слоях населения» [211, с.89].

Дж. С. Милль (1806 - 1873) будучи сторонником теории трех классических факторов производства, не был склонен рассматривать человека как богатство. Он отмечал, что «само человеческое существо ... не является капиталом. Человек служит целью, ради которой богатство существует. Но его приобретенные способности, выступающие только как средство и

реализующиеся только посредством труда, с полным основанием можно отнести к категории капитала» [342, р.47].

Исследователь отмечал, что «мастерство, сноровка, потенциал и упорство рабочей силы страны в такой же мере должно считаться богатством, в какой, например, инструменты и машины» [171, с.139]. Его сторонниками выступали Ф. Лист, У. Рошер, Х. Сиджуик и др.

Однако немало было и тех, кто придерживался противоположных взглядов. Например, выступая против признания квалификационных способностей субъекта труда богатством, Т. Мальтус (1766 – 1834) утверждал, что «количественно оценить запас накопленных способностей человека невозможно, так как не ясен сам алгоритм оценки, а задача не является актуальной» [338, р.29-33].

Н. Сениор, Дж. Мак-Куллох, И. Фишер, Г.Д. Маклеод, А. Маршалл, Л. Вальрас и др. также оценивали субъект труда как элемент капитала. Н. Сениор (1790 – 1864) был убежден, что «человек – это капитал с затратами на его содержание с ожиданием получения выгоды в будущем» [356, р.10].

Дж. Мак-Куллох (1789 – 1864) дает свою трактовку понимания сущности человека как богатства: «Вместо того, чтобы понимать капитал как часть продукции промышленности, несвойственной человеку, который мог бы быть сделан применимым для его поддержки и способствовать производству, кажется, не существует каких-либо обоснованных причин, по которым сам человек не мог бы им считаться, и очень много причин, по которым он может быть рассмотрен как формируемая часть национального богатства» [340, р.68-69].

Л. Вальрас (1834 – 1910) писал, что «человек является одновременно естественным и вечным капиталом. Естественным – потому, что он не произведен искусственно, вечным – потому, что каждое поколение воспроизводит себе подобных» [4, с.36; 95, с.70].

И. Фишер (1867 – 1947) утверждал, что «человек также материален, как материальны лошадь и бык. Человек может принадлежать другому лицу (в

случае рабства) или же самому себе. И в том и в другом случае, он полезен своему собственнику» [328, p.51-52, 68-69]. Экономист отмечал, что «обученный индивид в полной мере должен быть включен в понятие капитала» [329, p.199].

Марксистская логика исследования роли трудового фактора в форме рабочей силы занимала значительное место в классической школе политической экономии. К. Маркс (1818 – 1883) подробно рассмотрел субъекта труда на всех уровнях (на микроуровне отождествляется с рабочей силой; на макроуровне рабочая сила вытесняется классами).

Ранний Маркс исходил из существования работника в качестве основного капитала. Исходя из этого, некоторые авторы считают, что вклад К. Маркса в развитие теории человеческого капитала огромен. Соглашаясь с этим утверждением, стоит так же отметить, что впоследствии К. Марксу отошел от этой идеи и перестал характеризовать работника в форме капитала. Квалификационные способности наемного работника характеризуются марксистской методологией строго в товарной форме, тем самым не придаются признаки капитальной ценности. Разделяя научные взгляды представителей классической научной политической экономии, в особенности Д. Рикардо, К. Маркс определял стоимостную оценку субъекта труда на основе меновой стоимости (в пределах затрат труда на воспроизводство рабочей силы).

При этом автор «Капитала» называл трудовой фактор «главной производительной силой общества» и «действительным богатством», особо подчеркивая, что «для того, чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов» [158, с.178].

Стоит отметить, что размышляя о работнике как о ключевой производительной силе, К. Маркс, равно как и Ф. Энгельс выказывал

уверенность постепенного замещения политической экономии капитала политической экономией труда. В этой связи величайшая заслуга К. Маркса, как представляется, состояла не столько в том, что он стоимость свел к труду (это было сделано А. Смитом и Д. Рикардом), а сколько в том, что он смог подвести трудовую основу к пониманию всей экономической системы, предложив вращаться производству вокруг главного экономического ядра – труда, безусловным носителем которого выступает квалифицированный работник.

В трудах исследователей имеется ряд положений, в которых обнаруживается сопоставление производительных сил со способами и основными методами производства, выражающихся в производственных отношениях. Они полагали, что антагонизм производительных сил будет происходить всякий раз, когда трудовые ресурсы будут перерастать существующие способы производства. Урегулирование такого конфликта видели в том, что «общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства» [159, с. 290].

Развивая эту тему, К. Маркс в письме П.В. Анненкову писал, что «с приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства» [163, с. 403].

К. Маркс исходит из формационной концепции развития трудового фактора. В условиях капитализма работник должен обладать на рынке труда определенными свойствами: 1) выступать как свободная личность и иметь возможность распоряжаться своей рабочей силой как товаром; 2) рабочая сила является единственным товаром, которую он в состоянии предложить; 3) субъект труда не располагает собственными средствами производства.

Со временем интерес к исследованию места и роли квалификационных способностей креативного работника в экономической системе, продукта его творческой деятельности, адекватной оценки вклада его трудового потенциала в процесс производства не угасает, а только начинает привлекать внимание ученых разных научных направлений с новой силой. В эпоху индустриализма полным ростом встает вопрос поиска новых качественных (в большей степени ценностных и субъективных) измерителей адекватной оценки трудового потенциала креативного работника. И это неудивительно. С переходом общества на новый технологический уклад развития естественной модификации подвергается вся конструкция воспроизводственного процесса, параллельно актуализируя новые механизмы и прогрессивные способы преумножения богатства.

Дальнейшая эволюция человеческого капитала на стыке XIX – XX веков связана с именами таких, в том числе вышеупоминавшихся ранее экономистов, как О. фон Бем-Баверк, Л. Вальрас, Ф. Лист, Г.Д. Маклеод, Дж. Мак-Куллох, А. Маршалл, И. Фишер, Дж. М. Кларк, И. Тюнен и др. Перечисленные исследователи продолжили развитие теории человеческого капитала на базе субъективной теории предельной полезности.

Стоит отметить, что маржиналистская теория была создана как альтернатива трудовой теории стоимости. Представители неоклассической научной экономической школы стремились объяснить то, чего не могла преодолеть и методологически обосновать трудовая теория стоимости: на основе эквивалентного стоимостного обмена определить 1) почему стоимость продукта превышает величину стоимости рабочей силы и 2) как формируется прибыль.

Так, основоположник неоклассического направления экономической науки, представитель «кембриджской школы» А. Маршалл (1824 – 1924) приходит к выводу, что «к началу XX века экономическая наука пережила настолько кардинальные изменения, что ее предметом теперь является уже не столько традиционная проблема богатства народов и его источников

накопления, сколько исследования человека, его экономического поведения» [167, с.56].

В «Принципах экономической науки» (1890) исследователь обращается к несвойственным на первый взгляд классической политэкономии объектам исследования как, например, здоровье, качество жизни, уровень долголетия, степень образованности, наличие социальных связей и др. Эти элементы экономист рассматривает в качестве факторов долгосрочного общественного развития.

А. Маршалл не обошел вниманием и вопрос исследования содержания понятия «капитал». По этому поводу он отмечал, что к капиталу правомерно относить «весь накопленный запас средств для производства материальных благ и достижения выгод, которые обычно являются частью дохода. Значительную часть капитала составляют знания (как самый мощный двигатель производства) и организация, причем если одна часть находится в частной собственности, то другая – нет» [167, с.208].

Теоретические рассуждения исследователя построены вокруг идеи о том, что в содержательном плане понятие «капитал» проходит процесс своеобразного «обогащения» знаниями, который впоследствии благодаря образованию и передовой науке возводится в ранг «национальной инвестиции». По этому поводу он отмечал, что «прогресс и распространение знаний приводят к появлению новых машин и технологий, способных экономить и облегчить человеческий труд при условии, конечно, если задолго до достижения конечной цели были потрачены определенные усилия» [167, с.300].

С. Кузнец теоретически обосновал, что бессмысленно прилагать какие-либо усилия по переходу на более качественный уровень экономического развития, если в масштабе национальной экономики не будет накоплен совокупный человеческий капитал креативного работника.

Э. Денисон (1915 – 1992) разработал авторскую классификацию факторов экономического роста, состоящую из двадцати трех взаимосвязанных между собой элементов. В частности, 4 элемента имеют прямое отношение к

характеристике качества работника - занятость, полученное образование, стаж работы (выраженный в количестве отработанных часов), половозрастная структура; следующие 4 элемента соотносятся с капиталом – объекты собственности (жилые и нежилые), собственность на средства производства; 14 элементов задействованы на описание вклада в научно-технологический прогресс; и, наконец, последний элемент классификации соотнесен с землей.

Представители немецкого историко-экономического течения, объективно критикуя абстрактную модель «экономического человека» А. Смита, эмпирическим путем доказали, что в процессе хозяйствования работник не всегда одержим желанием получить экономическую выгоду в денежной форме. К ключевым составляющим экономического развития немецкие исследователи относили совокупность развитых нравов и обычаев, уровень образованности нации, способность к предпринимательской деятельности, готовность идти на риск и нести за такую деятельность ответственность, совершенство и прозрачность судебной, исполнительной и законодательной систем, а также государственного и общественного строя.

В целом можно констатировать, что многие исследователи придерживались мнения, что воплощенные в труде квалификационные способности работника, их трудовой потенциал, способность прочувствовать точки роста и др. правомерно учитывать в качестве накапливаемого актива. В этой связи можно говорить, ко второй половине XX века формируются необходимые предпосылки, источники и основные элементы исследования субъекта креативного труда как ключевого фактора производства. Здесь следует так же добавить, что к этому времени были заложены опорные пункты когнитивной концепции, теории человеческого капитала, теории человеческого развития. Пришло постепенное понимание того факта (заметим в скобках - очевидное для нас, но не так очевидное для наших предшественников), что трудовой энтузиазм работника, его деятельностная энергетика, выражающаяся в постоянном стремлении к новым знаниям и саморазвитию, существенно видоизменяют не только сложившийся уклад хозяйствования, но, что

немаловажно, способствуют продвижению общества на новый виток цивилизационного развития.

Формирование теории человеческого капитала, последующее ее выделение в самостоятельное направление мировой экономической мысли было обусловлено, как представляется, объективными структурными изменениями в социальной и экономической жизни общества, вызванными в жизнь научно-техническим прогрессом и ростом знаний и передовых технологий в системе общественного воспроизводства. Со второй половины прошлого века на повестку дня встает насущная потребность в расширенном воспроизводстве высококвалифицированных специалистов, способных трансформировать сложившиеся производственные отношения на новый вектор опережающего развития. Это обусловило необходимость кардинального переосмысления значения образования, научных знаний, опыта и роли высокоинтеллектуального труда в системе воспроизводства.

У истоков разработки современной неоклассической теории человеческого капитала стояли представители «чикагской школы», американские экономисты, лауреаты Нобелевской премии по экономике Т. Шульц (1979) и Г. Беккер (1992), а также Дж. Минцер (Колумбийский университет), Л. Туроу (Массачусетский технологический институт), Б. Вейсброд (Вашингтонский университет), У. Боуэн, Дж. Вейзи, М. Фишер (Кембриджский и Оксфордский университеты). Позднее развивали теорию М. Блауг, С. Боулс, Дж. Кендрик, Г. Псахаропулос и др.

Родоначальником теории человеческого капитала признан Т. Шульц (1902 – 1998). Он первым вводит в научный оборот формулировку понятия человеческого капитала как фактора производства. По замечанию самого исследователя, первостепенную роль в формировании его научно-исследовательского воззрения на проблему человеческого капитала сыграл экономист Э. Денисон, доказавший, что экономический рост не является лишь результатом технического новшества и повышения уровня производительности труда. Из воспоминаний Т. Шульца именно он (Э. Денисон) методологически

обосновал и окончательно воодушевил идеей, что должен быть другой, пока еще неизвестный, но немаловажный фактор экономического роста, активным поиском которого займется Т. Шульц в последующих своих исследованиях.

Позже Т. Шульц помимо указанных факторов экономического роста предложил рассматривать образование как ключевой фактор производства. По этому поводу он отмечал, что «поскольку одной из форм капитала является образование, человеческим его называют потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является потому, что представляет собой источник будущих удовлетворений или будущих заработков, либо того и другого вместе» [361, p.13].

Вслед за работами Т. Шульца с 1962 года в свет выходят научные труды Г. Беккера, теоретические достижения которого, по мнению ряда авторов, произвели настоящий переворот в экономике. Предложенные им модели исследования завоевали репутацию классических и стали ключевыми для последующих разработок в этом направлении. А совершенный им в изучении рынка труда переворот определил современное направление исследований по экономике труда.

Т. Шульц совместно с Г. Беккером особое внимание уделяли обоснованию идеи равноправия с материальными ресурсами роли человеческого капитала в создании совокупного общественного продукта. Они верно взаимоотноуязали, что люди будут готовы инвестировать в образование, здравоохранение, культуру и некоторые другие виды деятельности только в том случае, если вложения будут окупаться и в будущем позволят получать высокую экономическую выгоду. Интересно отметить, что Г. Беккер при анализе профессий не обошел стороной и противоправную криминальную деятельность, отметив, что «люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями потому, что ожидают получить такую прибыль, которая будет превосходить от занятия прочими профессиями» [12, с.29].

Не менее известный исследователь квалификационных способностей работника в качестве человеческого капитала Л. Туроу (1938 – 2016) определял его содержание «способностью производить предметы и услуги» [235, с.14]. Дж. Кендрик относит к человеческому капиталу общие и специфические знания работника, а также способность к производительному труду. Ф. Фукуяма помимо элементов постоянного капитала включает в структуру капитала «знания и квалификацию людей», подчеркивая, что «значение этих факторов во временном разрезе постоянно возрастает» [281, с.129].

Л. Туроу полагал, что «общество может ожидать получение известных выгод от вложений в способности человека, поскольку они способны изменить будущие и текущие предпочтения таким образом, что последние станут совместимыми со стремлениями большинства в обществе, причем, если такие предпочтения будут иметь ценность для общества в целом, совсем не обязательно должны коррелировать с ценностными установками отдельно взятого индивида» [365, р.15]. Сущность человеческого капитала, как полагает исследователь, определяется «экономической способностью, которая влияет на производительность остальных вложений» [365, р.48].

М. Блауг (1927 – 2011), описывая содержание креативного работника в капитальной форме отмечал, что «„твердое ядро“ исследовательской программы человеческого капитала заключается в идее, что люди тратят на себя ресурсы различным образом – не только для удовлетворения текущих потребностей, но и для будущих денежных и неденежных доходов» [18, с.318].

Согласно научной позиции Л. Энвинсона и М. Мэлоуна, человеческий капитал следует понимать как «совокупность знаний, практических навыков, творческих способностей сотрудников, вовлеченных к выполнению текущих задач, а также устоявшиеся в компании „моральные ценности“, культура труда и общий подход к делу» [312, с.434–436].

К.Р. Макконелл и С.Л. Брю определяют человеческий капитал как «накопление предшествующих вложений в образование, подготовку,

здравоохранение и другие факторы, способствующие повышению производительности труда» [155, с.39].

Изучением вопроса развития человеческого капитала наряду с западными исследователями, серьезно занималось и продолжает заниматься и российское научное сообщество. Заметим, что на многие фундаментальные вопросы (в частности, о предназначении человека, об отличии истинного благосостояния нации от простого стяжательства, о роли образования и науки в процессе общественного развития, о трудовом энтузиазме народа и др.) отечественные исследователи имели собственную (отличную от западной научной мысли) точку зрения. В частности, была методологически обоснована, а затем и введена в научный оборот категория «нравственный (нематериальный) капитал».

При этом стоит обратить внимание, что по ключевым моментам научные взгляды российской интеллигенции совпадали и даже дополняли идеи мыслителей античности. Так, например, разделялась позиция о духовном (нравственном) воспитании человека, о превосходстве нематериальной составляющей жизни по отношению к материальной, о необходимости и важности вложений во всеобщее образование, а, следовательно, воспитание всесторонне развитой личности. В качестве примера можно привести развитую еще Платоном идею о так называемой «противоречивости богатства и добродетели», утверждение Августина, что «богатство – это ограбление бедных» или позицию Аристотеля, что достояние полиса и благополучие населяющих его граждан не могут измеряться денежным обращением. Последний пример поясним подробнее.

Широко известно, что Аристотель выделял две формы богатства (истинное и мнимое). Первая форма (истинное богатство) понималась им как накопление «полезных полису вещей» – совокупность необходимых для полноценной жизни предметов потребления. Философ справедливо полагал, что приоритетом общественного развития должно быть духовное

(нематериальное) развитие человеческой сущности, а не «дух стяжательства». Поэтому основной задачей полиса видел построение такой системы управления, которая бы содействовала всеобщему благоденствию граждан и эффективному развитию государства. Науку, которая должна этим заниматься, называл экономией.

Вторую форму (мнимое богатство) трактовал как хрематистику, когда процесс накопления денег достигался не за счет воспроизводства необходимых полису совокупности материальных и социальных благ, а на основе ростовщичества, когда возрастание денег происходит за счет обращения самих денег (Д – Д'). Эта форма деятельности жестко критиковалась мыслителем, а жажда наживы трактовалась как порок.

Подобной позиции придерживались и продолжают придерживаться многие отечественные исследователи. В частности, Н.С. Мордвинов (1754 – 1845) отмечал, что просвещение и общественное развитие – понятия тесно взаимосвязанные и взаимозависимые; без первого нет второго. Н.Г. Чернышевский (1828 – 1889) неустанно повторял, что «решительно ни один из элементов успешности производства не имеет такого громадного значения, как степень умственного развития работника; климат, почва, запасы капитала, самая крепость физических сил, – все это ничтожно по сравнению с развитием мысли» [303, с.274-275].

Меркантилист И.Т. Посошков (1652 – 1726) в работе «Книга о скудности и богатстве» (1724) обращал внимание, что «труд является основным источником накопления и достижения богатства вещественных (внешних) и невещественных (внутренних) благ» [204, с.116].

Похожих взглядов придерживался и первый действительный член РАН по экономике, российский экономист А.К. Шторх (1766 – 1835). Он не принимал и подвергал сомнению высказывание А. Смита о предмете политической экономии как о науке, изучающей понятие «богатство» исключительно в денежном эквиваленте. Российский деятель полагал, что

характеристика богатства лишь как совокупности материальных благ теоретически несостоятельна и легко опровергается на практике. Критикуя однобокость такой трактовки, он отмечал, что общественное богатство – много шире, оно включает в себя и нематериальные блага. Соглашаясь с идеями У. Петти и Д. Рикардо, доказывал, что только то государство и та нация могут и должны считаться богатыми и процветающими в полном смысле этого слова, в котором в достатке и согласии живут все его жители без исключения.

Заметим, основной постулат ученого можно подвести к следующему положению. Просвещение и наука способствуют воспроизводству нематериального богатства, что по природе своей является не менее важным, чем, например, «создание материальных ценностей. Поэтому труд, направленный на формирование нематериального капитала, увеличивает богатство нации, а значит, является производительным» [19, с.185; 200, с.25].

Однако А.К. Шторх соглашается с научной концепцией А. Смита об экономическом человеке. Он, поддерживая идею о необходимости отмены крепостного строя, отмечал, что «со времен Петра Великого капитал России значительно увеличился, ... но он вырос бы еще больше, если бы все классы жителей обширной Империи пользовались ... свободой употреблять по собственному усмотрению свои личные способности и капиталы, так как свобода принятия решения и ответственность за ожидаемый результат должна стимулировать рост объемов производства» [200, с.25].

Научные взгляды А.К. Шторха в дальнейшем были развиты в исследованиях И.К. Бабста, С.Н. Булгакова, А.И. Бутовского, супругов Янжул и др. Ссылки на научные тексты А.К. Шторха можно найти и на страницах «Капитала» К. Маркса, что, несомненно, свидетельствует о высоком научном весе его позиции.

А.И. Бутовский (1814 – 1890) в трактате «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» (1847) основательно рассмотрел способы и методы достижения благосостояния. Особенно внимательно он подошел к осмыслению содержания «нравственный капитал». Исследователь доказывал,

что нравственный капитал – это долгосрочная инвестиция, что вложения в этот вид капитала, а значит в масштабное развитие творческого потенциала нации, обязательно окупятся в будущем и приведут к экономическому росту и процветанию.

И.К. Бабст (1823 – 1881), выступая с докладом «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» (1856) в Казанском государственном университете, обращал внимание присутствующих на важность исследования нравственного капитала как ключевого инструмента и источника накопления богатства. Исследователь отмечал, что «там, где нет уважения к труду и образованию, нет честности, а где нет честности и нравственности, не может умножаться народный капитал» [7, с.117].

Д.И. Менделеев (1834 – 1907) политическую и экономическую независимость России, ее успех и самодостаточность увязывал с системой образования и просвещения, нацеленной на развитие образованного человека, человека как носителя креативного потенциала. По его мнению, «образованные люди нужнее и полезнее других сравнительно с массой людей, не получивших образования. Образование – это благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости и опытности» [170, с.304]. Отечественный ученый не без основания полагал, что основной задачей государственной власти должна стать всесторонняя «забота о просвещении народа и его промышленном развитии» [170, с.369].

Таким образом, передовая экономическая и социофилософская наука России XVIII – XX веков процесс общественного развития во многом связывала с уровнем достижения нравственного богатства. В этой связи можно говорить, что в трудах отечественных ученых материальная составляющая как объект исследования уходила на второй план, уступая свое место нематериальной. Тем самым советскими политэкономами задолго до разработок коллег из неоклассической школы был определен и исследован главный инструмент воздействия на человеческую личность – нравственное,

всестороннее воспитание, которое формируется не постоянно максимизирующим свою полезность экономическим человеком, а другим – созидающим.

На смену вышеохарактеризованным традициям российской экономической науки приходит советская политическая экономия, которая с силу ряда причин несколько сместила угол научного интереса на анализ других проблем. Это, конечно же, не говорит о том, что в эпоху социализма вопросы экономики образования, экономической эффективности труда работников высокой квалификации, развития творческого потенциала человека в интересах экономического роста и др. вдруг перестали волновать и будоражить умы деятелей передовой научной мысли. Отнюдь, в копилке российской научной интеллигенции содержится целая плеяда достойных публикаций. В частности, это труды В.С. Гойло, А.Б. Дайновского, Г.А. Егиазарян, В.А. Жамина, Е.Н. Жильцова, Р.И. Капелюшникова, В.Е. Комарова, В.П. Корчагина, С.Л. Костянина, В.И. Марцинкевич, С.Г. Струмилина, Л.И. Тульчинского и др., которые продолжала развивать эти темы.

В трактатах С.Г. Струмилина (1877 – 1974) была предпринята попытка осуществить количественную оценку влияния народного образования и просвещения на производительность труда и эффективность производства. В ходе своего исследования он выявил положительную корреляцию между уровнем повышения квалификации работника с его возрастом, уровнем образования и профессиональным стажем. Анализ полученных в работе фактологических данных позволяет академику сформулировать ряд важных выводов о том, что «выгоды от повышения продуктивности труда превышают соответствующие затраты государства на школьное обучение в 27,6 раза. При этом капитальные затраты казны окупаются в первые 1,5 года, а в течение следующих 35,5 лет государство получает ежегодно чистый доход в размере 73% годовых» [258, с.122].

В конечном счете, теоретически развитая советскими исследователями воспроизводственная система экономики труда стала основой для перехода

СССР на стандарт полностью бесплатного общенародного образования, попутно заложив на долгие годы вперед стойкие предпосылки долгосрочного социально-экономического роста и общественного развития советского народа. В этом смысле можно даже говорить, что история развития советского общества стала своего рода уникальным социальным проектом, продемонстрировавшим всему миру новую модель социальной эволюции.

Впоследствии труды отечественных исследователей можно охарактеризовать как ответную реакцию советской экономической мысли на развитие западной теории человеческого капитала. Критические работы позволяли советским ученым дать оценку тому, как развивается зарубежная экономическая наука. В конце XX в. публикуются первые научные работы В.С. Гойло (1975 г.) [55], Р.И. Капелюшниковой (1981 г.) [121], в которых теория человеческого капитала анализируется с позиций методологии марксизма.

В частности, центральная идея В.С. Гойло, отстаиваемая им, заключалась в том, что избыточность западной теории человеческого капитала объясняется тем, что приоритет исследования места, роли трудового фактора в экономике традиционно принадлежит политической экономии социализма, которая, оперируя марксистской теорией и методологией, исчерпывающе исследует вопрос его всесторонней интерпретации и развития.

Исследователи активно предпринимали попытки обоснования теории человеческого капитала, ее адаптации к российским условиям. На этом поприще в свое время выступали и продолжают выступать В.С. Автономов, А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, И.В. Ильинский, С.А. Курганский, Б.С. Лисовик, Е.И. Ломова, Р.М. Нуреев, В.В. Радаев, А.Е. Шаститко, Е.Д. Цыренова и др.

Примечательно, приблизительно в это время в отечественной экономической науке актуализируется новый объект анализа – человеческий потенциал. Как считает Е.А. Полищук, «теория трудового потенциала возникает как реакция на пришедшую с Запада теорию человеческого капитала, а с другой – ее появление объясняется обозначившейся в экономике тенденцией к интенсификации производства» [200, с.32]. Один за другим успешно

защищаются добротные диссертационные работы (в основном докторские) по человеческому потенциалу и механизму его воспроизводства – А.Б. Докторовича [88], И.В. Соболевой [251], А.О. Вереникина [41], Е.А. Катайцевой [123] и др.

Актуализация теории человеческого потенциала позволила советской научной общественности исследовать некогда упущенную непроизводственную сферу (уровень и структуру образования, степень ее эффективности, стоимостную оценку трудового фактора, комплементарность предельных доходов от обучения и предельных издержек на обучение и пр.).

На сегодняшний день российские ученые вплотную занимаются вопросами развития теории человеческого капитала. Так, например, М.М. Критский теорию человеческого капитала характеризует как «всеобщую конкретную форму жизнедеятельности, ассимилирующую предшествующие формы, адекватные эпохам присваивающего и производящего хозяйства, осуществляющуюся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию» [143, с.17].

Экономист не без основания полагает, что в современных условиях рыночной экономики капитал под действием определяющей роли науки и передовых знаний последовательно трансформируется в одну из форм интеллектуального капитала. Ключевую роль в этом процессе М.М. Критский отводит креативным способностям работников, занятым в высокотехнологичных секторах экономики. Человеческий капитал он называет «персонификацией единства запасов потребностей и способностей» [142, с.9].

На наш взгляд, одним из определяющих тезисов российского ученого является то, что в отличие от наемной рабочей силы (объекта купли-продажи), включенный в трудовой процесс человеческий капитал креативного работника способствует достижению производственного эффекта, существенно превышающего затраты на его воспроизводство. М.М. Критский справедливо учитывает, что в реальном производственном процессе человеческий капитал по форме своего обращения начинает определять признаки внешнего сходства с

материальным капиталом. Это обстоятельство, как представляется, позволяет исследователю полагать, что «человеческий капитал совершает специфический экономический оборот и кругооборот, проходя соответствующие стадии своего воспроизводства, проявляясь в различных функциональных формах, в том числе интеллектуальных, не свойственных традиционной рабочей силе» [142, с.81].

Л.Г. Симкина, дополняя концепцию М.М. Критского, производительную форму человеческого капитала предлагает понимать как единство двух компонентов – непосредственного труда и высокоинтеллектуальной деятельности, последняя из которых является источником достижения национального богатства.

По мнению С.А. Дятлова и его коллег «человеческий капитал есть сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком запас здоровья, навыков, способностей, знаний, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и производства и тем самым влияют на рост доходов данного человека» [94, с.26; 81, с.45].

Вместе с тем целый блок исследователей из кафедры политической экономии экономического факультета МГУ (в частности, А.В. Бузгалин, А.О. Вереникин, А.И. Колганов, М.Ю. Павлов, А.А. Пороховский, К.А. Хубиев, В.Н. Черковец и др.) предлагают трактовать феномен человеческого капитала в капиталоподобной (иррациональной) форме, поскольку в условиях рыночной экономики продолжает сохраняться наемная форма организации труда. Последнее свойство, как считают политэкономы, не позволяет в полной мере характеризовать трудовой потенциал креативного работника в качестве капитала, пусть и человеческого.

В частности, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, исследуя творческие компетенции современного работника сквозь призму неоклассической теории человеческого капитала, пишут, что, несмотря на очевидное сходство человеческого капитала креативного работника материальному капиталу,

«различия между человеческими способностями к творческой деятельности и капиталом достаточно велики для того, чтобы с научной точки зрения было бы оправдано объединение их в общий класс явлений – „капитал”» [34, с.20].

Подобная точка зрения поддерживается многими экономистами. В частности, М.М. Хайкин, анализируя человеческий капитал в условиях современного инновационного производства в качестве «цементирующего средства», а также неотъемлемой части интеллектуального потенциала человека, и понимая его довольно неоднозначное толкование в научном сообществе, предлагает исследовать экономическую категорию как «особый вид капитала, который при определенных специфических условиях может приобретать *иррациональную форму*» [284], не обязательно напрямую связанную с процессом создания стоимости. Экономист обращает внимание, что эффективная реализация ценных для общества внутриличностных качеств человека происходит «преимущественно в высших формах деятельности в рамках нерентабельного производства (в науке, культуре и искусстве, государственном и муниципальном управлении, благотворительности, воспитании и образовании детей в системе функционирования домохозяйства – всех других видах, главным образом, творческого труда)» [284].

Ю.А. Корчагин содержание человеческого капитала трактует как «интенсивный синтетический и сложный производительный фактор развития экономики и общества, включающий креативные трудовые ресурсы, инновационную систему, высокопроизводительные накопленные знания, системы обеспечения профессиональной информацией, инструменты интеллектуального и организационного труда, качества жизни и интеллектуальной деятельности, обеспечивающие эффективное функционирование человеческого капитала» [139].

Научная группа исследователей под руководством Л.И. Абалкина трактует человеческий капитал как «сумму врожденных способностей, общего и специального образования, приобретенного профессионального опыта, творческого потенциала, морально-психологического и физического здоровья,

мотивов деятельности, обеспечивающих возможность приносить доход» [257, с.21-22].

И.В. Грузков содержание человеческого капитала выражает как «экономические отношения людей по поводу сформированной и накапливаемой в течение жизни совокупности биологических, социальных, духовных производительных и профессиональных характеристик человека, технологий их использования в хозяйственной деятельности с целью повышения эффективности труда и получения материального дохода или морального вознаграждения работника» [64, с.65].

В.Н. Костюк, разработавший авторскую концепцию теории эволюции на основе анализа социоэкономических процессов, характеризует «человеческий капитал как возможность индивида успешно действовать в условиях нестабильности и неопределенности» [141, с.120-121].

И.Т. Корогодин раскрывает «человеческий капитал как совокупность знаний, навыков, умений и других способностей человека, сформированных, накопленных и усовершенствованных в результате инвестиции в процессе его жизнедеятельности, необходимых для конкретной целесообразной деятельности и содействующих росту производительной силы труда» [138, с.120]. Исследователь доказывает, что важнейшим раскрывающим суть капитала критерием, является его приращение во времени. Он полагает, что любые средства (вещественные, денежные, интеллектуальные, информационные и др.), посредством которых люди стремятся извлечь прибыль, можно называть капиталом. Экономист предлагает изучать человеческий капитал в социально-экономическом контексте, в рамках которого производительные способности трудового фактора выражаются отношениями личной собственности.

По мнению Б.В. Салихова «человеческий капитал представляет собой непосредственно вовлеченный в созидательный процесс часть человеческих ресурсов, представленная определенным, именно востребованным в

производстве сочетанием свойств и характеристик каждой личности» [194, с.26].

Л.Н. Салимов определяет человеческий капитал «специфической ценностью, представленной системой постоянно развивающихся, созидательно ориентированных и востребованных человеческих свойств, обеспечивающих расширенное воспроизводство жизненных благ» [194, с.58].

В.В. Радаев раскрывает человеческий капитал как «совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход в виде заработной платы, процента или прибыли» [210, с.5].

С.В. Горбунова содержание человеческого капитала раскрывает «отношениями между наемными работниками и работодателями по поводу практического использования в системе общественного воспроизводства совокупности накапливаемых человеком знаний, способностей, мотиваций с целью получения дохода и прибыли» [57, с.228].

Оригинальный подход применяет О.М. Сулова, предлагая в качестве человеческого капитала понимать «особую форму капитала, представленную системой взаимодействующих потребностей и способностей индивида в процессе его деятельности» [267, с.15]. Как считает казанский исследователь, содержание экономической категории раскрывается благодаря двуединому анализу способностей и потребностей субъекта труда как особенностей человеческого капитала.

Подводя итог исследованию необходимо отметить, что в современных условиях имеют право на жизнь несколько обособленных и противоречивых между собой научных подходов, каждый из которых наполняет человеческий капитал собственными компонентами, отличительными свойствами. Одни исследователи (Л. Вальрас, С. Кузнец, Т. Мальтус, В.В. Радаев, А. Смит и др.) исходят из того, что трактуют человеческий капитал как определенный запас навыков, способностей и умений. Другие (Д.И. Менделеев, Д. Рикардо,

С.Г. Струмилин и др.) предлагают относить только такой набор квалификационных способностей, который был получен субъектом труда через каналы формального обучения. Третьи (Т. Шульц, Г. Беккер, Л.И. Абалкин, И.Т. Корогодина и др.) раскрывают содержание человеческого капитала через инвестиции как определенные целевые вложения, гарантирующие развитие, воспроизводство производительных способностей. Ряд ученых (Ф. Лист, И.Т. Посошков, А.К. Шторх и др.) включают в человеческий капитал так называемые неэкономические индикаторы (социальные, идеологические, духовные особенности и др.). Есть также исследователи (А.В. Бугалин, А.О. Вереникин, А.И. Колганов, Д.Ю. Миропольский, М.Ю. Павлов, А.А. Пороховский, М.М. Хайкин, К.А. Хубиев, В.Н. Черковец и др.), ставящие под сомнение обращение в структуре капиталистического производства креативных способностей наемных работников в форме человеческого капитала.

Таким образом, субстанция человеческого капитала до того как оформиться в более или менее стройную экономическую конструкцию в историко-экономическом аспекте проходит долгий и порой неоднозначный путь развития. Теоретико-методологический анализ содержания экономической категории до сих пор не завершен, находится на этапе постоянного уточнения и дополнения. При этом значение и роль человеческого капитала креативного работника в современной экономике неуклонно растет.

Материал параграфа позволяет нам на предварительном уровне с высокой долей достоверности определить человеческий капитал креативного работника наличием развитых и реализованных субъектом труда квалификационных способностей в виде знаний, профессиональных компетенций и опыта, которые в процессе применения позволяют получать компании (эксплуатанту их труда) дополнительную экономическую выгоду. Обоснованию достоверности такой трактовки человеческого капитала, его глубокого экономического анализа в условиях креативизации труда будет посвящен следующий параграф исследования.

В заключении отметим, что экономическое содержание человеческого капитала, на наш взгляд, нуждается в более тщательной проработке вопросов закономерностей формирования, воспроизводства, условий и факторов обеспечения результативности его использования на всех этапах экономического развития. Назрела необходимость решения многогранной задачи построения теоретико-методологической теории изменения отношений по формированию и воспроизводству креативных способностей работника в системе общественного производства, разработки практического инструментария для обеспечения их дальнейшей результативности и эффективности.

1.2. Человеческий капитал: сущность, модель формирования и кругооборота

С точки зрения основ экономической теории неоклассическая категория «человеческий капитал» обязывает нас использовать его определение в достаточно строгой формулировке. Во многом это связано с тем, что по структуре и содержанию исследуемая экономическая категория определяет в себе смежные с капитальной ценностью свойства, поэтому довольно часто отождествляется с политико-экономическим понятием «капитал». Чтобы проследить такую закономерность нам предстоит теоретически обосновать вышеуказанную мысль разграничением между собой категорий «капитал» и «человеческий капитал», а после – взаимосопоставить их.

Современная экономическая теория к интерпретации квалификационных способностей трудового фактора традиционно выделяет два самостоятельных методологических подхода: марксистский и неоклассический. Сразу оговорим, что в рамках настоящего параграфа мы постараемся раскрыть сущность человеческого капитала и соотнести его с капиталом рамками марксистского

наследия. Связано это целым рядом обстоятельств, в числе основных из которых следует отметить все большее укрепление в академическом сообществе мысли, что в условиях современной рыночной экономики неоклассическая экономическая теория перестает объяснять и адекватно отражать надвигающиеся социально-экономические трансформации и, следовательно, необходимо по-новому взглянуть на марксизм.

Ценность марксистской политэкономической методологии для анализа человеческого капитала креативного работника определяется также «целесообразностью переосмысления взглядов К. Маркса на воспроизводство рабочей силы и проецирования их на изучение человеческого капитала, о возможной трансформации, коренном обновлении и дальнейшем применении трудовой теории стоимости» [59].

Стоит отдать должное методологии марксизма, предельно четко обозначившей ключевые метаморфозы капитала, его содержание, структуру, механизм кругооборота в общественном масштабе.

К. Маркс охарактеризовал материальный капитал не просто определенной вещью, а «общественным, принадлежащим определенной исторической формации общества производственным отношением, воплощенным в этой вещи и наделяющим его специфическим общественным характером» [161, с.378]. Раскрывая содержание, он конкретизировал капитал как «монополизированные определенной частью общества и превратившиеся в капитал средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия приведения в действие самой этой рабочей силы, ... которые сами по себе так же не суть капитал, как золото или серебро сами по себе не суть деньги» [161, с.378-379].

Трудовой теорией стоимости капитал трактуется как стоимость, причем самовозрастающая во времени. При этом он должен находиться в состоянии постоянного динамического движения, в основе своей носящий циклический характер. Основная цель движения капитала состоит в самовозрастании первоначально авансированной стоимости, т.е. в ее непрерывном приращении

во времени. Необходимо подчеркнуть, что в процессе своего обращения капитал приобретает разные формы, стартуя с денежной формы через производительную переходит в товарную форму.

Полный цикл оборота капитала достигается последовательной сменой стадий обращения и сопровождается обязательным возвращением формы капитала в исходную позицию. Процесс, когда завершение одного оборота запускает начало движения другого оборота, называется кругооборотом капитала. Важно отметить, что величина конечной формы обращения капитала в предыдущем обороте одновременно будет являться величиной начальной формы обращения капитала последующему циклу движения капитала. В этой связи капитал представляет собой отдачу и вложения одновременно.

Сущность капитала заключается в том, что путем авансирования стоимости в наемную рабочую силу создается новая стоимость (прибавочная стоимость, по К. Марксу). При этом широко известно, что капиталу как центральной политико-экономической категории, имеющей в основе единую субстанцию – стоимость, но разные формы обращения, свойственны признаки ограниченности, самовозрастаемости, ликвидности и оборачиваемости. Как мы покажем далее, идентичные признаки обнаруживаются и в человеческом капитале креативного работника, но с одной единственной оговоркой – в отличие от классического капитала, человеческий капитал неликвиден по определению.

На основе анализа нами были исследованы вышеуказанные признаки капитала (ограниченность, самовозрастаемость, оборачиваемость) на предмет их соответствия с конструкцией человеческого капитала креативного работника, что в дальнейшем помогло обосновать некоторое концептуальное единство и научную преемственность исследуемых экономических категорий.

Свойство ограниченности человеческого капитала креативного работника определяется: 1) его уникальностью; 2) объективной локализацией

квалификационных способностей рамками собственного носителя и, что немаловажно, их принципиальной неотделимостью.

Иммобильность профессиональных компетенций работника предполагает невозможность ни продать, ни подарить, ни провести любую другую операцию по их отчуждению. Поэтому человеческий капитал креативного работника выступает неотъемлемой составляющей своего носителя.

Современная система занятости креативного работника построена по принципу, что такой сотрудник задействует в производственный процесс свои творческие способности, создавая предпосылки для получения компанией экономической выгоды в виде сверхприбыли. Следовательно, для того, чтобы быть востребованным и конкурентоспособным на рынке труда креативный работник должен обладать определенным набором исключительных компетенций, которые, помимо прочего, в идеале должны постоянно прирастать во времени.

Приращение высокоинтеллектуального трудового потенциала специалиста целиком и полностью происходит в процессе образования, повышения квалификации и продвижения по кривой опыта. В этой связи креативные функции работника выступают в качестве специфического актива, имеющего на рынке труда высокую стоимостную оценку.

Заметим, по ряду объективных причин трудовому фактору свойственно отличаться друг от друга. Каждый человек по-своему уникален и неповторим. Оригинальность проявляется как врожденными способностями (талантом, целеустремленностью, работоспособностью, нестандартным мышлением и пр.), так и уровнем квалификации. При этом если первое качество приобретает, как правило, в наследство от родителей (т.е. без непосредственного участия самого носителя), то второе, наоборот, требует самых активных усилий со стороны носителя. Получается, что свойство ограниченности человеческого капитала может быть выведено через два взаимосвязанных фактора: 1) уникальностью квалификационных способностей субъекта креативного труда и 2) их абсолютной неликвидностью.

Конкретизация вышесказанной позиции потребует нас структурировать формулу человеческого капитала на входящие в нее составные элементы. В этом контексте имеет смысл провести сопоставительный анализ содержания понятий «рабочая сила» и «человеческий капитал».

Как известно, К. Маркс раскрывал субстанцию рабочей силы строго в границах товарного измерения. Марксова формула рабочей силы как «товара особо рода» выводится аналогично формуле товара:

$$P^{PC}_{CT} \quad (1),$$

где P - рабочая сила

PC - потребительная стоимость

CT - меновая стоимость

Действительно, если исходить из основ трудовой теории стоимости, в которой субстанция товара определяется как совокупность меновой и потребительной стоимостей, тогда и рабочая сила как «товар особого рода» должна апеллировать идентичными стоимостными измерителями. В этой связи субстанция рабочей силы будет представлена в виде суммы двух индексов (нижнего и верхнего): «Рабочая сила = Потребительная стоимость (верхний индекс) + Меновая стоимость (нижний индекс)».

Поскольку в структуре человеческого капитала, равно как и в рабочей силе, определяющим элементом выступает живой труд (т.е. трудоспособность субъекта труда), постольку операционализация человеческого капитала по аналогии с рабочей силы должна вытекать из факта единства потребительной и меновой стоимостей.

В этой связи формулу человеческого капитала креативного работника целесообразно охарактеризовать как «Человеческий капитал = Потребительная стоимость высокоинтеллектуальных производительных способностей (верхний индекс) + Меновая стоимость результата труда (нижний индекс)»:

$$\text{ЧК}^{\text{ПС}}_{\text{СТ}} \quad (2),$$

где ЧК - человеческий капитал

ПС - потребительная стоимость

СТ - меновая стоимость

Позволим себе одно уточнение. Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, внешнюю зеркальность формул исследуемых категорий (имеем в виду рабочую силу и человеческий капитал), это не предполагает их внутренней идентичности по той простой причине, что сущность человеческого капитала креативного работника ни при каких условиях не может быть сведена до уровня товарной характеристики, следовательно, не может быть редуцирована до уровня рабочей силы.

Этого не может случиться хотя бы потому, что траектория обращения человеческого капитала креативного работника, деятельность которого носит свободно организованный творческий характер, повторяет основные стадии движения капитала. При этом если кругооборот капитала предполагает обращение стоимости и его возрастание во времени, то кругооборот человеческого капитала – обращение субъекта креативного труда плюс возрастание его профессиональных способностей по мере продвижения по кривой опыта.

Учитывая, что верхний индекс формулы человеческого капитала характеризует потребительную стоимость (ПС) как меры общественной полезности квалификационных способностей креативного работника, а нижний – стоимостную оценку результата труда (СТ), набор любых активизированных в границах верхнего индекса трудовых способностей, присущих субъекту труда как на микро-, так и на макроанализе, будет исчерпаемым по определению.

Невозможно одновременно обладать всей совокупностью производительных способностей конкретно взятому субъекту труда (в силу разных обстоятельств определенный набор внутриличностных способностей

будет развит и вовлечен в трудовой процесс, а какой-то нет). Действительно, в мире нет двух абсолютно одинаковых людей, так же как нет двух абсолютно одинаковых экономик и др. Кроме того, неотчуждаемость человеческого капитала от креативного работника является тем определяющим качеством, который отличает его от других форм капитала. Следовательно, экономическая категория «человеческий капитал» так же, как и «капитал» определяет в себе признак ограниченного во времени актива.

Относительно свойства самовозрастания человеческого капитала следует отметить, что по мере потребления и развития квалификационных способностей качественной трансформации подвергается и сам субъект креативного труда. Наблюдается закономерный процесс расширения границ его квалификационных способностей (ценностных установок его компетенций) и, как следствие, приобретения им капитального признака второго порядка – самовозрастания личного фактора производства.

В формуле человеческого капитала самовозрастаемость квалификационных способностей работника креативного труда можно отразить следующим образом:

$$\text{ЧК}^{\text{ПС}+\Delta\text{ПС}}_{\text{СТ}} \quad (3),$$

где ЧК - человеческий капитал

ПС - потребительная стоимость

ΔПС - приращение потребительной стоимости

СТ - меновая стоимость

Как видно из формулы, переменная ΔПС верхнего индекса демонстрирует увеличение первоначальной потребительной стоимости (ПС) на некоторую дельту. При этом возрастание верхнего индекса благоприятствует повышению стоимости результата труда, созидания его потребительной стоимости. Возрастание показателя потребительной стоимости в свою очередь повышает

уровень производительности труда, качество трудового процесса, а значит – открывает новые возможности для карьерного роста и, как следствие, притязания на более высокий уровень вознаграждения креативного труда.

На взгляд автора, между обоими индексами человеческого капитала фиксируется определенная комплементарность – возрастание потребительной стоимости (верхний индекс) как субъективной меры полезности квалификационных характеристик креативного работника способствует увеличению величины нормы доходности (нижний индекс) как стоимостной оценки результата труда. Сказанное позволяет утверждать, что величина потребительной стоимости (полезность креативного работника) обладает оригинальным признаком быть источником генерации дополнительной экономической выгоды.

Следовательно, в процессе обращения человеческий капитал креативного работника в отличие от материального капитала демонстрирует свойство не просто самовозрастания, а так называемого двойного самовозрастания во времени (в скобках еще раз напомним – помимо создания новой стоимости, наблюдается и продвижение по кривой опыта). При этом следует отметить, что в процессе обращения скорость движения человеческого капитала креативного работника будет разной (все очень индивидуально и зависит от многих внутренних и внешних факторов).

Свойство оборачиваемости человеческого капитала в системе воспроизводства будет раскрыто позже, поскольку обоснование этого признака потребует ввода авторской модели формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника.

Для начала нам необходимо будет рассмотреть механизм классического кругооборота промышленного капитала, которого К. Маркс называл «единственной формой существования капитала, ... обуславливающей капиталистический характер производства» [158, с.52].

Всеобщая формула оборота промышленного капитала, представленная К. Марксом, выглядит следующим образом (Рисунок 1):

$$Д - Т < \begin{matrix} P \\ Sp \end{matrix} \dots П \dots Т' - Д'$$

где Д – денежный капитал

Т – товарный капитал

Р – рабочая сила

Sp – средства производства

П – производственный процесс

Т' – товарный капитал, увеличенный на прибавочный продукт

Д' – денежный капитал, увеличенный на прибавочную стоимость

Рис. 1. Оборот капитала.

Многоточие (...) в формуле означает прерывание процесса обращения. К. Маркс предельно четко обосновал, что в процессе оборота капитал проходит три последовательные стадии обращения, две из которых протекают в сфере товарного обращения (Д - Т^Р_{Sp}; Т' - Д'), одна – в сфере производства (...П...).

Первая стадия детализирует распад переменной Д (денежный капитал) на две составные части: 1) Д – Р (приобретение на рынке труда рабочей силы) и 2) Д – Sp (приобретение на рынке сбыта средств производства).

В методологии марксизма переменная Р (рабочая сила) занимает видное место, являя собой объект особого политико-экономического исследования. Это не случайно, поскольку в основе своей представляет субстанцию, без которой невозможно претендовать на возрастание первоначально авансированной стоимости, иначе – рассчитывать на получение прибавочной стоимости как формы возрастания капитала.

Однако не стоит забывать, что в логике трудовой теории стоимости рабочая сила трактуется строго в товарной форме; ей не придаются признаки капитальной стоимости, поэтому категория операционализируется строго

границами обмена меновых стоимостей, т.е. в пределах общественно-необходимых затрат труда.

В современных условиях хозяйствования, когда трудовой потенциал работника неоспоримо доказывает свое превосходство, а высококвалифицированный специалист начинает определять признаки высокой экономической ценности при прочих равных условиях, на повестку дня встает вопрос кардинального пересмотра креативного потенциала работника с товарной формы в специфическую форму человеческого капитала. В этой связи актуализируется вопрос формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника в современном воспроизводственном процессе.

Разработанная нами концептуальная модель формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника позволяет оценивать квалификационные способности субъекта труда с позиции накапливаемого актива. Введенные К. Марксом метаморфозы капитала, их кругооборот стали для нас рабочим инструментом для построения новой исследовательской модели. Основной акцент в анализе сделан на анализ переменной Р (рабочая сила), требующей к себе повышенное внимание в свете актуализации новых вызовов времени (креативизация, цифровизация, роботизация и др.).

В ходе исследования было выяснено, что раскрытие человеческого капитала и его кругооборот отягощены отсутствием важной категории, не учитывать которую нельзя, поскольку она выступает предпосылкой формирования собственно самого человеческого капитала. Это – категория «человеческий потенциал».

Взаимное сопоставление понятийного аппарата исследуемых категорий позволило выявить между ними четкую каузальную связь – они взаимообусловлены и в их взаимоотношениях существует определенная структура, игнорировать которую нельзя как с теоретической, так и с методологической точек зрения.

Если оперировать высказыванием К. Маркса о том, что «как рабочая сила не является капиталом от природы, точно так же не являются капиталом от природы средства производства потому, что приобретают этот специфический общественный характер лишь при определенных исторически сложившихся условиях, подобно тому, как лишь при таких же условиях благородные металлы получают характер денег или деньги – характер денежного капитала» [159, с.33], то человеческий капитал креативного работника как показатель экономической эффективности вовлеченных в деятельностный процесс квалификационных способностей также не может возникнуть сам по себе.

С этимологической точки зрения категорию «человеческий потенциал» можно трактовать как некий запас, ресурс врожденных и/или приобретенных носителем, но нереализованных им в труде внутриличностных способностей. Принимая научную позицию подробно рассмотревших эту категорию исследователей (А.О. Вереникин [41], И.В. Грузков [63], А.Б. Докторович [88], Л.В. Згонник [94], Е.А. Полищук [199], И.В. Соболева [251], Г.Н. Тугускина [276] и др.), резюмируем, что человеческий потенциал представляет собой комплекс накопленных, но не реализованных индивидом в трудовой деятельности творческих способностей (знаний, умений, навыков и пр.).

Существенное отличие человеческого потенциала от человеческого капитала состоит в том, что 1) развитие человеческого потенциала направлено на развитие качественных характеристик самого носителя, который хотя и обеспечивает рост уровня его внутреннего содержания, но не предполагает стоимостной оценки результата его трудовой активности; 2) реализация человеческого потенциала может проходить в различной форме активности, но только не в трудовой; 3) человеческий потенциал не создает новую стоимость (прибыль).

Заметим, хотя в логике рассуждений К. Маркса не встречается прямого обращения к экономической категории «человеческий потенциал» и он не углублялся в детальный анализ этого явления, тем не менее, высказывание, *«способность к труду еще не означает труд* (курсив наш – З. Хабибуллина),

подобно тому, что как способность переваривать пищу вовсе еще не совпадает с фактическим перевариванием пищи» [158, с.180] недвусмысленно подтверждает, что речь идет именно об этом явлении. Характеризуя это явление, он далее размышляет, что «потребление рабочей силы – это сам труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Последний благодаря этому становится actu (на деле) осуществляющей себя рабочей силой, между тем как раньше он был таковым лишь potential (потенциально)» [158, с.184]. При этом автор «Капитала», оперируя фразой Сисмонди, что «способность к труду ... есть ничто, раз она не продана» [158, с.180] предельно четко демонстрирует преемственность между исследуемыми категориями.

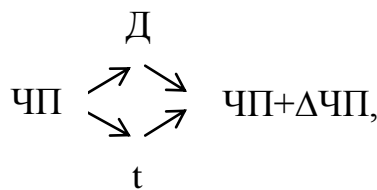
Мы придерживаемся позиции, когда анализируемые экономические категории имеют единую субстанцию – накопленный и развитый человеком высокоинтеллектуальный креативный потенциал. Основное отличие между категориями состоит в том, что в отношении человеческого потенциала эти способности находятся в состоянии покоя, следовательно, не потребляются в труде, а в человеческом капитале, наоборот, реализованы в труде и создают новую стоимость (экономическую выгоду в виде прибыли).

При этом, если человеческий потенциал интерпретируется нами в исследовании как комплекс накопленных индивидом творческих способностей (знаний, умений, навыков и пр.) независимо от их использования в труде, то человеческий капитал, наоборот, как вовлеченные в производственный процесс креативные способности, приносящие своему носителю выгоду.

В этой связи понятие «человеческий потенциал» целесообразнее интерпретировать шире понятия «человеческий капитал», поскольку потенциал представляет собой возможности, не всегда реализующиеся на практике. Следовательно, не все инвестиции, вложенные в развитие способностей, в процессе жизнедеятельности могут приносить своему владельцу выгоду в стоимостной форме.

До момента трудоустройства направленные на развитие внутриличностных способностей затраты можно считать непроизводительными, поскольку они потрачены на накопление внутриличностных способностей человека.

Движение человеческого потенциала в процессе собственного обращения может проходить как малый (при единичном акте накопления), так и расширенный (при множественных актах накопления) циклы (Рисунок 2).

где ЧП – человеческий потенциал

Д – денежные затраты

t – временные затраты

$\Delta\text{ЧП}$ – накопленный человеческий потенциал

Рис. 2. Малый оборот движения человеческого потенциала.

Поскольку накопленный человеческий потенциал ($\Delta\text{ЧП}$) демонстрирует приращение человеческого потенциала, иначе - возросший человеческий потенциал ($\text{ЧП} + \Delta\text{ЧП}$), тогда первоначально введенную нами схему можно представить в следующем виде (Рисунок 3).

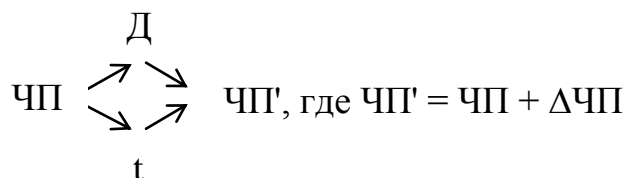

Рис. 3. Малый оборот движения человеческого потенциала.

Принимая во внимание тот факт, что в область нашего исследования были включены исключительно высокомотивированные на развитие

креативных способностей индивиды, прилагающие максимально активные усилия в этом направлении, считаем допустимым переменной, характеризующую интенсивность усилий на приобретение знаний, умений и навыков, исключить из экономического анализа по причине ее эквивалентности. Напротив, включение фактора времени является обязательным, поскольку развитие человеческого потенциала помимо денежных затрат требует также и значительных временных ресурсов.

Расширенный оборот воспроизводства человеческого потенциала и его приращение во времени примет следующий закономерный вид (Рисунок 4).

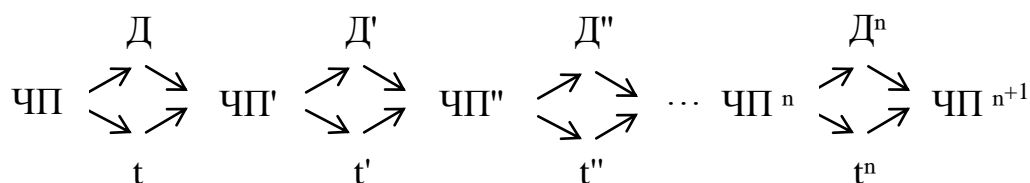

Рис. 4. Расширенный оборот движения человеческого потенциала.

Считаем нужным отметить, что процесс накопления и приращения человеческого потенциала как в малом, так и в расширенном обороте ограничен границами сферы обращения, в которой (как известно из трудовой теории стоимости) возможности для самовозрастания стоимости отсутствуют. В этой связи, вложенные на формирование способностей инвестиции, будут полностью потребляться на развитие мировоззренческих установок его носителя, что с точки зрения эффективности вложений правильнее расценивать как экономически нерациональные расходы.

Отсюда важный вывод - обязательным условием формирования человеческого капитала креативного работника как фактора производства является сфера обращения, но дальнейшее его приращение достижимо в сфере потребления. Другими словами, пока креативный потенциал человека не будет вовлечен в производственные отношения, возможности для воспроизводства его человеческого капитала как накапливаемого актива не будет. Как видно из проведенного анализа, человеческий потенциал, даже бесконечно накапливаясь

во времени, не имеет возможности без практического приложения преобразоваться в фазу человеческого капитала, благодаря чему последний (по аналогии с материальным капиталом) начнет характеризоваться как принадлежащий креативному работнику накапливаемый актив, служащий источником для извлечения в дальнейшем дополнительной экономической выгоды.

Процесс формирования человеческого капитала из человеческого потенциала можно отразить следующей схемой (Рисунок 5).

$$\text{ЧП} - \text{T} - \text{ЧК},$$

где ЧП – человеческий потенциал

T – трудовая деятельность

ЧК – человеческий капитал

Рис. 5. Механизм формирования человеческого капитала.

В схеме акт движения (ЧП – T – ЧК) раскрывает процесс перехода творческого потенциала индивида в производительные способности креативного работника (т.е. в человеческий капитал). Если в фазе человеческого потенциала (в процессе образования) происходит авансирование денежных средств на развитие творческого потенциала индивида, то в фазе человеческого капитала (во время занятости) востребованные на рынке труда творческие способности человека переходят в компетенции креативного работника. Следовательно, единой субстанцией этих превращений выступает стоимость, стартуя с денежной формы в креативные способности, а затем, наоборот, креативных способностей в денежную форму. С этим можно соизмерять затраты, направленные на формирование способности в последующем извлекать дополнительную экономическую выгоду.

Следующим этапом выступает собственное обращение человеческого капитала. В процессе движения человеческий капитал креативного работника совершает бесконечное множество малых и расширенных оборотов,

поступательное движение которых, согласуясь с общей логикой движения капитала, завершается обязательным возвращением формы человеческого капитала в исходное положение, хотя и в возросшей форме (Рисунок 6).

$$\text{ЧК} - \text{T} - \text{ЧК}', \text{ где } \text{ЧК}' = \text{ЧК} + \Delta\text{ЧК}$$

Рис. 6. Оборот человеческого капитала.

Полный цикл оборота человеческого капитала работника, занятого творческой деятельностью, можно разложить на три стадии: 1) ЧК; 2) – Т –; 3) ЧК'. Начальная и конечная стадия относятся к сфере обращения, промежуточная – к сфере потребления.

Важно отметить, что акт движения (ЧК – Т – ЧК') демонстрирует приращение человеческого капитала одновременно по двум направлениям: помимо расширения в труде границ профессиональных компетенций и продвижения по кривой опыта, наблюдается возрастание стоимости человеческого капитала креативного работника как накапливаемого актива, в конечном счете, позволяя ему за счет совместного участия в создании добавленной стоимости претендовать на некоторое объективное перераспределение части прибыли в свою пользу.

Расширенная форма кругооборота человеческого капитала, его воспроизводство примет следующий вид (Рисунок 7).

$$\text{ЧК} - \text{T} - \text{ЧК}' - \text{T} - \text{ЧК}'' - \text{T} - \text{ЧК}^n - \text{T} - \text{ЧК}^{n+1}$$

Рис. 7. Кругооборот человеческого капитала.

Итак, выше проведенный анализ механизма формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника обнаруживает в интересующей нас экономической категории внешне похожие капитальному благу признаки (ограниченность, самовозрастаемость, оборачиваемость).

Таким образом, имеет место преодоление классической дилеммы между настоящим и будущим. При эффективном использовании данный актив одновременно генерирует новую стоимость (прибыль компании, часть из которой в денежной форме достается субъекту креативного труда) и возрастает в стоимости как накапливаемый актив. А при неэффективном использовании – уменьшается в стоимости как актив и не приносит креативному работнику дополнительной (по сравнению с куплей-продажей рабочей силы) экономической выгоды.

На основе модели сформулировано ключевое отличие человеческого капитала от человеческого потенциала, выражающееся в том, что если человеческий потенциал не способен отражать отдачу от вложенных инвестиций в развитие внутриличностных способностей, то человеческий капитал – отражает стоимостную оценку экономической эффективности от вложений в квалификационные способности креативного работника.

Проведенное исследование позволяет на основе разработанной модели формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника сформулировать авторское определение содержания человеческого капитала работника креативного работника, показывающее, что в условиях роста значения креативизации труда высокоинтеллектуальный потенциал субъекта труда приобретает форму человеческого капитала как накапливаемого актива.

На этой основе автор предлагает сформулировать содержание человеческого капитала креативного работника как развитые и реализованные субъектом труда квалификационные способности, предполагающие затраты на способность в последующем создавать дополнительную экономическую выгоду.

Логика исследования содержания человеческого капитала креативного работника обоснована следующими положениями:

- 1) человеческий капитал может быть активирован только в труде, при этом вне границ хозяйствования его реализация не осуществима;

2) человеческий капитал в процессе своего использования может как прирастать (продвижение по кривой опыта), так и уменьшаться (в случае, если креативный работник лишен возможности реализовать в труде свои компетенции). Последнее явление может стать следствием ряда негативных причин, например, отсутствие запроса на высокоинтеллектуальный труд, неразвитость национальной инновационной системы, низкие стимулы развития новых технологий;

3) человеческий капитал может приносить своему носителю выгоду в стоимостной форме (право на участие в прибыли).

Классическое определение капитала как отношения наемного труда и капитала, в процессе которого возникает прибыль (превращенная форма прибавочной стоимости), полностью присваиваемая собственником средств производства, а наемный работник получает в качестве заработной платы стоимость рабочей силы в пределах общественно-необходимых затрат труда, необходимых для ее воспроизводства, перестает работать по отношению к креативному работнику.

Как показывает практика, участие креативного работника, профессионализм которого востребован в процессе производства, способствует приращению его человеческого капитала и одновременно извлечению экономической выгоды в стоимостной форме. Причина этому видится в том, что, поскольку высококвалифицированный специалист выступает критически важным для воспроизводства капитала элементом, собственник средств производства фактически идет с ним на компромисс и в некоторой степени восстанавливает равную переговорную силу, допуская носителя креативного труда до участия в распределении прибыли. Это обстоятельство создает условия для характеристики человеческого капитала креативного работника в качестве накапливаемого актива и источника для извлечения дополнительной экономической выгоды.

1.3. Теория исследования человеческого капитала современного креативного работника: противоречия трудовой теории стоимости и теории предельной полезности

Прежде чем переходить к непосредственному анализу заявленной в настоящем параграфе темы исследования, считаем необходимым зафиксировать следующий тезис. Исследование экономической категории «человеческий капитал» в методологической области двух научных направлений экономической мысли (трудовой теории стоимости и теории предельной полезности) представляется своевременным и весьма полезным занятием по разным аспектам.

Дело в том, что современное определение «человеческий капитал» по целому ряду политико-экономических оснований содержит в себе парадокс, потому что капитал в рамках классической марксистской политической экономии есть противоположность наемного труда и наемный труд противопоставлен капиталу. При этом процесс воспроизводства капитала (причем как в простой, так и в расширенной форме) считается достижимым исключительно за счет эксплуатации наемного труда.

В рамках неоклассической экономической теории тоже принято различать рынок труда и рынок капитала и разводить эти категории. Действительно, в широком историко-экономическом аспекте отношения труда и капитала, несмотря на их взаимосвязь и взаимозависимость в процессе производства, всегда имели четко выраженный разделенный характер участия, а потому каждый из них был всегда противопоставлен другому. В этой связи одной из важнейших задач нашей работы является то, чтобы показать, как этот парадокс разрешается в условиях современной рыночной экономики и в чем содержание этого реально существующего феномена.

В реальности всем хорошо известно, что фирмы, использующие наемный труд высококвалифицированных работников оценивают человеческий капитал

фирмы, равно как и наемные работники оценивают свой собственный человеческий капитал. В итоге получается, что на практике это есть, а в теории обнаруживается явный парадокс. Здесь высвечивается исследовательская проблема, которую мы и попытаемся разрешить.

Для того чтобы ее решить, необходимо рассматривать корни вопроса. Основанием для того, чтобы разбираться в этом вопросе служит появление реального феномена человеческого капитала и соответствующей экономической категории, что и было отражено экономической наукой и прежде всего неоклассическим направлением в лице Т. Шульца [359-361], Г. Беккера [11-12, 321-323] и их многочисленных последователей, которых мы упоминали ранее.

Возникновение и развитие теории человеческого капитала в недрах именно маржиналистской парадигмы явилось далеко не случайным стечением обстоятельств. Традиционно *economics* рассматривал и продолжает рассматривать человека с позиции рационального эгоиста, функционирующего в условиях ограниченности ресурсов, а потому прилагающего усилия для постоянной максимизации собственной экономической эффективности (полезности), выраженной в стоимостной форме, и минимизации своих затрат (трудовых потенций).

В этом плане *economics* раскрывает сущность человека не иначе как с точки зрения рационального инвестора (этакого человека-калькулятора), в повседневной жизни постоянно взвешивающего личные выгоды и издержки. По форме воспроизводства подобная трактовка вполне отчетливо подводит профессиональные компетенции работника под особую разновидность капитала, наделяя экономическую категорию функциями капитального блага.

К настоящему моменту на эту тему появилось огромное количество работ. Научились различать человеческий капитал и человеческий потенциал. Авторитетный круг отечественных политэкономов небезосновательно считает, что в условиях монополистической капиталистической экономики человеческий капитал принимает, так называемую, превратную

(иррациональную) форму (А.В. Бузгалин [27-36], А.И. Колганов [30-36], Д.Ю. Миропольский [96, 174-177], М.Ю. Павлов [196], А.А. Пороховский [201-202], В.Т. Рязанов [224-229], М.М. Хайкин [284], К.А. Хубиев [287-290], В.Н. Черковец [298-302] и др.).

Справедливости ради следует признать, что на сегодняшний день обществоведческая литература изобилует работами, в которых наблюдается смешение разного рода интерпретаций экономической категории (от предикативных до эклектических форм толкования), в результате чего происходит определенная путаница в трактовке содержания человеческого капитала. Но в любом случае признается, что есть феномен человеческий капитал и есть такая экономическая категория, и что она возникла не случайно.

В качестве гипотезы автор считает, что материальной основой для формирования и развития человеческого капитала является широкое распространение творческой деятельности, формирование массового творческого труда, массового креативного класса. Эту тему развивали и продолжают развивать многие исследователи, среди которых хотелось бы выделить таких экономистов, как С.Д. Бодрунов [21-25], А.В. Бузгалин [27-36], М.И. Воейков [44-45], Р.С. Гринберг [61-62], Дж. К. Гэлбрейт [71], Д.Б. Джабборов [79-80], А.И. Колганов [30-36], Д. Лукач [152], И.А. Максимцев [193], Д.Ю. Миропольский [174-177], М.Ю. Павлов [196], Дж. Рифкин [212, 349-350], В.Т. Рязанов [224-231], Р. Флорида [279], И.И. Чангли [294], К. Шваб [306-306] и др.

Действительно, человек обладает способностью осуществлять репродуктивный труд и творческий труд. В этой связи субъект труда, который обладает более или менее подготовленной квалификационной способностью к репродуктивному труду – это человек, который обладает рабочей силой определенной квалификации. Но, кроме того, человек в потенции всегда, а в реалиях современного экономического мира достаточно часто обладает еще и творческим потенциалом. Соответственно, единство квалификационного потенциала человека как субъекта репродуктивного труда, с одной стороны, и

творческого потенциала человека, с другой стороны, может обозначить как трудовой потенциал человека. Мимоходом отметим, что сама по себе экономическая категория «трудовой потенциал человека» не нова. Она была введена в научный обиход давно, еще в советской литературе и с тех пор получила всестороннее теоретическое осмысление и практическое применение.

Возвращаясь к изложению основной темы нашего исследования, отметим, что в условиях классического капитализма проблема творческого труда особенно не стояла, потому что труд был индустриальным. Индустриальный труд наемного работника был преимущественно репродуктивным, что собственно и показал К. Маркс в своем исследовании. Соответственно, продавалась рабочая сила, стоимость которой приравнивалась к стоимости средств его существования в пределах общественно-необходимых затрат труда (по закону стоимости).

В условиях появления массового творческого труда (в основном с конца XX века) ситуация существенно изменилась и появилось новое явление – формирование креативного потенциала человека, который осуществляет не репродуктивный труд, создающий стоимость, а творческий труд, создающий всеобщее общественное богатство. Этой тенденции благоприятствовало небывалое ранее по масштабу и силе возвышение значения знаний и роли новых технологий во всех без исключения сферах жизнедеятельности. Тем самым произошла смена парадигм экономического развития, которая в свою очередь потребовала нового типа работника и новых форм занятости.

В этой связи встает вопрос – причем же здесь человеческий капитал? Дело в том, что, несмотря на то, что современный капитализм в большей части продолжает сохранять базовые свойства капитализма времен индустриализации, как объект политико-экономического исследования он претерпел существенные изменения. В современных условиях капитализм трансформировался в глобальную, спекулятивно-финансовую и монополистическую систему с четким акцентом на мир-системную асимметрию мирового хозяйства.

Совершенно очевидно, что новая версия капиталистического способа ведения хозяйства не только видоизменила и усложнила сложившуюся систему социально-экономических отношений, но, что много важнее, актуализировала потребность переосмысления многих экономических категорий (капитала, труда, прибавочной стоимости, стоимости рабочей силы, интеллектуальной ренты, ценообразования и др.), уточнения теоретических и аналитических форм их проявления в процессе извлечения экономической выгоды в виде монопольной сверхприбыли (избыточной прибавочной стоимости, по К. Марксу). Изучение этих и многих других вопросов позволяет обозначить истоки разного рода трансформаций, которые происходят в процессе перехода капитализма в фазу современного монополистического капитализма.

Под влиянием научно-технического прогресса креативный класс начал олицетворяться с новой формой занятости, высокоинтеллектуальная трудовая деятельность которого только стала плотно вовлеченной в структуру современной экономической системы, но и начала играть в ней основополагающую роль. При этом следует отметить, что на практической уровне квалификационные способности креативного работника находят себе применение не столько в реальном секторе экономики, сколько особенно востребованными становятся в сфере финансов, рекламы, сервиса, во всевозможных посреднических службах, на рынке продаж, логистике, маркетинговых стратегиях и др.

Развернувшаяся в последнее время тенденция на финансиализацию экономики, пропаганда симулятивных потребностей, фетишизация вещиизма и пр. фактически запрограммировали общество на чрезмерное потребление. Анализируя влияние этих процессов, В.Т. Рязанов справедливо отмечает, что «в развитом и рыночном хозяйстве стихийное и динамично изменяющееся соотношение спроса и предложения сменяется механизмом манипулирования спросом, осуществляемым со стороны производителей, что приводит к трансформации рынков покупателей в рынки продавцов (производителей)»

[224, с.279], провоцируя «серьезные сбои в создании оптимальной структуры общественного производства» [224, с.279].

В этих условиях успешность любого коммерческого проекта встает в прямую зависимость не столько от необходимости продукта конечному потребителю, сколько от того, насколько «круче, продвинутое и агрессивнее» будет разрекламирована и масштабирована товарная продукция и/или пакет услуг компании. Креативный потенциал специалиста позволяет извлекать эксплуатанту их труда монопольную сверхприбыль. В этой связи владелец средств производства старается экономически привязать интересы креативного работника к собственным интересам, поскольку от его творческой активности во многом начинает зависеть успешность функционирования капитала, его конкурентоспособность и эффективность.

На этой основе в полный рост встает вопрос следующего плана: человеческий капитал современного креативного работника – это все-таки наемный работник, продающий свою рабочую силу или собственник капитала, который вступает в договорные отношения с владельцем материального капитала (собственником средств производства)?

Ответ на этот вопрос, как представляется, позволит дать адекватную современному состоянию рыночной экономики характеристику человеческому капиталу креативного работника. Забегая вперед скажем, что в различные исторические эпохи развития отношения труда и капитала, равно как и их современные формы взаимоотношений будут нами подробно рассмотрены в первом параграфе второй главы настоящего исследования. Здесь же считаем необходимым отметить, что в новой системе производственных отношений для владельца материального капитала креативный работник становится настолько ценным ресурсом, что фиксируется снятие так называемого «стартового противоречия» между субъектами производственных отношений, в результате чего создаются предпосылки своеобразного высвобождения творческого труда от экономического неравенства и эксплуатации капитала.

Все это ведет к тому, что в условиях современного капитализма конкурентное преимущество между участниками производственных отношений начинает достигаться не за счет владения материальным капиталом (в современной производственной системе материальные активы перестают играть определяющую роль и отходят на второй план), а за счет вовлеченного в трудовой процесс творческого потенциала и уникальности креативного работника.

В итоге происходит смена основного контролера процесса производства. Подобно тому, как когда-то земля, бывшая ведущим фактором производства аграрной экономики, уступила свое место промышленному капиталу, и главным действующим лицом индустриальной экономики стал владелец именно этого вида капитала, так сегодня, в экономике знаний и креативизации труда, существенно усиливается роль и значимость владельца человеческого капитала как носителя креативных способностей. При этом качество соответствующего ресурса существенно различается у разных владельцев, соответственно возникает феномен дифференциальной ренты творческого труда.

К. Маркс писал, что раньше или позже новшество становится достоянием всех и избыточная прибавочная стоимость (монополярная сверхприбыль) неминуемо исчезает. Но в условиях интеллектуальной частной собственности эта избыточная прибавочная стоимость не исчезает. Напротив, она превращается в интеллектуальную ренту избранных, в источник их самообогащения. Именно поэтому на практической ниве мы все чаще наблюдаем процесс, когда компании за счет использования в производстве высокоинтеллектуального труда наемного работника на основе творчества имеют возможность извлекать превращенную форму прибавочной стоимости, часть из которой в виде интеллектуальной ренты далее будет перераспределена, в том числе и между креативными работниками (генераторами сверхприбыли).

В результате получается, что креативный работник, трудом которого создается всеобщее общественное богатство, на рынке труда получает очень

высокую стоимостную оценку, существенно превосходящую стоимость воспроизводства его рабочей силы. И это цена частично оплачивается из избыточной прибавочной стоимости.

Тем самым человеческий капитал креативного работника может приносить своему носителю выгоду в натурально-стоимостной форме (право на участие в прибыли) как результат того, что в трудовой деятельности происходит своеобразная конвертация квалификационных способностей креативного работника в денежную форму (аналог самовозрастания стоимости). В этой связи можно вести речь о допустимости характеризовать человеческий капитал креативного работника с позиции накапливаемого актива.

Модификация социально-трудовых отношений между креативным наемным работником и собственником капитала довольно противоречива и включают в себя два базовых параметра. С одной стороны, это продажа рабочей силы, что обеспечивает создание прибавочной стоимости (абсолютной и относительной). С другой стороны, это отношения по включению человеческого капитала наемного креативного работника в процесс воспроизводства капитала как такового. И в этом случае работник, в труде которого в значительной степени преобладает высокоинтеллектуальная творческая составляющая, воспроизводит уже избыточную прибавочную стоимость (монопольную сверхприбыль), а не просто абсолютную и относительную прибавочную стоимость.

Креативный работник, создавая избыточную прибавочную стоимость, обеспечивает современному глобальному капиталу огромные доходы, тем более что речь идет не только о создании избыточной прибавочной стоимости, но в условиях интеллектуальной частной собственности – о создании избыточной прибавочной стоимости, на которую помимо владельца материального капитала будут претендовать и другие участники производственных отношений. Следовательно, будет проведена процедура перераспределения монопольной сверхприбыли между стейкхолдерами, часть

из которой в денежной форме впоследствии перейдет и в распоряжение креативного работника.

Как показывает практика, участие креативного работника, трудовой потенциал которого востребован в процессе производства, способствует своеобразному приращению его человеческого капитала и одновременно извлечению экономической выгоды в стоимостной форме. Причина этому видится в том, что, поскольку работник, деятельность которого обогащена творческой функцией, выступает критически важным для воспроизводства капитала элементом, постольку владелец материального капитала, заключая с ним партнерское соглашение (контракт), фактически идет на компромисс и в некоторой степени восстанавливает равную переговорную силу, тем самым допуская его до участия в перераспределении прибыли. Поэтому современные отношения между трудом и капиталом начинают выстраиваться на основаниях не простого найма рабочей силы и ее экономического принуждения, а за счет партнерских соглашений, достижения компромисса в разделе совместно достигнутой прибыли.

Это обстоятельство, на наш взгляд, создает условия для характеристики человеческого капитала креативного работника в качестве накапливаемого актива и источника для извлечения в будущем дополнительной экономической выгоды. Но поскольку в социально-трудовых отношениях продолжает функционировать наемная форма организации труда, постольку имеет право на жизнь характеристика человеческого капитала в качестве капиталоподобного явления, а не капитального блага в строгом смысле слова.

Ровно это подразумевал К. Маркс, когда писал на страницах своей книги, что некоторые заблуждаются, ошибочно полагая, будто «рука, в особенности кисть руки, представляет собой капитал. Капитал был бы в этом случае лишь новым названием для вещи, столь же древней, как человеческий род, так как всякий вид труда, даже самый неразвитый, как охота, рыбная ловля и т.д., предполагает, что продукт прошлого труда употребляется в качестве средства для непосредственного, живого труда» [158, с.206].

Еще более конкретизируя свою позицию на этот счет, он далее пишет, что «говорят, что вещество глаза есть капитал зрения и т.д. Подобного рода беллетристические фразы, в которых по какой-либо аналогии подводится что угодно под что угодно, могут показаться даже остроумными, когда их высказывают в первый раз ... Но если их повторяют, да еще с самодовольством, с претензией на научность, то они попросту глупы. Они хороши лишь для беллетристического типа болтунов, которые стремятся все окрасить в розовые тона и которые своим сладеньким как лакрица дерьмом загаживают все науки» [158, с.243].

Итак, какой общий вывод можно сделать из всего выше изложенного? Наш вывод очевиден и будет заключаться в следующем. Неоклассическое определение человеческого капитала не в полной мере соответствует политэкономическому содержанию капитала, поэтому не может быть в полной мере отождествлено с этим понятием. Невозможность поставить знак равенства между политэкономической категорией «капитал» и неоклассическим «человеческий капитал» упирается в тот простой факт, что современный работник, несмотря на то, что он определяет признаки креативности, все же в общей массе своей продолжает функционировать внутри наемной формы отношений. От этого не уйти, поскольку даже на современном рынке труда наиболее развитых стран мира наемная форма труда продолжает сохраняться на достаточно высоком уровне – около 70-75% всех занятых. Иначе говоря, наемная форма занятости вскрывает теоретическую уязвимость человеческого капитала как экономической категории природе и сути материального капитала.

В этом смысле широкое использование в экономических (да и во всех других) текстах формулировки человеческого капитала есть не более, чем риторика (своеобразная фигура речи), позволяющая придать квалификационным способностям креативного работника капиталоподобный статус, а значит придать исследуемой категории видимость (внешнюю схожесть) с материальным капиталом. Такого же мнения придерживается

целый пласт видных российских экономистов (нами ранее неоднократно упоминавшиеся), в числе которых следует выделить С.Д. Бодрунова, А.В. Бузгалина, А.О. Вереникина, М.И. Воейкова, Н.Ф. Газизуллина, А.И. Колганова, Д.Ю. Миропольского, М.Ю. Павлова, А.А. Пороховского, В.Т. Рязанова, В.Н. Черковца и др.

Однако, поскольку в современной экономической теории принято пользоваться экономической категорией человеческий капитал, заметим, принято не случайно (практика показывает, что есть реальная проблема человеческого капитала), постольку считаем, что необходимо использовать эту экономическую категорию, понимая ее весьма ограниченное, так сказать, метафорическое значение. Но подобная речевая конструкция своевременна и важна, поскольку сигнализирует о том, что в недрах тотального господства капитализма во взаимоотношениях труда и капитала зреют кардинальные изменения, объективно трансформирующие квалификационные способности креативного работника на качественно иную (более высокую) ступень цивилизационного развития личного фактора производства, чем классическая рабочая сила.

В современном экономическом пространстве появляются новые и ранее неизвестные формы занятости и общественных отношений – фрилансинг, объединение работников во всевозможные общественные организации, формирование партнерских соглашений, коливинг, аутсорсинг, копилефт, клаудсорсинг, шеринг, кооперативы ученых и исследователей, общественный университет и др. И это объективный факт. Не замечать или попросту игнорировать такую тенденцию – значит проявить недальновидность, не владеть текущим положением дел, быть неспособным адекватно реагировать на текущие изменения и др., что равноценно пребыванию в заблуждении.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА

2.1. Трансформация квалификационных способностей субъекта труда в историко-экономическом аспекте

Ретроспективный анализ включенности субъекта труда в производственный цикл позволяет отметить, что его социальное положение, роль, масштаб, условия труда и др. в системе воспроизводства постоянно менялись. Структурная трансформация содержания трудового фактора, развитие его квалификационных способностей, рост значимости знаний и др. способствовали появлению принципиально новых моделей экономического поведения, систем управления, организации и мотивирования труда. Работник как экономический субъект в историко-экономической цепочке развития подвергался качественному внутреннему изменению, благодаря чему занимал в социально-трудовых отношениях разные позиции. Причем зависимость труда от капитала проходила во времени с переменным успехом.

Последняя озвученная мысль требует к себе пристального внимания и обстоятельного анализа. Как известно, предпосылки возникновения рыночной экономики покоятся на основе ручного физического труда. Однако в логике трудовой теории стоимости важнейшим условием возникновения товарной продукции и товарного обращения выступает, с одной стороны, общественное разделение труда (специализация работ), с другой стороны, автономность производителей (частный конкретный труд, по К. Марксу).

Подчеркнем, что специфика товарного отношения заключается в том, что любое экономическое благо должно производиться в условиях обязательного наличия обоих противоположных элементов единого целого (имеем в виду общественное разделение труда и автономность производителя), поскольку отсутствие одного из них неминуемо приведет либо к натуральному производству (в случае, когда автономность производителя есть, системы

общественного разделения труда нет), либо к плановому хозяйству (в случае, когда система общественного разделения труда есть, автономности производителя нет). В этой связи анализ зависимости труда и капитала целесообразно начать с эпохи мануфактурного производства, временной лаг которого определяется приблизительно со второй половины XVI века вплоть до последней трети XVIII века.

При такой форме организации труда работник, как правило, находился в роли ключевого участника производственного отношения. В нем, по мнению К. Маркса, воплощалась сама суть «существования капитала» [158, с.367]. Несмотря на то, что мануфактурный труд все же объединил вокруг одной мастерской некогда обособленных ремесленников и пропорционально разграничил между ними трудовой процесс изготовления товара, намного увеличив этим уровень производительности труда, тем не менее, отдельным работником еще не была безвозвратно утрачена способность единоличного производства товара в полном объеме, да и орудия труда оставались прежними. При желании мануфактурный работник мог свободно покинуть мастерскую, полностью возобновить производственный цикл и самостоятельно изготовить товар для последующей его реализации на рынке. Ровно также рассуждал К. Маркс, когда говорил, что «в мануфактурный период основой продолжал оставаться ремесленный способ производства, хотя и разложенный на отдельные операции» [158, с.434].

Таким образом, в эпоху господства мануфактурного способа производства трудовой фактор, сохраняя по отношению к капиталу позицию более сильного игрока (поскольку в системе воспроизводства выступал относительно уникальным ресурсом) в определенной степени возвышался над ним. Следовательно, если и фиксировалась некоторая зависимость труда по отношению к капиталу, то весьма и весьма условная. Опираясь на марксистскую терминологию и методологию, можно охарактеризовать это явление как формальное подчинение труда капиталу.

По мере развития машинного производства и формирования новой

формы взаимоотношений между трудом и капиталом, работник окончательно утрачивает свою независимость по отношению к средствам труда. Если в ремесле и мануфактуре относительно простые инструменты (орудия труда) являлись дополнением к умелому работнику, а интенсивность и ход движения производства задавались мускульной энергией последнего, то в эпоху промышленной революции, наоборот, трудовой фактор как простая рабочая сила оказывается в подчиненном положении по отношению к сложной машине и больше не в состоянии конкурировать с ней в превосходстве. По этому поводу К. Маркс справедливо замечал, что «благодаря своему превращению в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый капитал, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее» [158, с.428].

Механизированный способ производства, максимально упростив и унифицировав производительные способности субъекта наемного труда, а также закрепив за ним позицию частичного и однообразного придатка к машине, формально вытеснила его из непосредственного процесса материального производства на периферию, ограничив трудовые компетенции функциями регулировщика. В этой связи наибольшее значение для капитала приобретает характер используемых средств производства, так называемое технико-технологическое вооружение, поскольку изменение структуры трудозатрат во многом начинает достигаться за счет возрастания техниковооруженности труда.

В эпоху индустриализма накопление капитала как источника общественного богатства стало возможным не благодаря непосредственному применению в производственном процессе производительного труда, а во многом за счет внедрения и постоянного совершенствования машинного производства. Система, основанная на присвоении неоплаченного прибавочного труда, фактически перестает выступать главным двигателем эффективности и роста производства. Главным становится то, на сколько эффективно происходит применение научных знаний и передовых технологий в

совершенствовании средств производства. В этих условиях, по остроумному замечанию К. Маркса, происходит окончательное отделение «науки, как самостоятельной потенции производства, от труда и ее служение капиталу» [158, с.369]. Последнее в свою очередь явилось следствием колоссального обесценения как стоимостной оценки, так и ценности простого производительного труда в производственном цикле.

Таким образом, господство труда по отношению к капиталу, наблюдавшееся на заре становления рыночной экономики, сменяется его полной зависимостью, а производственные отношения между собственниками средств производства и трудовым фактором принимают форму настоящей экономической эксплуатации. Впервые возникает явление, которое К. Маркс назвал переходом от формального подчинения труда капиталу к реальному подчинению. В сложившихся условиях воплощенный в производстве живой труд наемного работника окончательно встает на службу интересам меркантильного материального капитала.

Если формальное подчинение труда капиталу представляет собой подчинение, основанное на социально-экономической форме производства (т.е. на производственных отношениях), то реальное подчинение труда капиталу – это уже подчинение в самом процессе производства, когда наемный работник не в состоянии самостоятельно изготавливать экономическое благо по причине неспособности запустить в полном объеме технологическую цепочку его производства по ряду принципиальных обстоятельств (отделен от средств производства, отчужден от собственности на результат своего труда, заточен на производство одной единственной детали внутри одного из промежуточных участков воспроизводственного цикла, не владеет нужной квалификацией, утрачена историческая память способности самостоятельно воспроизвести товарную продукцию в полном объеме и сбыть ее).

Примерно с середины XX века начинают формироваться предпосылки третьей стадии развития товарных отношений и форм взаимосвязи между трудом и капиталом, ключевая роль в которых будет по праву отведена науке и

образованию (технологичному применению науки, по К. Марксу).

Автоматизация производства, введение гибких систем управления, новые технологии, эксплуатация усовершенствованных машин, алгоритмизация трудовых функций и прочих новшеств колоссально повысили общий научно-технический уровень. С переходом производства от трудоемких технологий через капиталоемкие к наукоемким технологиям низкоквалифицированный труд работника начинает замещаться наиболее квалифицированным трудом. Тому есть ряд объективных обстоятельств.

Технологически сложная, дорогая машина требует к себе наиболее подготовленного и компетентного работника. Теперь, чтобы занять место «у станка» субъекту труда необходимо обладать специальными знаниями, навыками и компетенциями. Соответствующая квалификация достигается благодаря более продолжительному специальному образованию. Кроме того стоит отметить, что основные ресурсы капитала к тому времени использовались практически на пределе их возможностей, в связи с чем была выявлена необходимость повышения производительности труда путем мотивации высокоинтенсивного труда.

Деиндустриализация производства потребовала актуализации новой парадигмы экономического развития и способа хозяйствования. В этих условиях трудовой фактор начинает претерпевать внутри себя ряд серьезных, качественных структурно-содержательных трансформаций, кардинально видоизменяя основные формы социально-трудовой активности и мотивации. Все это постепенно подготавливает условия для выхода наемной рабочей силы за пределы традиционных эксплуатационно-производственных отношений, реаллокации его трудовых функций в качестве ключевого фактора и производительной силы.

Специфика новых форм производственных взаимоотношений, основанная на росте и развитии творческого содержания труда, заключалась, на наш взгляд, в осторожном размывании товара «рабочая сила» как фундаментальной объяснительной категории политэкономии и его

постепенным замещением человеческим капиталом креативного работника. Более подробно этот аспект будет освещен в следующем параграфе нашего исследования.

Здесь же следует добавить, что в условиях развития новых форм общественных отношений масштаб радикальной трансформации экономической системы начинает определяться новым вектором развития: в качестве источника генерации новой стоимости начинают выступать передовые знания и интеллект, а не простой физический труд. По этому поводу японский экономист, основоположник «теории стоимости, создаваемой знаниями» Т. Сакайя (р. в 1935) справедливо отмечает, что в условиях перехода на новый технологический уклад развития «движущей силой будут выступать ценности, генерируемые знаниями» [354], которые в свою очередь, по глубокому убеждению американского экономиста Т. Стюарта должны создавать условия для новых точек роста, а «разум станет олицетворяться с имуществом» [260, с.67]. Ровно также рассуждал К. Маркс, когда говорил, что более высокая степень экономического развития будет достижима вне границ влияния материального капитала, с выходом креативного работника за пределы «собственно материального способа производства».

Мы разделяем позицию С.Г. Михневой по поводу того, что «замещение труда знаниями активизирует новый тип трудовой активности, отличающийся значительными элементами творчества, профессионализма и ставит вопрос об исторической перспективе классического труда» [178, с.49-53]. Смена основных инструментов и методов воздействия в новой системе хозяйствования тем самым формально возвышают значимость творческого начала трудового фактора по отношению к основным ресурсам материального капитала.

По сути, эпоха грядущих качественных изменений между трудом и капиталом трансформирует квалификационные способности творческого труда с оборотного ресурса в капитальный фактор производства. Сказанное подводит к осознанию, что иммобильность квалификационных способностей

креативного работника ставит под вопрос возможность отчуждения труда от капитала. Все это, на наш взгляд, хотя и в очень узких рамках, создает возможности ослабления реального подчинения труда капиталу.

В современном экономическом мире категория некогда непродуцируемых работников начинает определять себя как самая настоящая продуцирующая сила. Мимоходом вспомним, что классическая политическая экономия в рамках своей методологии к продуцирующему труду относил исключительно труд такой рабочей силы, которая была непосредственно вовлечена в процесс производства материальных благ, напрямую воздействовала на орудия производства, своим продуцирующим трудом создавала новую стоимость (прибыль). Представители умственного, творческого труда, как и те, кто оказывал услугу, изначально не включались классиками политэкономии в структуру продуцируемых работников - их труд трактовался как непродуцируемый.

На наш взгляд, в условиях современных общественных отношений сведение трудовой потенции работника лишь к способности запустить механическое движение орудий труда является неприемлемым. Назначение продуцирующего труда не ограничивается простой двигательной функцией работника у станка, его задача – на основе высшей формы умственного труда и творческой активности служить источником развития конкурентоспособной инновационной экономики.

Изменение положения труда по отношению к капиталу во многом становится возможным еще и благодаря тому, что в нем происходит своего рода одновременное слияние средств производства (предметы и средства труда как бы воплощаются в самой сущности трудового фактора). По мере расширения таких взаимоотношений квалификационные способности креативных работников становятся одним из ключевых продуцируемых ресурсов современной экономики.

Поясним нашу мысль подробнее. В новых условиях все чаще основным продуктом, предлагаемым на рынке, начинает выступать не рабочая сила как

простая способность к труду, взятая в общественно необходимых трудозатратах, а результат его труда, определяемый мерой общественной полезности продукта, потребностью в нем.

Исключительная принадлежность профессиональных компетенций работника своему носителю делает практически невозможным использовать их сторонними силами. С этих позиций можно говорить об абсолютной собственности субъекта креативного труда на его человеческий капитал, установлению между трудом и собственностью на средства производства принципа тождественности.

Трудовой фактор, в деятельности которого творческая функция занимает существенное место, оказывается в процессе производства и накопления капитала в несколько ином (привилегированном!) положении. Такой работник перестает быть простой статистической единицей учета при машине, а его положение, роль более не вмещаются в классические отношения эксплуатации наемного труда капиталом. Вовлеченность его в производственный процесс носит более свободный характер, хотя и в рамках формального подчинения труда капиталу, так как принципиально не меняется форма социально-трудовых отношений (как и прежде, выступает наемным трудовым ресурсом, нацеленным на производство прибыли; цель и условие трудовой деятельности задается капиталом).

Однако внутри самого процесса производства обнаруживается его более или менее самоорганизованность, созидательность и независимость от средств производства. В этой связи постепенно создаются условия, когда современный креативный работник начинает противостоять традиционным средствам производства как капитал, как одушевленный капитал, определяя, в конечном счете, показатели его результативности, конкурентоспособности и эффективности.

Реальность демонстрирует, в современных высокотехнологичных и наукоемких областях производства все чаще можно наблюдать такую ситуацию, когда владелец средств производства в большей степени начинает

зависеть от творческой инициативы и профессиональных компетенций креативного работника, а не наоборот. В этом плане наличие ресурсов капитала уходит на второй план. Необходимой для высокоинтеллектуальной деятельности оргтехникой, программным обеспечением и системой защиты креативный работник вполне может обеспечить себя сам. Здесь практически нет никаких препятствий, абсолютно все находится в свободной продаже. Тем самым снимается так называемое «стартовое противоречие» между участника производственных отношений, в результате чего креативный работник фактически освобождается от экономической зависимости капитала. Все это ведет к тому, что в современных условиях конкурентное преимущество достигается не за счет владения средствами производства, а во многом за счет творческого потенциала креативного работника.

Таким образом, можно отметить, что в условиях перехода общества на более качественный уровень экономического развития и новую форму социально-трудовых отношений реальное подчинение труда капиталу растворяется формальным (условным) подчинением. Ослабление реального подчинения труда этого сегмента капиталу компенсируется тем, что собственник средств производства старается экономически привязать интересы креативного работника к интересам капитала, поскольку от его творческой активности во многом будет зависеть успешность функционирования капитала, его конкурентоспособность и эффективность.

В новой системе производственных отношений взаимоотношения труда и капитала целесообразно исследовать как равноправно сотрудничающих и формально независимых владельцев человеческого и материального капитала, объединяющих свои капиталы для извлечения дополнительной экономической выгоды. Как результат, одновременно происходит отход от классической схемы взаимодействия креативного труда и собственника капитала с полным правом последнего (собственника капитала) на остаточный доход.

Это становится возможным благодаря участию креативного работника в:

- 1) капитале (путем наделения небольшими пакетами акций);
- 2) менеджменте

(путем участия в управлении); 3) распределении дохода (через тантьемы, бонусы, премии, гонорары, рентные доходы и др.). В этой связи формируются предпосылки для солидарной заинтересованности участников в экономической эффективности и конкурентоспособности капитала.

Примечательно, о неминуемом наступлении между экономическими участниками партнерских отношений, основанных на равноправном и доверительном взаимодействии, социальной справедливости и балансе интересов предрекали многие исследователи. Так, например, Дж. С. Милль отмечал, что «отношения между хозяевами и работниками будут постепенно вытесняться отношениями партнерства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдет объединение рабочих с капиталистами, в других – рабочих между собой» [172, с.100].

На это в свое время обращал внимание Г. Форд, когда писал, что «каждое дело, которое требует для ведения его более одного человека, является своего рода товариществом и это отношение всегда взаимно – шеф является компаньоном своего рабочего, а рабочий товарищем своего шефа; ... пока каждый человек не является чем-то самодовлеющим и не может обойтись без всякой помощи, не получится отказаться от этого товарищеского отношения» [280, с.178].

Позже приблизительно также характеризовал новые организационно-экономические отношения американский исследователь П. Дракер, по мнению которого «ни одна из сторон, ни работник, ни работодатель, не являются ни зависимыми, ни независимыми – они взаимозависимы ... и выступают членами добровольных организаций» [327, р.19].

Идентичной научной позиции придерживаются и московские экономисты А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, по мнению которых «при анализе нового общества целесообразно исходить из тезиса о закономерности постепенного и нелинейного перехода от репродуктивного, разделенного труда человека к творческой деятельности – диалогу как «предельной абстракции» в изменении качества общественного развития. Соответственно, эта новая рождающаяся

общественная структура по своему содержанию будет креатосферой – сферой со-творчества» [30, с.99].

Демократизация производства, введение партисипативной системы организации и мотивирования творчески ориентированного трудового фактора гарантируют сплоченность участников, их практически равноправное положение в системе производства. На смену изживающей себя системе формируется новая модель производственных отношений на основе доминирования персонифицированной деятельности как определяющего фактора инновационного развития. Жесткий административный контроль, регламентация и алгоритмизация трудового процесса, а также директивные методы управления постепенно замещаются этикой долга.

В заключение следует отметить, что вопросы содержания креативного работника, качественной трансформации его квалификационных способностей подвергаются постоянной корректировке. Направленная эволюция экономической действительности актуализировала масштабную перестройку всей конструкции воспроизводственного процесса, системы производственных взаимоотношений и способов организации и мотивирования трудового фактора. В новых условиях взаимодействия источником прогрессивного развития и накопления богатства становится определяющий человеческую практику созидающий труд (творческий энтузиазм работника), заключающий в себе свойства инновационности, эволюционности и инициативности креативного работника.

2.2. «Рабочая сила» и «человеческий капитал»: системное разграничение экономических феноменов

Продолжая анализ содержания человеческого капитала креативного работника, его роль и значение в современном воспроизводственном цикле,

необходимо определить, какой смысл мы будем вкладывать в его определение, методологически обосновать его. От этого будет зависеть достоверность авторской трактовки и состоятельность общей логики исследования.

Для начала нам потребуется сопоставить изучаемое явление политэкономическим понятием рабочая сила, что позволит предельно тонко исследовать не только единство и различие их сущности, но, что особенно важно, определить какую стоимость они создают своему носителю, а также источник ее формирования.

Соотношение рабочей силы и человеческого капитала позволяет установить, что по содержательной структуре исследуемые феномены выступают весьма близкими, но далеко не тождественными по значению экономическими категориями. В этой связи интересной является проблема тонкого терминологического анализа их субстанций.

К. Маркс, раскрывая сущность рабочей силы, определял ее как «совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [157, с.173-174].

Повторим, что в настоящем исследовании специфика человеческого капитала раскрывается наличием накопленных и реализованных работником в труде именно креативных способностей, предполагающих затраты на способность в дальнейшем выступать в качестве источника извлечения дополнительной экономической выгоды, часть из которой после фактической деятельности перейдет в его распоряжение.

Формулировка феномена во многом вытекает из разработанной и предложенной автором концептуальной модели формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника (см. § 1.2. настоящего исследования).

Обращает на себя внимание тот факт, что основным в содержании как для рабочей силы, так и для человеческого капитала выступает субстанция труда, предпосылкой и единственным носителем которого выступает совокупный

субъект труда – всеобщее и безусловное богатство общества, в котором отдельно взятый работник предстает как его исходная, элементарная трудовая форма (отправная точка исследования) – суть начало и результат труда.

В живом труде проявляется его главная функция – трудоактивность, способность создавать новую стоимость (прибыль). Кроме того, живой труд как *causa sui* является тем единственным экономическим явлением, которое способно противостоять капиталу (мертвому труду), выступает прямым источником его воспроизводства и возрастания.

Определяющий элемент движения производства и источник качественного развития производительных сил сосредоточен, по выражению К. Маркса, в живом пламени человеческого труда. В этой связи средства производства автономно (т.е. без участия работника) не только не способны переносить свою стоимость на продукт, но и не могут выступать источником создания новой стоимости. Они, пребывая в состоянии покоя, лишаются качества производительной силы. Поэтому основная роль в возрастании первоначально авансированной стоимости, бесспорно, принадлежит трудовому фактору, а точнее его квалификационным способностям.

В эпоху капитализма и товарного способа производства классическая политическая экономия производительные функции индустриального работника трактовала строго в товарной форме – в форме товара «рабочая сила».

«Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, – отмечал К. Маркс, придавая ей (стоимости рабочей силы) особого рода товарную сущность – есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца» [157, с.177].

Заметим, формулировка рабочей силы в интерпретации К. Маркса предельно однозначна – она не отражает капитальности затрат работника на воспроизводство его трудовых способностей, а также его окупаемости в будущем и возможности к самовозрастанию во времени. Другими словами, чисто товарная характеристика рабочей силы (какой она собственно и была во

время жизни К. Маркса) не позволяла исследовать категорию как объект инвестиций.

Сведение стоимости рабочей силы к его эквивалентному обмену на некоторое жизненно необходимое количество овеществленного абстрактного труда не позволяет, на наш взгляд, объективно оценить 1) ни сколько труда необходимо затратить на поддержание трудоспособности работника и/или членов его семьи; 2) ни возможности получения за счет вложенного труда дополнительного дохода для его качественного развития и воспроизводства.

Содержание политэкономической категории раскрывается исключительно обратимостью и соизмеримостью общественно необходимых затрат труда со стоимостным результатом трудового фактора (стоимость труда эквивалентна стоимости потребления). Последнее исключает возможность определять движение рабочей силы в качестве долгосрочно накапливаемого актива, который может быть использован его носителем как источник для извлечения дополнительной экономической выгоды в стоимостной форме.

При этом К. Маркс обращал внимание, что «в будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться минимумом времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или иного предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета» [156, с.97].

Он так же делал отсылки на исследования С. Бэйли и автора «Observations» о том, что «стоимость (меновая стоимость) есть свойство вещей, богатство (потребительная стоимость) есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же - нет. Богатство (потребительная стоимость) есть атрибут человека, стоимость - атрибут товара» [157, с.89].

Все это дает основание полагать, что грядущая, более качественная форма организации производства противопоставлялась им господствовавшей в эпоху капитализма стоимостной форме производства и присвоения, в условиях

которой универсальный механизм овеществления происходил с одновременным опустошением внутренней основы трудового фактора, его полным обезличиванием и вытеснением на второстепенную, всецело зависимую от капитала роль.

Действительно, клиометрика раскрывает индустриального работника исключительно в качестве составного и экономически подчиненного капиталу элемента. Во многом это вытекает из того известного факта, что в эпоху простого товарного обращения субъект труда полностью отчуждался от собственности на результат своего труда. Сама занятость отождествлялась по отношению к носителю как не принадлежащему его сущности труду, как к подневольному труду.

В этой связи всецело подчиненный интересам капитала труд не мог служить по отношению к своему носителю мерой удовлетворения внутренней потребности в труде, переставал быть достоянием трудового фактора, внутренним побудительным мотивом его качественного развития. Искажалось общеисторическое предназначение труда – выступать источником развития человеческой сущности, быть созидателем стоимости, определять трудовую функцию креативного работника как социальную потребность (как увлечение), в процессе которого деятельностный процесс принимал бы форму самоцели, а не тягостной и противоестественной человеческой сущности внешней необходимости.

Обезличенный до предела труд приобретал для индустриального работника ярко выраженное отрицательное значение, низводился до уровня вынужденной жертвы (достаточно вспомнить на этот счет высказывания А. Смита или У. Дживанса), которую необходимо систематически приносить, чтобы выжить. В этой связи совершенно неудивительно, что субъект труда относился к собственному труду как к нечто чуждому, тягостному и не принадлежащему его сущности явлению.

В конечном счете, все это привело к тому, что полученный излишек стоимости товара над стоимостью потребленных на его воспроизводство

элементов оставался в единоличном распоряжении собственника капитала. Стороне, фактически воспроизведшей величину прибавочной стоимости, не уплачивался равноценный стоимостной эквивалент, а сама деятельность приобрела характер неоплаченного труда.

В настоящее время в условиях развития новых форм общественных взаимоотношений, методов и способов инновационного хозяйствования интуиция К. Маркса относительно актуальности в обозримом будущем творческой составляющей работника как меры «общественной полезности блага» все убедительнее доказывает свою научную состоятельность и практическую востребованность. Специфической особенностью анализа современных трансформаций экономической системы, качественного развития креативного работника как производительной силы и источника общественного развития, общего видоизменения структуры трудовых отношений и социально-трудовых функций ставят на повестку дня необходимость кардинального пересмотра теоретического каркаса марксистской методологии, исследовавшего положение индустриального работника, его квалификационные способности преимущественно в форме простой рабочей силы. В этой связи пристального внимания с выходом на серьезное научное осмысление и последующее политико-экономическое обоснование требует к себе субстанция труда современного креативного работника.

Сущностная характеристика трудового фактора в подобном ключе на эмпирическом уровне будет способствовать установлению определенной пропорциональности между вложенным трудом и степенью удовлетворения общественных потребностей, которая определенно должна реализовываться вне закона стоимости, за рамками соизмерения жизненных благ через анализ затрат труда.

Мы убеждены, что в новых условиях хозяйствования необходимо одновременно оперировать методологической базой как трудовой теорией стоимости, так и субъективистской теорией предельной полезности в части

выявления степени участия, значимости специфического ресурса креативного работника как меры полезности его квалификационных способностей.

Представляется, что на основе такого двуединства научных направлений экономической мысли удастся выйти на новую методологическую основу комплексной оценки потребительной стоимости креативного работника. Тому есть ряд важных обстоятельств. Обе научные школы в рамках собственной теории и методологии пытаются ответить на один основной вопрос: научно объяснить и оценить результат труда, его общественную меру (степень полезности) как источника создания новой стоимости (прибыли).

Ответ на этот непростой экономический вопрос позволит определить: по какому труду в современной экономической системе рациональнее распределять блага - по производящему стоимость (на стоимостной оценке, т.е. на основе количественных параметров измерения) или, напротив, по создающему потребительную стоимость (на оценке ценностных показателей, их полезности, т.е. исходя из качественных параметров измерения).

Очевидно, что результат вложенного труда должен оцениваться на основе синтеза как стоимостных измерителей, так и показателей предельной полезности креативного труда. Оперировать сугубо меновыми величинами как минимум не дальновидно, поскольку, как было нами выше отмечено, обосновать на чисто стоимостном отношении расширенное воспроизводство квалификационных способностей субъекта креативного труда не представляется возможным.

Поясним подробнее. По закону стоимости при таком движении возможен только равноценный обмен эквивалентов: тождественность меры труда мере потребления. В условиях современного рынка и ритма жизни такая система стоимостной оценки креативного работника перестает работать, а в самой методике обнаруживается серьезный концептуальный изъян – отсутствие резерва развития и воспроизводства креативного труда, его исследование в качестве объекта инвестиций.

Есть все основания предполагать, что если для научной интерпретации процесса производства прибавочной стоимости (прибыли) необходимо оперировать потребительной стоимостью трудового фактора, то для расширенного воспроизводства креативного работника тоже необходимо апеллировать потребительной стоимостью. Думается, что исследовать процесс воспроизводства квалификационных способностей креативного работника, формирования его объективной стоимостной характеристики возможно только так.

В новом экономическом пространстве реализацию квалификационных способностей и компетенций трудового фактора, обогащенного творческой функцией, допустимо трактовать в форме человеческого капитала креативного работника, но в условиях рыночной экономики необходимо использовать эту категорию, понимая ее ограниченное значение.

Для обоснования озвученного выше тезиса обратимся кратко к теории человеческого капитала, методологический арсенал которой охватил широкий спектр вопросов о корреляционной взаимосвязи между повышением уровня образования работника и возрастанием его уровня доходности в будущем. Как известно, родоначальники и последователи теории человеческого капитала, во многом руководствуясь принципом методологического индивидуализма, исходили из положения, что поскольку человек, направляя личные и/или семейные сбережения на самообразование и развитие, тем самым инвестирует в самого себя (в знания), которые позволят ему впоследствии претендовать на возрастающий доход, постольку есть все основания утверждать о трактовке человеческого капитала в качестве долгосрочного капитального блага. При этом из поля зрения неоклассиков выпала одна немаловажная деталь – наемная форма организации труда.

В этом смысле неоклассическое определение человеческого капитала содержит в себе парадокс, потому что капитал в рамках классической марксистской политэкономии есть противоположность наемного труда и наемный труд есть противоположность капитала. Игнорирование этого

обстоятельства не позволяет трактовать квалификационные способности пусть и креативного работника в качестве по-настоящему капитального актива.

Но одна из важнейших задач нашей работы заключается в том, чтобы показать, как этот парадокс разрешается и в чем содержание этого реально существующего феномена. В этой связи мы считаем, что формирование стоимости человеческого капитала креативного работника помимо учета величины абстрактного труда во многом должен происходить при активном участии конкретного труда – источника адекватной рыночной оценки меры общественной полезности квалификационных способностей работника (по принципу восхождения труда от абстрактного к конкретному).

Формирование стоимости человеческого капитала креативного работника по конкретному труду должно происходить безотносительно к переменной части капитала, вне границ классического фонда оплаты труда, а значит – за пределами необходимого рабочего времени и средних общественно-необходимых затрат труда, при которой работодатель покупает у работника право аренды принадлежащего ему фактора производства и платит за это факторный доход – заработную плату.

Ровно также рассуждал К. Маркс, когда писал, что «всякий труд есть, с одной стороны, расходование рабочей силы в физиологическом смысле слова, – и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в том в своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные стоимости» [157, с.53].

Рассуждая в логике распределения создающего потребительную стоимость вложенного труда, считаем необходимым выделить, что основным источником возмещения стоимости креативного работника должна стать совокупная прибавочная стоимость в границах прибавочного рабочего времени, прибавочного труда. Это серьезно трансформирует не только отношения между трудом и капиталом (их положение более не вмещается в классические

отношения наемного работника и капитала), но и сложившуюся структуру мотивирования труда, формирование его совокупной стоимости. Все это подводит к осознанию, что системе, основанной на безвозмездном присвоении капиталом неоплаченного прибавочного труда, предстоит масштабная ревизия и неизбежная в условиях современной рыночной экономики реновация.

На современном этапе высокоинтеллектуальная деятельность неалгоритмируемого труда креативного работника позволяет за счет 1) уменьшения общих издержек производства по отношению к привычной общественной стоимости и 2) увеличения степени полезности результата труда извлекать компании дополнительные экономические выгоды (сверхприбыль). Помимо экономической эффективности достигаются высокие показатели конкурентоспособности, рентабельности, успешности хозяйственных структур.

В новых условиях противостояние труда и капитала аккуратно заменяется их своеобразным воссоединением в единую систему. Во взаимоотношениях участники процесса производства начинают функционировать как равноправные совладельцы одного дела. Общими становятся стратегия развития организации, способы достижения общеорганизационных и общепроизводственных целей, показатели экономической эффективности, методы максимизации прибыли и др.

Согласованное партнерство, гибкость трудовых отношений, делегирование полномочий, солидарная ответственность, разделение рисков и пр. вкуче создают условия для притязания креативным работником на дополнительную долю от достигнутого экономического результата. В этой связи систему производственных отношений между трудом и капиталом целесообразно исследовать как равноправно сотрудничающих и формально независимых владельцев человеческого и материального капитала, объединяющих свои активы для извлечения дополнительной экономической выгоды (сверхприбыли).

В общеэкономическом смысле креативный работник становится носителем двух производительных сил: 1) труда и 2) квалификационных

способностей. При этом если первый фактор – трудоспособность – свое насыщение продолжает получать за счет абстрактного труда (по стоимости), то второй фактор – мера общественной полезности креативного работника – становится воплощением труда конкретного (по потребительной стоимости).

В этом плане ход наших мыслей во многом согласуется с логикой А. Маршалла, который охарактеризовал товарную стоимость как взаимодействие двух рыночных сил: 1) спроса, как предельной полезности результата труда, и 2) предложения, исходящего из затрат труда. Использование такого метода экономического анализа позволило экономисту неоклассического направления выявить прямопропорциональную зависимость ценности потребленных ресурсов от ценности произведенного на их основе товара (т.е. стоимость ресурсов будет тем выше, чем будет выше стоимость готового продукта, следовательно, будет выше и величина затрат производства).

Как представляется, маршаллов метод исчисления стоимости товара можно перенести на область исследования движения трудового фактора, адекватной оценки стоимости результата его творческого труда. В этом случае логично, что стоимость субъекта труда будет тем выше, чем выше будет оцениваться на рынке сбыта результат его труда, мера общественной полезности продукта, следовательно, будут выше и затраты производства. В этих условиях можно говорить о модификации объекта транзакции между наемным работником (владельцем рабочей силы) и капиталистом (владельцем материального капитала). Если некреативный работник продает свою рабочую силу, получая за это гарантированное и, как правило, фиксированное вознаграждение, то креативный работник может не только продавать свою способность к труду (рабочую силу), но и объединять принадлежащий ему актив с владельцами других факторов производства в целях генерации дополнительной экономической выгоды, часть из которой в денежной форме впоследствии перейдет в его распоряжение.

В заключение, опираясь на полученные в ходе исследования результаты,

можно сделать ряд важных выводов. С точки зрения современной экономической теории субстанции «рабочая сила» и «человеческий капитал» являются весьма близкими по значению, но далеко не тождественными по содержанию экономическими категориями.

Ключевое отличие их сущности заключается в том, что рабочая сила, согласно трудовой теории стоимости, вступает в производственные отношения исключительно как товар (объект купли-продажи). Соответственно, использование рабочей силы происходит посредством найма, предметом которого выступает право использования способностей работника выполнять те или иные производственные функции, а цена (плата за использование) определяется соотношением спроса и предложения и затратами на воспроизводство рабочей силы (как правило, в пределах общественно необходимых затрат труда).

В условиях креативизации труда и все возрастающего значения научно-технологического прогресса использование человеческого капитала начинает происходить на основе формирования партнерских отношений, предметом которого является совместное участие креативного работника в создании добавленной стоимости, часть из которой в денежной форме впоследствии перейдет в его распоряжение.

Предложенный подход исследования позволяет преодолеть однобокое рассмотрение субъекта труда пределами меновой стоимости. Характеристика человеческого капитала как созидателя потребительной стоимости позволяет вырваться из чисто стоимостных оценок на учет его общественной полезности. Неоспоримым достоинством подхода выступает способность креативного работника объединять принадлежащий ему актив с владельцами других факторов производства в целях генерации дополнительной экономической выгоды.

2.3. Формы и виды человеческого капитала

В научной литературе отсутствует общепризнанная классификация форм и видов человеческого капитала, а также их взаимосвязи. Исследователи на свое усмотрение включают в структуру человеческого капитала различные компоненты. Связано это с тем, что содержание, формы и виды исследуемого объекта зависят от множества факторов - от поставленной цели, метода и способа анализа, выбранного научного инструментария и др.

Чаще всего классификация форм и видов экономической категории строится на следующих теоретико-методологических предпосылках: факторного исследования, воспроизводственного исследования, системного исследования, эволюционно-институционального исследования, инвестиционного исследования, деятельностного исследования и др.

Рассогласованность представлений классификации находит вполне логичное объяснение в неоднозначности научных взглядов экономистов на предмет осмысления количественных и качественных показателей форм и видов человеческого капитала. Противоречивость наблюдается по разным направлениям (как с позиции обозначения роли и места элементов классификации в структуре человеческого капитала, их влияния на стабильность и экономическую эффективность, развития производственных отношений между трудом и капиталом, так и с позиции обозначения ключевых факторов их воспроизводственного процесса).

Как известно, одним из наиболее распространенных подходов структурирования человеческого капитала является метод, в предметном поле которого исследуются инвестиции в развитие квалификационных способностей креативного работника. Заметим, родоначальниками теории человеческого капитала было уделено особое внимание роли инвестиций в этот вид актива. Они выявляли стоимостную оценку экономической рациональности человеческого капитала в процессе производства. Было установлено, что

инвестиции, направленные на развитие потенциала креативных работников, в конечном счете, способствуют развитию научно-технологического процесса.

Т. Шульц считал, что «компетенции и квалификация индивида развиваются посредством определенных видов деятельности, которые имеют атрибуты инвестиций» [360, p.62]. По его мнению, целенаправленные денежные вложения в развитие профессиональных компетенций человека «повышают не только уровень производительности труда, но и экономическую ценность его времени» [360, p.26-28]. К ним исследователь относил «инвестиции на школьное образование, обучение на рабочем месте, укрепление здоровья, растущий запас информации относительно экономики» [360, p.64-65].

Безусловно, совокупность элементов инвестиционных вложений направлена на развитие творческой активности работника. В этой связи необходимо четко определиться с трактовкой классификации денежных вложений в развитие субъекта креативного труда. Традиционно под ним принято понимать любое действие, направленное на повышение роста производительности труда, развития профессиональных способностей и, как следствие, возрастание стоимости.

Многими теоретиками и практиками подчеркивается особая роль наличия свободного человеческого времени как ресурса, которое можно направить на накопление и совершенствование квалификационных способностей. Как утверждает Л. Туроу, «запас человеческого времени является столь же базовым, как и запас ресурсов. Это – главный актив человеческого капитала, который позволяет индивидууму приобретать другие активы человеческого капитала» [365, p.86].

Не оставил без внимания эту тему и К. Маркс. Обосновывая значение свободного времени, он заключает: «All work and no play» или «Работа, не чередуясь с игрой, притупляет» [157, с.280]. Марксова логика доказывает, что субъекту труда необходимо иметь в распоряжении свободное от работы время, которое он сможет направить не только на восстановление трудовых сил, но и на развитие собственного внутреннего мира.

Как полагал Г. Беккер, человеческий капитал «целесообразно подразделять на «специальный человеческий капитал» (наличие узкоспециализированных знаний и профессиональных компетенций прикладного значения, представляющих ценность лишь в рамках той организации, в которой эти знания были приобретены) и «общий человеческий капитал» (представляющий собой комплекс универсальных знаний и компетенций фундаментального значения, без владения которыми невозможно полноценно встроиться в трудовой процесс)» [12, с.516].

Исследователь, являясь одним из трех основателей (вместе с Т. Шульцем и Дж. Минцером) принципа методологического индивидуализма, наряду с капиталом образования выделял мотивацию, капитал миграции, капитал здоровья, капитал производственных навыков и так называемый капитал владения экономически значимой информацией.

Затраты, по мнению В.И. Макконелл и С.Л. Брю, направленные на повышение производительности труда, «можно рассматривать как инвестиции, ибо текущие расходы, или издержки осуществляются с тем расчетом, что эти затраты будут многократно компенсированы возросшим потоком доходов в будущем» [155, с.171].

Исследователи подразделяют инвестиции в человеческий капитал креативного работника на три ключевые формы:

1. Расходы на образование (совокупность затрат на получение общего и профильного образования, на прохождение стажировок, повышения квалификации и др.).

2. Расходы на здравоохранение (совокупность затрат на ведение здорового образа жизни, сохранение здоровья и долголетия, рекреация, организация комфортного быта, высокого качества жизни и др.).

3. Расходы на мобильность (совокупность миграционных затрат, связанных с территориальным перемещением трудового ресурса на новое место трудоустройства).

Следует отметить, что из всех вложений в человеческий капитал креативного работника особенно важными являются расходы на образование и здоровье. Этот тезис на сегодняшний день никем не оспаривается. Реалии современных дней таковы, что долгосрочные инвестиции в здравоохранение, науку и образовании способствуют накоплению всесторонне развитого креативного потенциала современного работника, высокопроизводительный трудовой потенциал которого позволит достичь показателей эффективного социально-экономического развития.

В современном экономическом мире индексы долголетия нации, степени ее образованности, уровня доходов жизни считаются базовыми. Эти три элемента включены в структуру комбинированного показателя Индекса человеческого развития (до 2013 г. носил название «Индекс развития человеческого потенциала»), позволяющего ежегодно соизмерять и сопоставлять между собой уровень и качество жизни населения в разных странах мира.

Не секрет, что государственная власть, приоритетом которой выступает забота о здоровье человека, сохранение высокого стандарта жизни, возможность к самореализации и др., закладывает основу не только для полноценного развития конкурентоспособного национального человеческого потенциала, но и национального макроэкономического роста.

При этом надо помнить, что состояние здоровья и долголетие любого человека (будь он носитель креативного труда или нет) – это своего рода показатель высокого качества «генетического кода» нации, так сказать, успешный государственный проект, формирующийся долгосрочными и существенными инвестициями.

Такой позиции придерживается И.В. Ильинский [110, с.30], который выделяет в капитале здоровья два подвида: базовый и приобретенный. Базовый подвид капитала определяется исследователем совокупностью врожденных характеристик человека, полученных им в основном в дар от родителей. Второй подвид капитала формируется человеком на протяжении всей своей осознанной

жизнедеятельности. В составе человеческого капитала помимо капитала здоровья петербургский экономист выделяет еще «капитал образования и капитал культуры» [110, с.34].

Широко известно, что на состояние здоровья и продолжительность жизни помимо внутренних факторов прямое воздействие оказывают и внешние факторы, в числе которых следует выделить 1) экономическую стабильность страны; 2) достойный уровень оплаты труда; 3) высокий стандарт жизни; 4) доступность благ; 5) бесстрессовую среду обитания; 6) экологически комфортную обстановку и др.

По природе человеческий капитал креативного работника неликвиден, а потому не может быть отчужден от своего носителя. В этом заключается его главная отличительная особенность от материального капитала. По выражению А. Маршалла, человеческий капитал работника не подвержен хранению. Время, в течение которого наблюдается так называемое «простаивание» этого вида актива считается упущенным безвозвратно, характеризуется отрицательной эффективностью в силу потери упущенных возможностей. При этом человеческий капитал проявляет себя двояко – потребляется как в процессе труда, так и вне рабочего времени (в быту). В этой связи можно говорить, что вложения в формирование креативного потенциала человека неотделимы от затрат на потребление.

С точки зрения рассмотрения инвестиций на воспроизводство человеческого капитала определенный интерес вызывает интегральный метод Дж. Кендрика. Исследователь предлагает понимать категории богатства и капитала как «способности на протяжении определенного времени создавать продукт и доход, включая нерыночные формы дохода» [124, с.8]. Американский экономист является одним из сторонников расширительной концепции трактовки национального богатства и капитала. Он убежден, что все виды инвестиций следует разделять на категории вещественного и невещественного капитала (Приложение А).

Вещественный капитал содержит собственную материальную форму. К ним относятся затраты, связанные с физиологическим формированием и развитием человеческого ресурса. В основном в него входят издержки родителей по рождению, воспитанию и образованию детей. Невещественный капитал овеществленную форму не имеет. Данный вид капитала воплощается в противоположном ему капитале, благоприятствуя возрастанию его продуктивности, развитию качественных характеристик.

Концепция инвестиционного метода разграничения форм и видов человеческого капитала находит свое развитие и в отечественной экономической науке. При этом, если, с одной стороны, озвученные методы находят свое дальнейшее развитие в русле западной экономической мысли (так сказать, не отходя от классических канонов изучения), то, с другой стороны, отечественный вариант анализа отличается большей предметной направленностью к проблематике исследования форм и видов человеческого капитала, его ключевых условий и методов воспроизводства.

А.И. Добрынин и др. [81, с.309] предлагают следующую классификацию расходов. Инвестиции в человеческий капитал они подразделяют на 1) отраженные и 2) не отраженные в национальном счетоводстве. Отраженные в системе национального учета, в свою очередь, подразделяются на здравоохранение, мотивацию, образование, миграцию, экологию и здоровый образ жизни, поиск информации (транзакционные издержки), подготовку на производство, научные разработки и развитие высокоинтеллектуальных трудовых функций. Как считают исследователи, «из всех перечисленных вложений в человеческий капитал наиболее важными признаются инвестиции в образование и здоровье» [81, с.44]. К инвестициям, не отраженным в национальном счетоводстве, экономисты относят потерянные заработки и свободное время.

Классификацию человеческого капитала работники российские исследователи видят в выявлении «различий между формами, в которых он воплощается:

1. Живой капитал включает в себя знания и компетенции, воплощенные в человеке.

2. Неживой капитал создается, когда знания и компетенции воплощаются в физических, материальных формах.

3. Институциональный капитал состоит из живого и неживого капитала, связанного с оказанием услуг, удовлетворяющих коллективные нужды общества. Он включает в себя все правительственные и неправительственные институты, которые содействуют эффективному использованию двух других типов капитала. Экономисты-классики используют данный тип человеческого капитала в экономическом анализе, тогда как неоклассики находят целесообразным от него абстрагироваться» [81, с.44].

Несколько иная классификация видов человеческого капитала у М.М. Критского, разработанная ученым исходя из основных форм его проявления и функционирования в процессе хозяйствования. Понимая под человеческим капиталом главное производственное приращение современной экономической системы в его формальных модификациях, экономист выделяет следующие его формы: «производственный, потребительский и интеллектуальный» [143, с.115].

И.В. Ильинский включает во внутреннюю структуру человеческого капитала следующие элементы: «капитал образования, капитал здоровья, капитал культуры, интеллектуальный капитал, информационный капитал, коммуникационный капитал» [106, с.154-155]. Как считает исследователь, несущей конструкцией человеческого капитала выступает взаимосвязь капиталов образования, здоровья и культуры, в котором последний элемент (капитал культуры) характеризуется в качестве составляющей социально-экономической активности креативного работника.

Е.А. Полищук акцентирует внимание на такие структурные элементы человеческого капитала, как «капитал образования, капитал здоровья и социальный капитал» [200, с.67]. По ее мнению, выделенные капиталы входят в

группу первоочередных форм и видов человеческого капитала, без должного анализа которых невозможно говорить об остальных элементах.

Г.Н. Тугускина в зависимости от сферы использования человеческого капитала работника предлагает различать три подвида: «производственный человеческий капитал, используемый в сфере материального производства; структурный человеческий капитал, используемый в сфере инфраструктуры, общественных услуг (государственное управление, охрана правопорядка и др.); гуманитарный человеческий капитал, используемый в сфере создания нового человеческого капитала (образование, художественное творчество и др.)» [276, с.16].

К видам человеческого капитала А.П. Колядин относит «знания, представляющие собой целесообразную форму информации, используемую в экономической деятельности; способности – умение успешно выполнять какие-либо функции. Ученый различает несколько уровней развития способностей: отсутствие способностей (нулевой уровень), средние способности (частичные способности), талант (гениальность); опыт – навыки действий, мастерство выполнения конкретных трудовых операций длительное время; культура – принципы и стереотипы поведения в пределах существующих в обществе знаний, правил, установок, традиций и морали; мотивация – направленная деятельность, ее интенсивность, удовлетворенность процессом и результатами» [132, с.11-15].

В.Т. Смирнов и др. [240] предлагают расширительную структуру форм и видов человеческого капитала, состоящую из двух блоков: «неотчуждаемых видов (неликвидный капитал) и отчуждаемых видов (ликвидный капитал) человеческого капитала» [240, с.123] (Таблица 1).

Основываясь на комбинировании различных форм и видов человеческого капитала, коллектив авторов в зависимости от уровней его проявления предлагает еще более укрупненную и развернутую структуру элементов экономической категории (Приложение Б).

Таблица 1 – Структура видов человеческого капитала

Неотчуждаемые виды человеческого капитала (неликвидный капитал)	Отчуждаемые виды человеческого капитала (ликвидный капитал)
Капитал здоровья (биофизический)	Социальный капитал
Культурно-нравственный капитал	Клиентский капитал (бренд-капитал)
Трудовой капитал	Структурный капитал
Интеллектуальный капитал	Организационный капитал
Организационно-предпринимательский капитал	

Источник: [238, с.128-129; 240, с.123]

Как пишут сами авторы, их «подход к выделению видов человеческого капитала основан на разграничении групп способностей, необходимых для активной жизнедеятельности человека. Назначение классификации состоит в обосновании целевых программ образования как основной формы формирования и накопления человеческого капитала» [240, с.101].

Познакомимся поближе с ключевыми положениями, которые развивают наши коллеги из Орловского технического университета. Теоретические выводы исследователей построены вокруг идеи о том, что человеческий капитал они предлагают классифицировать на два структурных подвида. В терминологии автором эти подвиды получили название «неотчуждаемые виды человеческого капитала (неликвидный капитал)» и «отчуждаемые виды человеческого капитала (ликвидный капитал)» [см., напр.: 238; 240], соответственно.

Научная группа экономистов под руководством В.Т. Смирнова, а также ряд других исследователей [240, с.123; 238, с.128], придерживающихся схожей позиции, к «неотчуждаемому виду человеческого капитала» относят принципиально неотделимый от работника (причем в буквальном смысле этого слова) набор внутриличностных качеств человека, в частности, «капитал

здоровья, культурно-нравственный, трудовой, интеллектуальный и организационно-предпринимательский капиталы» [240, с.123]. По сути, речь идет о реализованных в труде креативным работником сугубо индивидуальных навыках и компетенциях.

В этом смысле логика исследователей не вызывает сомнений, поскольку согласуется и не противоречит общей логике теории человеческого капитала. Серьезные вопросы возникают (по крайней мере, в нашем случае они возникли совершенно определенно) в процессе критического анализа правого столбца таблицы – графы «Отчуждаемые виды человеческого капитала (ликвидный капитал)» [240, с.123].

Как представляется, перечисленные в правой части таблицы четыре вида человеческого капитала на самом деле есть результат деятельности креативного работника, а не его компоненты. Основополагающая идея человеческого капитала заключается в том, что теория человеческого капитала понимается как определенный набор накопленных и развитых креативным работником высокопроизводительных квалификационных качеств, позволяющих компании получать экономическую выгоду и преимущество перед конкурентами. При этом также не следует упускать тот факт, что одним из базовых принципов неоклассической теории человеческого капитала является то, что человеческий капитал неотчуждаем от креативного работника. Именно в этом состоит предел расширения границ трактовки человеческого капитала, та черта, переход которой сигнализирует о серьезном отходе от устоявшихся принципов неоклассической теории.

Заслуживает внимания и рабочая модель Ю.А. Корчагина о формах и видах человеческого капитала, состоящая из трех структурных блоков: 1) отрицательный человеческий капитал; 2) пассивный человеческий капитал; 3) положительный человеческий капитал. Для простоты исследования все три вида человеческого капитала российский исследователь рассмотрел на уровне человека.

В состав отрицательного человеческого капитала исследователь включил «личность, которая по совокупности выступает только потребителем, разрушителем и иждивенцем для созидательной части населения» [140, с.47], в основном состоящую из числа «некомпетентных управленцев, специалистов во всех сферах деятельности, лжеученых, лжеинноваторов, коррупционеров, преступников и др.» [140, с.48].

В пассивный человеческий капитал Ю.А. Корчагин включил рядовых работников, не проявляющих в труде высокоинтеллектуальную творческую активность, а потому не способных в силу ряда объективных причин к извлечению экономической выгоды в виде сверхприбыли. Напротив, в структуру положительного человеческого капитала вошли работники из числа, так называемых, «трудоголиков, профессионалов, специалистов высокого уровня» [140, с.49], способные и отдающие делу свой «бест». Очевидно, что представители разного блока человеческого капитала создают и разный результат труда (экономический продукт).

Похожей позиции придерживаются санкт-петербургские экономисты. Как считают И.А. Максимцев, Д.Ю. Миропольский и Л.С. Тарасевич, «существуют отдельно базовые и отдельно пионерные продукты, и функции их производства жестко закрепляются за группами людей. Если это так, то мы вправе говорить о появлении базового и пионерного секторов хозяйства ... Пионерные продукты по мере их освоения становятся базовыми и постоянно повышают продуктивность базового сектора. Однако столь же постоянно возникают новые пионерные продукты, и процесс перераспределения ресурсов оказывается бесконечным» [96, с.211]. Как справедливо отмечает Д.Ю. Миропольский, «не только продукты, производимые рабочей силой, являются базовыми и пионерными, но и сама рабочая сила, будучи продуктом, выступает как базовая и пионерная» [173, с.50].

Развиваемая профессором Д.Ю. Миропольским теоретическая позиция помогает, на наш взгляд, лучше детализовать и объяснять огромные различия в стоимостной оценке, уровне производительности и экономической

эффективности трудового фактора разного уровня. В этой связи интересным (причем не только с теоретической, сколько больше с практической точки зрения) представляется метод разграничения работников на: 1) способных и 2) не способных к высокоинтеллектуальной креативной деятельности. Исследование вопроса с этой точки зрения представляется нам наиболее интересной и актуальной задачей.

Поясним. Критический анализ существующих в научном обороте классификаций человеческого капитала, с одной стороны, а также предложенное нами выше определение человеческого капитала креативного работника, с другой, позволяет внести на рассмотрение авторскую модель структуризации человеческого капитала. В частности, обоснована правомерность и продуктивность деления работников на: 1) активных и 2) пассивных субъектов создания стоимости.

Вводимая автором классификация в значительной степени коррелирует научной логике выше упоминавшегося коллектива экономистов из СПбГЭУ. Речь идет о все явно обозначившейся в условиях развития знаниеемкого производства и роста значения креативизации труда тенденции отделения пионерных (наукоемких) секторов экономики от базовых (традиционных), каждый из которых, в свою очередь, предъявляет спрос на работника разной квалификации. Автору настоящего исследования представляется очень важным выделить именно эту логику, поэтому и воспроизводит ее в данном тексте.

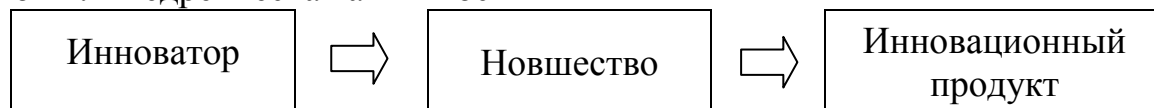
Исследование позволило выявить, что в системе производственных отношений активный (креативный) работник и пассивный (некреативный) работник находятся между собой в тесной взаимосвязи. Автор не ставил перед собой цель конкретизировать составляющие человеческого капитал элементы. В научной литературе этот аспект развит довольно полно. Наоборот, вопрос разграничения носителей труда на возможные группы с учетом их способности воспроизводить новую стоимость (прибыль), как представляется, требует серьезного экономического исследования. Более наглядно это можно проследить ниже (Рисунок 9).

Активный (креативный) работник

Блок 1: Созидательная активность

Блок 2: Внедренческая активность

Пассивный (некреативный) работник

Блок 3: Потребительская активность

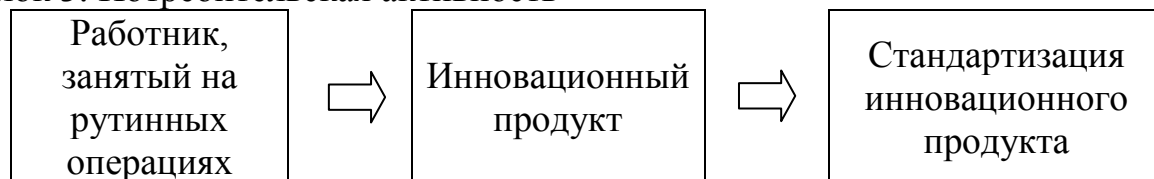

Рис. 9. Взаимосвязь работников в процессе производства и внедрения инноваций.

Авторская модель структуризации человеческого капитала демонстрирует взаимосвязь активного (креативного) и пассивного (некреативного) работника в условиях современных производственных отношений. Активные (креативные) работники вкладывают в производственный процесс свои высокоинтеллектуальные творческие способности, позволяя получить компании (эксплуатанту их труда) экономическую выгоду в виде сверхприбыли, извлекаемой за счет производства продукта с высокой долей содержания в нем элементов новизны. Пассивные (некреативные) работники продают работодателю право использовать их труд (рабочую силу). В результате их рутинного участия в процессе производства компания получает только нормальную прибыль.

В исследовании под креативным работником предложено понимать работника, в деятельности которого преобладает высокоинтеллектуальная творческая компонента, позволяющая в условиях неопределенности отдать

делу свои квалификационные способности и самостоятельно реализовать принципиально новый высокотехнологичный проект.

В определенном смысле такой работник становится квази-предпринимателем, потому что имеет дело с трудно предсказуемыми результатами своего творчества. При этом само творчество может заключаться как в создании нового, так и в попытке его внедрения в коммерческую деятельность. Соответственно, креативному работнику должна быть дана достаточно большая свобода самореализации.

Включение новаторов и инноваторов в состав креативных работников (активных субъектов хозяйствования) не является случайным. Новаторы – это создатели новшества; их труд нацелен на созидательную высокоинтеллектуальную активность. Инноваторы – это инициативные экономические акторы, трансформирующие новшество в инновацию; они проявляют внедренческую активность. Трудовые функции (созидательная и внедренческая) обоих участников производственного процесса полностью реализуются в творческом труде. При этом не стоит упускать из вида, что каждый из обозначенных субъектов креативного труда имеет в своем интеллектуальном багаже специфический набор качеств накопленного человеческого капитала. Так, например, новатора выгодно отличает от остальных склонность к продуцированию нового научного знания, способность предложить миру принципиальную новизну. Основное преимущество инноватора заключается в том, что он способен предугадать в новшестве экономическую выгоду и, запустив производство, поставить его выпуск на поток. Здесь актуализируются наличие несколько иных внутриличностных компетенций, нежели в процессе созидательной деятельности новатора. Такая личность должна обладать свойствами предвидения экономической целесообразности и рациональности от практического использования новшества и др.

К пассивным субъектам труда отнесены такие работники, в деятельности которых отсутствуют предпосылки продуцирования принципиально новых

решений, проектов, технологий и др. на основе творчества и, соответственно, предпосылки для получения сверхприбыли. Этот тип занятых рассматривается нами в роли работников, занятых исключительно на рутинных и монотонных трудовых операциях. Здесь особенно важно понимать, что использование их труда позволяет компании получать только нормальную отдачу на вложенные средства.

В заключение отметим следующее. В научной среде к настоящему времени пока не сформировалось целостное видение о формах и видах человеческого капитала. Наблюдается изобилие различных подходов, методов и инструментов воздействия на изучаемый объект. Ситуация такова, что каждый ученый в ходе исследования, оперируя принципом методологического плюрализма, стремится дать свой «уникальный рецепт» на предмет осмысления изучаемого феномена. Полагаем, что бесосновательное расширение терминологии и границ методологии исследования человеческого капитала может спровоцировать ряд дополнительных проблем (например, в части внесения терминологической неясности, чрезмерной усложненности, спорности системы), нарушив стройность конструкции и целостность понимания человеческого капитала креативного работника.

В инвестиционном методе, как представляется, заключена фундаментальная идея о наличии взаимосвязи между видами человеческого капитала и затратами, расходуемыми на их воспроизводство и развитие. Сущность субъекта креативного труда раскрывается в единстве его исключительных квалификационных признаков, поэтому в современном процессе хозяйствования они соответствующим образом задействуются. Озвученная мысль находит вполне понятное объяснение, поскольку если на воспроизводство одного из видов человеческого капитала должным образом не поступают денежные средства, то происходит одновременная потеря не только качественных характеристик данного элемента, но и качественной составляющей всей системы в целом.

ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КРЕАТИВНОГО РАБОТНИКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

3.1. Динамика изменения человеческого капитала креативного работника в современных российских условиях: факторы, причины, последствия

В нашем исследовании креативному потенциалу работника уделяется особое внимание, поскольку человеческий капитал такого работника является основным объектом исследования. Вся логика исследования построена вокруг идеи о необходимости глубокого теоретико-методологического и практического анализа этого феномена, поскольку под все возрастающим воздействием креативизации труда в современной модели экономического развития происходят кардинальные изменения.

С экономической точки зрения креативный потенциал работника представляет наибольший интерес. Это позволяет нам сформулировать исходный постулат настоящего параграфа. Высокоинтеллектуальная компонента креативного работника выступает определяющим фактором опережающего развития и гарантом устойчивости национальной экономики.

В современной системе хозяйствования социально-экономический эффект от деятельностного процесса, как и сам результат труда, все больше исследуются во взаимосвязи с креативными способностями работников. Здесь одно вытекает из другого и в этом, на наш взгляд, заключается основа их дальнейшего развития. Атрибутивно креативный потенциал работника, определяя в себе признаки экономической ценности, базируется на интеллекте и квалификации его носителя, а также на возможности осуществлять высокоинтеллектуальную творческую деятельность.

Бесспорно, величина и качество креативного человеческого капитала становятся основным условием гармоничного встраивания региональной экономики в новейшие стандарты общемирового развития, обеспечивая

национальную безопасность, государственную целостность, социально-экономическую эффективность и др.

Нередко на практике можно наблюдать ситуацию, когда в силу объективно сложившихся обстоятельств накопленный трудовой потенциал специалистов при переходе из одной стадии экономического развития в другую (как правило, более совершенную) незначительно меняет свой знак и величину в сторону уменьшения. Объясняется это тем, что часть накопленного человеческого капитала перестает соответствовать требованиям и уровню нового времени и, не вписываясь в реалии современной среды, более не решает задачи новой парадигмы развития.

Для устранения негативных последствий следует, на наш взгляд, на постоянной основе вносить ощутимые и, что немаловажно, своевременные денежные вливания в социальную сферу, которые должны будут изменить и обновить систему образования, фундаментальную и прикладную науку, здравоохранение, культуру и др. Более того, нельзя не признавать, что запущенные формы деградации и деквалификации населения трудно поддаются изменению. Помимо колоссальных инвестиций, целенаправленной государственной политики и мер социально-экономического реагирования необходимо довольно большое количество времени, поскольку структурной перестройке подвергаются самые долгосрочные и капиталоемкие национальные проекты – воспитание, всестороннее развитие нового поколения, изменение менталитета, сложившихся устоев, экономической системы, общественных отношений, культуры, формирование нового восприятия к окружающей среде и др.

Общеизвестно, что уровень возможностей реализации человеческого капитала креативного работника зависит от состояния и величины развития физиологических (как врожденных, так и приобретенных) и социальных (сформированных на протяжении жизнедеятельности) факторов.

В условиях монополистического капитализма и господства глобальных производственных сетей творческий труд находит себе все более широкое

применение. И это не удивительно. Определяющая особенность субъекта креативного труда кроется (ранее мы неоднократно обращали на это внимание) в способности не только производить востребованную реальным сектором экономики высокотехнологическую инновационную продукцию, призванную содействовать всестороннему прогрессу и высокому качеству жизни, а в том, что за счет механизма манипулирования потребительским спросом и навязывания обществу симулятивных потребностей, в продажу поступают товары-симулякры и товары-однодневки с малополезными, а порой и откровенно бесполезными свойствами. Безусловно, такое положение дел является своеобразным побочным эффектом современной глобальной капиталистической экономики. Отсюда кризис перепроизводства и ухудшение экологической обстановки, который мы наблюдаем в последнее время.

На пути построения посткапиталистических отношений основной задачей должно стать, как бы банально это не звучало, воспитание умной и осознанной нации, способной противостоять навязываемым рынком избыточным потребностям. Активно развиваемый современным капиталом процесс культивирования и тиражирования обществу инновационности В.Т. Рязанов предлагает называть «инновационным империализмом» [224, с.345], ставшим основным способом существования и процветания современного глобального капитала. Отсюда очевидно, что переход на более высокую стадию технологического прогресса возможен только при постоянном накоплении и совершенствовании креативных способностей нации, величина которых в силу ряда объективных причин находится в состоянии динамики и может, как было отмечено ранее, изменяться как по нисходящей, так и по восходящей траектории.

Мы считаем, чтобы претендовать на лидирующие позиции в мировом масштабе необходимо согласованно работать на всех без исключения этапах расширенного воспроизводства потенциала креативного человека – от его воспитания, обучения и социализации до активизации, профессионализации и накопления.

Существующее положение дел таково, что уровень совокупного человеческого капитала российского креативного работника тяготеет к убыванию, а механизмы его расширенного воспроизводства пока нестабильны. Сложившаяся ситуация может быть объяснена целым рядом взаимоувязанных между собой причин: 1) низкий показатель рождаемости; 2) падение качества образования; 3) не комфортная среда проживания; 4) низкие стимулы замещения труда капиталом; 5) низкий спрос на высококвалифицированный труд и, как следствие, 6) отток специалистов с высокой долей творческого труда за рубеж. Это, пожалуй, основные, но далеко не единственные усложняющие ситуацию обстоятельства.

Мы склонны полагать, что вышеперечисленное есть следствие, а причинами выступают другие, не менее серьезные деструктивные факторы государственного масштаба, в частности: 1) сокращение инвестиций в образование, науку и развитие высоких технологий; 2) сырьевая направленность экономики; 3) неразвитость российской национальной инновационной системы; 4) низкий уровень оплаты труда и качества жизни; 5) низкая система защиты прав интеллектуальной собственности; 6) низкие стимулы развивать высокотехнологическую предпринимательскую активность и др.

Для российской экономики эти аспекты, к сожалению, продолжают носить системный характер и без обстоятельного анализа их не разрешить. В этой связи следует зафиксировать, что в сложившихся условиях тенденция исследования потери (причем в любой форме ее проявления, будь то недовоспроизводство, деквалификация или эмиграция) интеллектуальной элиты нации в лице носителей креативного труда представляется весьма актуальной задачей, требующей к себе тщательного обоснования путем определения частностей. В этом плане без выхода на широкое количественно-качественное описание исследуемого феномена не обойтись.

Приступим. Как известно, численность населения выступает основным измерителем, отражающим в основном количественную оценку текущего

состояния и дальнейших перспектив реализации совокупного человеческого ресурса. При этом чисто количественный показатель не определяет ни размер накопленного человеческого капитала, ни уровень его воспроизводства.

После развала СССР современная Россия продолжила свое развитие со стремительной и почти не контролируемой потерей своих позиций на всех фронтах деятельности. Это обстоятельство само по себе стало довольно тревожным для страны знаком. Причиной тому выступил целый ряд дестабилизирующих ситуацию факторов (упадок промышленного производства, спад экономической активности, низкая производительность труда, отсутствие инфраструктуры, разгул преступности, коррупция, беззаконие, высокий уровень безработицы и бедности, рост экономического неравенства населения, депривация, исчезновение среднего класса и др.).

На геополитической арене Россия рисковала окончательно потерять национальную идентичность, самодостаточность и целостность. В итоге это привело к тому, что в новое тысячелетие российское общество вошло не только с очень слабой экономикой, но и с численностью населения в 146,3 млн чел. (Таблица 2).

Таблица 2 – Численность населения России (в млн чел.)

Годы	2001	2006	2011	2016	2017	2018	2019
Численность населения	146,3	143,2	142,9	146,5	146,8	146,9	146,8

Источник: составлено по [215, с.87; 218, с.67; 304, с.76]

Приостановить стремительный процесс убывания населения во многом удалось за счет мер государственной поддержки семей, в которых рождались вторые и последующие дети. Целевая программа материнского (семейного) капитала заработала с 01 января 2007 г. Единственной задачей федеральной программы было улучшение демографической ситуации за счет финансовой помощи семьям, что собственно и было достигнуто. Начиная с 2009 г.

прекратилась тенденция сокращения населения, а с 2011 г. ситуация стабилизировалась и наметилась сколько-нибудь положительная динамика, благодаря чему стал возрастать постоянный состав нации, достигнув в 2019 г. 146,8 млн чел.

Но если проанализировать ситуацию на более длительном промежутке времени, то станет очевидным тот факт, что российское общество хотя и не убывает, но и не прирастает. Несмотря на незначительную стабилизацию ситуации в разрезе последних лет, эксперты оценивают рождаемость российского населения как не дотягивающую до уровня масштабов естественного прироста. Так, наивысший суммарный коэффициент рождаемости приходится на 2016 г. и составляет 1,762 (Таблица 3).

Таблица 3 – Коэффициент суммарной рождаемости в России

Годы	2001	2006	2011	2016	2017	2018	2019
Коэффициент суммарной рождаемости	1,223	1,305	1,582	1,762	1,621	1,579	1,5

Источник: составлено по [195, 264]

Однако, как считают специалисты по вопросам воспроизводства поколений, чтобы гарантировать постоянную популяцию человеческих ресурсов этот показатель не должен опускаться ниже 2,11. Справочно: выше указанной отметки рождаемость в России поднималась только в советское время – с 1985 по 1988 гг., достигнув максимального значения 2,23, а самым провальным стал 1999 г. – с показателем на уровне 1,157.

Текущее положение дел, к сожалению, не вселяет надежды в разрешении демографической проблемы. Очевидно, что нынешний полуторный коэффициент суммарной рождаемости не в состоянии решать задачу демографического роста. В этой связи на повестку дня встают вопросы поиска новых мер и форм эффективной государственной поддержки. В частности,

Президент России В.В. Путин, выступая 15 января 2020 г. с Посланием перед Федеральным Собранием, озвучил о необходимости достичь к 2024 г. показателя рождаемости 1,7. В качестве финансовой поддержки предложен ряд важных мероприятий, расширяющих меры господдержки семей, решивших идти на пополнение.

Перекрестно стоит заметить, что на фоне падения уровня рождаемости параллельно фиксируется закономерное старение российского населения. По последним данным удельный вес представителей «третьего возраста» (людей старше 65 лет) составляет более четверти населения (Таблица 4).

Таблица 4 – Доля пожилого населения России (в %)

Годы	2001	2006	2011	2013	2014	2015	2016	2018	2019
Доля населения «третьего возраста»	20,4	20,5	22,3	23,1	24,0	24,5	25,0	25,4	25,9

Источник: составлено по [83; 215, с.85; 219; 221, с.67]

Данные Таблицы 4 позволяют судить о том, что в современном российском обществе складывается тенденция постепенного старения нации. Приведенные в таблице данные свидетельствуют как раз об этом. Из года в год процентное соотношение людей пожилого возраста демонстрирует повышательную динамику. В итоге получается, что в России каждый четвертый гражданин является пенсионером. При этом следует отметить, что проблема заключается не в том, что представителей старшего поколения в последнее время становится много.

Проблема в том, что в структуре российского общества на протяжении последних десятилетий доля молодого поколения оказывается меньше доли пожилого. Но сложившееся положение дел не является исключительно российским феноменом. Идентичная закономерность наблюдается во многих развитых странах и носит общемировой характер (Таблица 5).

Таблица 5 – Удельный вес людей в возрасте 65+ по странам (от общей численности населения) (в %)

Страны/Годы	2015	2050	2100	Страны/Годы	2015	2050	2100
Россия	20,0	28,8	27,5	Великобритания	23,0	30,7	35,1
Япония	33,1	42,5	40,9	Норвегия	21,8	29,5	34,3
США	20,7	27,9	32,6	Франция	25,2	31,8	35,9
Канада	22,3	32,4	36,0	Германия	27,6	39,3	39,7
Китай	15,2	36,5	39,6	Италия	28,6	40,7	39,9
Гон Конг	21,7	40,9	38,1	Финляндия	27,2	32,4	36,4
Индия	8,9	19,4	34,1	Израиль	15,8	21,9	33,0
Бразилия	11,7	29,3	38,8	Сингапур	17,9	40,4	46,4
Австралия	20,4	28,3	34,8	в среднем в мире	12,3	21,5	28,3

Источник: составлено по [368, Рр.27-31]

Из Таблицы 5 видно, что идет процесс системного старения населения. Хотя в этом вопросе мы и не одиноки, однако в России такой процесс имеет место быть не благодаря долголетию населения, а в результате низкого уровня рождаемости и высокого уровня смертности населения, находящегося в трудоспособном возрасте (Таблица 6).

Таблица 6 – Показатели естественного движения населения России (в тыс. чел.)

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественная убыль (-)
2000	1266,8	2225,3	- 958,5
2005	1457,4	2303,9	- 846,5
2010	1788,9	2028,5	- 239,6
2016	1888,7	1891,0	- 2,3
2017	1690,3	1826,1	- 135,8
2018	1604,3	1829,0	- 224,7
2019	1481,1	1798,3	- 317,2

Источник: составлено по [214, с.104; 215, с.96; 220, с.82]

Представленные в Таблице 6 данные наглядно показывают, что в стране идет процесс депопуляция нации. Все это ставит под вопрос возможность простого замещения молодыми специалистами выбывающей из трудовой деятельности рабочей силы старшего поколения, а также способности своевременно компенсировать возможные потери трудового фактора (в т.ч. и креативного) в связи с выбытием. Тревожную динамику отчетливо показывают следующие фактологические данные (Таблица 7).

Таблица 7 – Распределение населения России по возрастным группам (в тыс. чел.)

Группы населения / Годы	2001	2006	2011	2017	2018	2019
моложе трудоспособного	28387	23671	23209	26895	27254	27430
трудоспособное	88040	90157	87847	83224	82264	81362
старше трудоспособного	29877	29408	31809	36685	37362	37989

Источник: составлено по [214, с.75; 215, с.84]

Из Таблицы 7 видно, что за рассматриваемый период количество граждан моложе трудоспособного возраста уменьшилось на 957 тыс. чел., при этом население трудоспособного возраста также демонстрирует отрицательную динамику (– 6678 тыс. чел.). Следовательно, можно говорить, что суммарная доля трудового ресурса, которая могла быть вовлечена в процесс хозяйствования, за анализируемый период сократилась на более чем 7,6 млн чел.

Если рассуждать исключительно в сегменте лиц трудоспособного возраста (т.е. экономически активного населения), то следует отметить, что начиная с 2010 г. наблюдается процесс его существенного сокращения. Так, с 2006 по 2019 гг. совокупная доля лиц трудоспособного возраста уменьшилась на 9,76%. Очевидно, в среднесрочной перспективе эта социальная проблема будет одной из доминирующих в России.

Сопоставление экономически активного населения (от 15 до 72 лет) с общей численностью населения иллюстрирует еще одну тревожную тенденцию. Экономически активное население на 2019 г. составляло 75,6 млн чел. или чуть более половины (если быть точным 51,5%) от общего демографического потенциала нации. Соотношение 1:1 выражает выравнивание трудоспособного и нетрудоспособного населения, что свидетельствует о снижении резервов роста экономики за счет естественного восполнения страны кадровыми ресурсами. Это косвенно свидетельствует о том, что вследствие падения темпов рождаемости Россия на определенном промежутке времени будет «недобирать» молодежь, в том числе и одаренную. В последствие это может вылиться в настоящий «голод кадров» высокоинтеллектуального креативного труда.

По мнению Р.И. Капелюшникова, на фоне количественного «недобора» состава нации присутствует и ее качественная деградация [111]. Если попытаться описать это явление в двух словах, то следует начать с того, что в структуре современной российской экономики продолжает наблюдаться перекос в согласованности действий рынка образовательных услуг с рынком труда. Речь идет, прежде всего, о несбалансированности получаемых молодежью в системе образования специальностей действительно необходимым рынку труда профессиям. На практике это оборачивается тем, что значительная часть молодежи вступают в трудовые отношения не по полученной специальности.

Как результат, в масштабах страны российское общество получает так называемый «двойной отрицательный эффект»: 1) нерациональными становятся социальные расходы, направленные на получение образования; 2) деквалифицируются не вовлеченные или неэффективно использующиеся в трудовом процессе компетенции и навыки работников.

Экспортируя высококвалифицированных креативных работников за рубеж, отечественная экономика безвозвратно теряет свое конкурентное преимущество – креативный потенциал специалистов мирового уровня, а

вместе с этим не только не окупает государственные средства, авансированные на воспроизводство их исключительных компетенций, но и теряет возможность извлекать от использования креативный потенциал этих работников дополнительную экономическую выгоду, поскольку последние российскому рынку труда предпочитают международный.

Подчеркнем, что по своей природе человеческий капитал креативного работника весьма мобилен. У него, в отличие от материального капитала, нет строгой привязки к территории. Наглядным примером является тот факт, что Россия за пореформенный период, по некоторым подсчетам, потеряла до трети научной элиты. По оценкам Национального научного фонда США, Россия с момента распада советской системы безвозвратно потеряла до 70-80% математиков и 50% физиков-теоретиков мирового уровня.

Тезис об экономической эффективности вложений в расширенное воспроизводство человеческого капитала креативного работника звучит аксиоматично. В этой связи не лишним будет сослаться на оценки экспертов, подтверждающие, что «каждый доллар, инвестированный в образование, способен приносить порядка 2-10 долл. чистой прибыли» [237, с.15]. При этом не стоит также забывать, что инвестиции в развитие креативного потенциала считаются наиболее затратными и долгосрочными.

По мнению экономистов, «в конце прошлого столетия средства, потраченные на приобретение машин, оборудования и техники в расчете на одного занятого в производстве США, не превышали 15-16 тыс. долл., тогда как воспроизводство квалифицированного работника (суммарная стоимость всех капиталовложений, потраченных на обучение и получение квалификации) оценивалось в 400 тыс. долл., а научно-технического специалиста – в 800 тыс. долл.» [297, с.15].

Бесспорно, высокий образовательный потенциал во все времена являлся стратегическим ресурсом и национальным интересом любой экономики мира, желающей своего процветания. Не оспаривается, качество, востребованность и конкурентоспособность квалификационных способностей работников

напрямую зависит от уровня образования. В этой связи система образования является ключевым фактором долгосрочного сбалансированного развития, недостаток которой грозит серьезными последствиями.

Сопоставительный анализ данных показал, что в общемировом контексте инвестиции в НИОКР (R&D) в странах с развитой экономикой иллюстрируют стойкую повышательную динамику. Безусловными лидерами по росту объемов инвестиций в науку (в процентном выражении к ВВП) традиционно являются Израиль, Южная Корея, Япония, США и др.

В частности, в Южной Корее совокупные затраты на развитие и воспроизводство высокотехнологичной продукции с 1,71% к ВВП в 1991 г. увеличились до 4,55% в 2017 г., а в Японии возросли на уровне с 2,7% до 3,3%. В Китае также наблюдается тенденция роста финансирования науки и технологий с 0,72% до 2,07%. В США динамика доли валовых затрат государства на НИОКР увеличилась с 2,61% до 2,8%, соответственно. Россия, к сожалению, демонстрирует обратную динамику – с 2,03% в 1990 г. до 1,1% в 2017 г. [112, с.278; 346].

Исследование позволило выяснить, что на фоне сокращения расходов на НИОКР существенно уменьшилась и общая численность научного персонала России (Таблица 8).

Таблица 8 – Персонал, занятый исследованиями и разработками (в тыс. чел.)

Категории/Годы	1990	1991	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019
всего, из них:	1943,4	1677,8	887,7	736,5	738,9	722,3	707,9	682,6	682,9
исследователи	992,6	878,5	426,0	368,9	379,4	370,4	359,8	347,9	348,4
техники	234,8	200,6	75,2	59,3	62,8	60,4	59,7	57,7	58,7

Источник: составлено по [175, с.21; 184; 219, с.394]

Исследование показало, что на фоне сокращения расходов в фундаментальную науку существенно уменьшилась общая численность научного персонала России. Так, в период с 1990 по 2018 гг. суммарное

количество исследователей сократилось в 2,75 раза, в период 2017-2018 гг. потери численности научных работников составили 25346 человек. При этом страны с развитой экономикой, наоборот, демонстрируют активное наращивание научных кадров. За период с 2000 по 2017 гг. среднегодовой прирост представителей креативного труда в Китае составил 9,8%, в Южной Корее – 8,4%, в США – 2,3% [195; 183, с.21; 184; 328].

Соотношение объема затрат на НИОКР в расчете на одного исследователя показывает, что в России этот показатель ниже по сравнению с США в 4,3 раза, с Германией – в 3,4 раза, с Японией – в 3 раза, с Китаем – в 2,9 раза [43, с.35].

Анализ позиции России в системе глобального инновационного индекса (справочно: в 2018 г. из 126 стран она расположилась на 46 строчке [367]) показал, что одними из ключевых сдерживающих факторов инновационного развития национальной экономики выступают 1) крайне слабая ориентация субъектов предпринимательского сектора заниматься наукоемкой деятельностью и 2) несопоставимо высокая доля участия государства (Рисунок 10).

Сравнительный анализ данных, отображенных на диаграмме Рисунка 10, позволил определить, что в технологически развитых странах с достаточно высокой реализацией труда креативного работника доля затрат на НИОКР со стороны частного сектора существенно превышает расходы государства. Как результат, большая часть (51% и более) исследований и разработок приходится на бизнес.

Однако в России доля государственного участия в наукоемкой деятельности традиционно велика и находится на уровне чуть меньше 70% (справочно: в США – 11,5%, в Великобритании – 6,3%, в Израиле – 1,7%, в Китае – 15,7%, в Швейцарии – 0,9%, в Японии – 7,5%) [113, с.182-279].

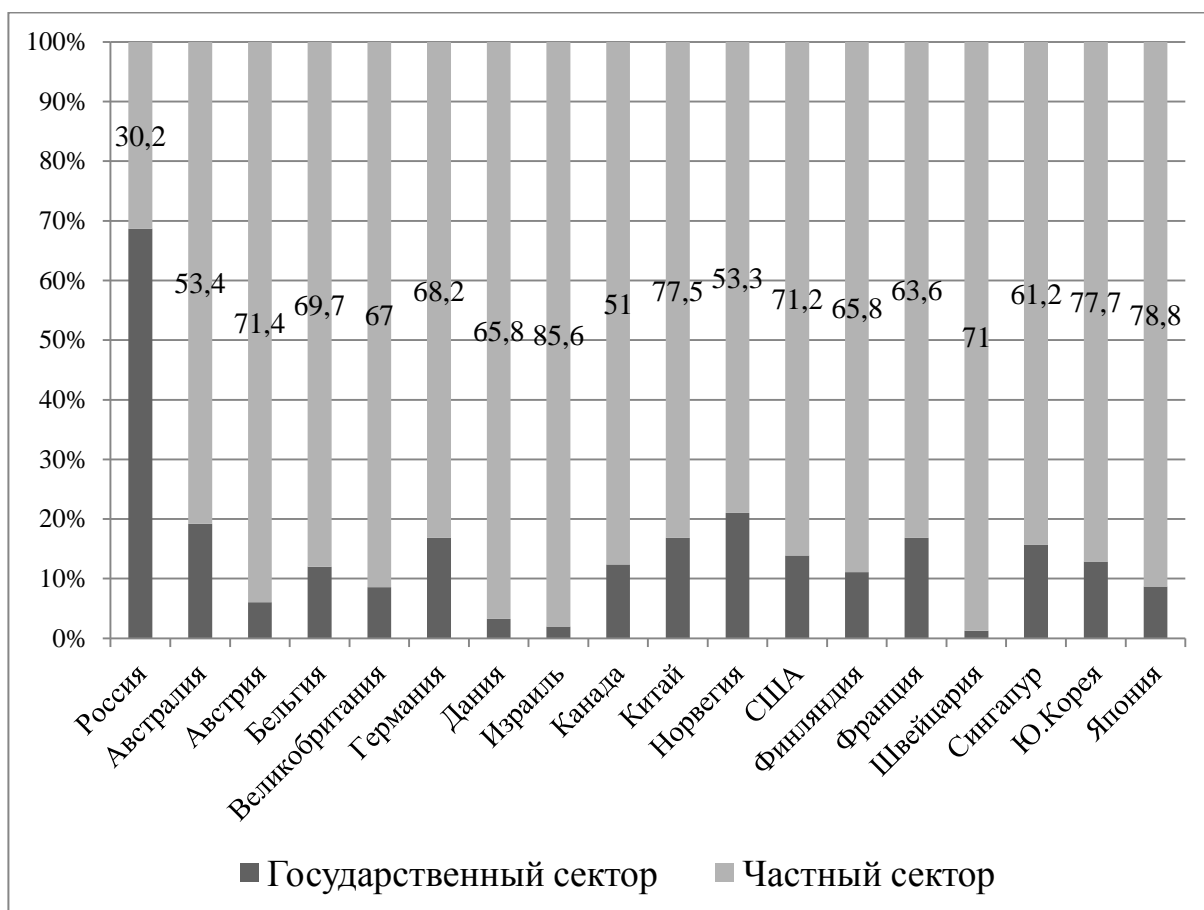

Рис. 10. Структура источников финансирования исследований и разработок в 2017 г. (в %).

Рассчитано по: [113, с.276; 216, с.469]

Низкая мотивация и минимальное участие российского бизнеса в развитии инновационной экономики России подтвердились также в ходе корреляционного анализа степени вовлеченности креативного труда в наукоемкую деятельность в разрезе государственного и частного секторов (Рисунок 11).

Так, данные за 2017 г. позволили установить сравнительно небольшую долю концентрации российских исследователей в частном секторе (47,1%), тогда как в странах ЕС этот показатель расположен на уровне значительно выше 50% (исключение Испания – 37,3%), в Китае – 62%, в Израиле – 84%, в США – 71%, в Южной Корее – 80%, в Японии – 73%.

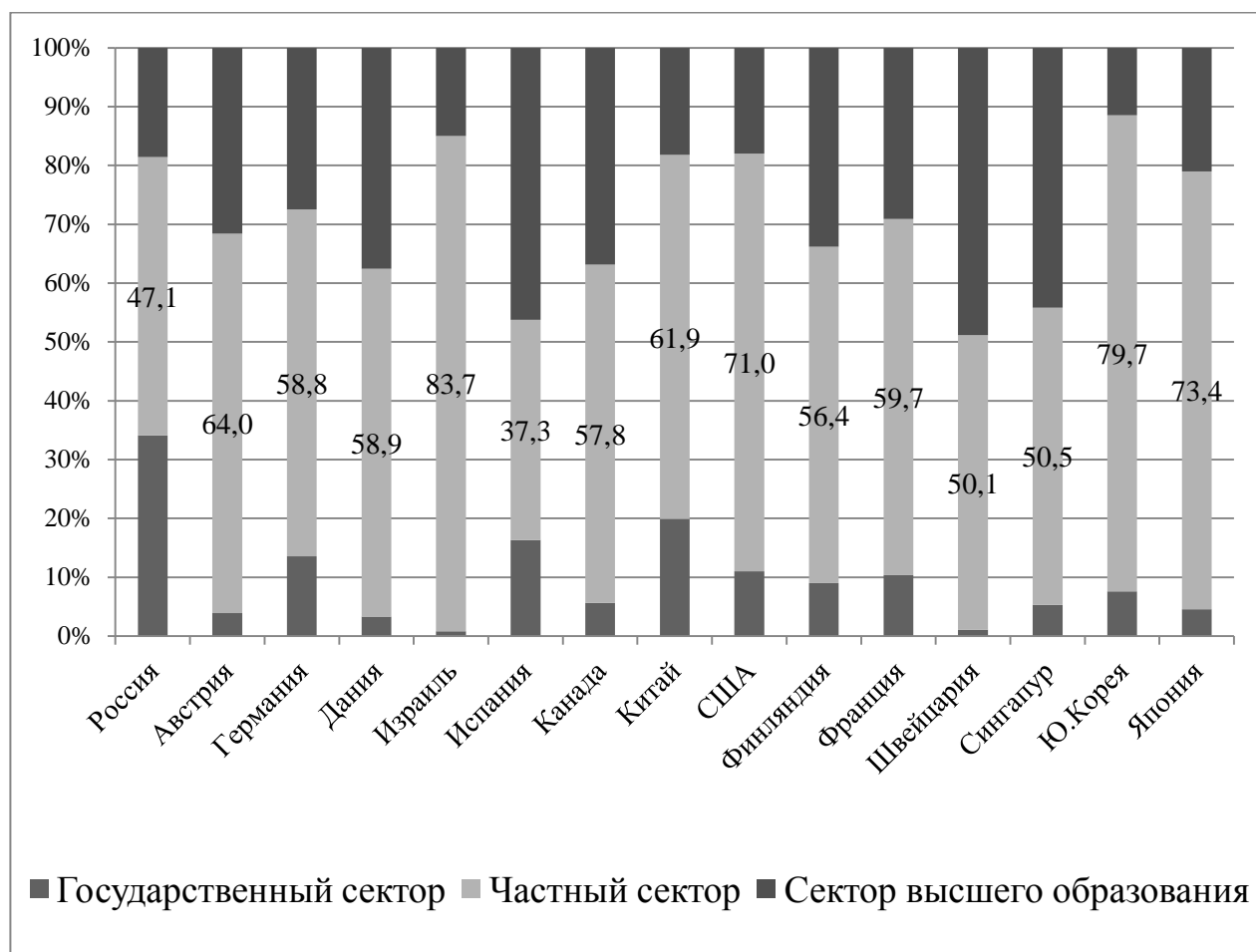

Рис. 11. Структура распределения исследователей по секторам науки за 2017 г. (в %).

Рассчитано по: [112, с.295-297; 344]

Исследование динамики патентной активности ряда стран (Рисунок 12) в качестве результирующего показателя эффективности научного процесса (известно, что патент, выступая выразителем новизны, одновременно позволяет проводить и количественное соизмерение) показало, что Россия в мировом пространстве по количеству поданных патентов занимает довольно скромную позицию.

В частности, стоит отметить, что по данному индикатору наша страна сильно уступает таким странам, как США (в 17 раз), Китай (в 38 раз), Южная Корея (в 6 раз), Япония (в 9 раз) и др. При этом, согласно статистическим

данным, опережает, например, Финляндию (в 24 раза), Испанию (в 16 раз), Израиль (в 5 раз).

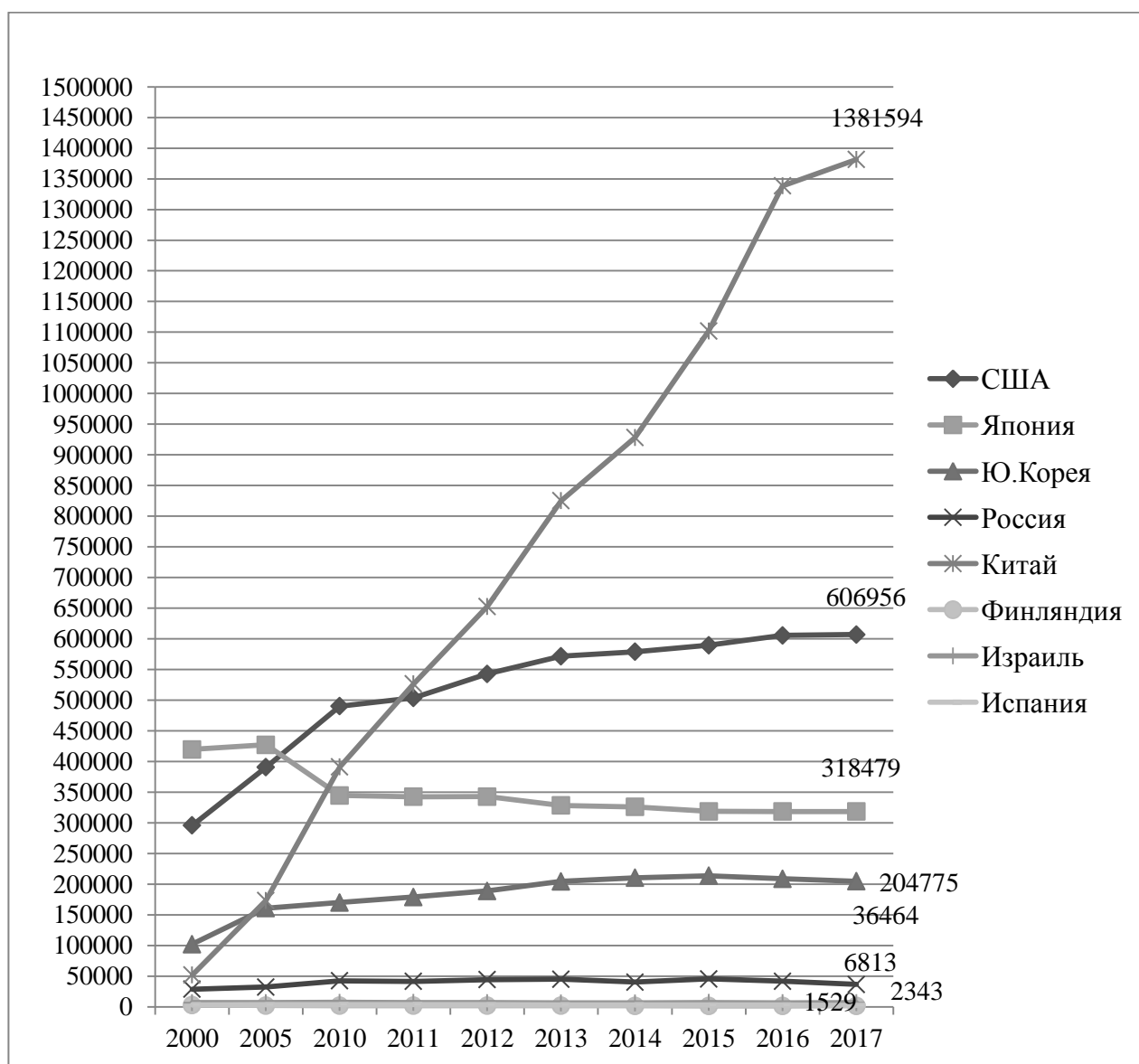

Рис. 12. Графики патентной активности (количество заявок, поданных заявителями в патентные ведомства стран, в шт.).

Рассчитано по: [112, с.311-313; 346]

Среднее арифметическое от общего числа патентов на удельный вес работников креативного труда в экономике (Рисунок 13) подтвердило, что по этому показателю национальная российская экономика уступает Китаю в 7 раз,

Южной Корее – в 6 раз, США и Японии – в 4,5 раза, обнаружив идентичный результат с Израилем.

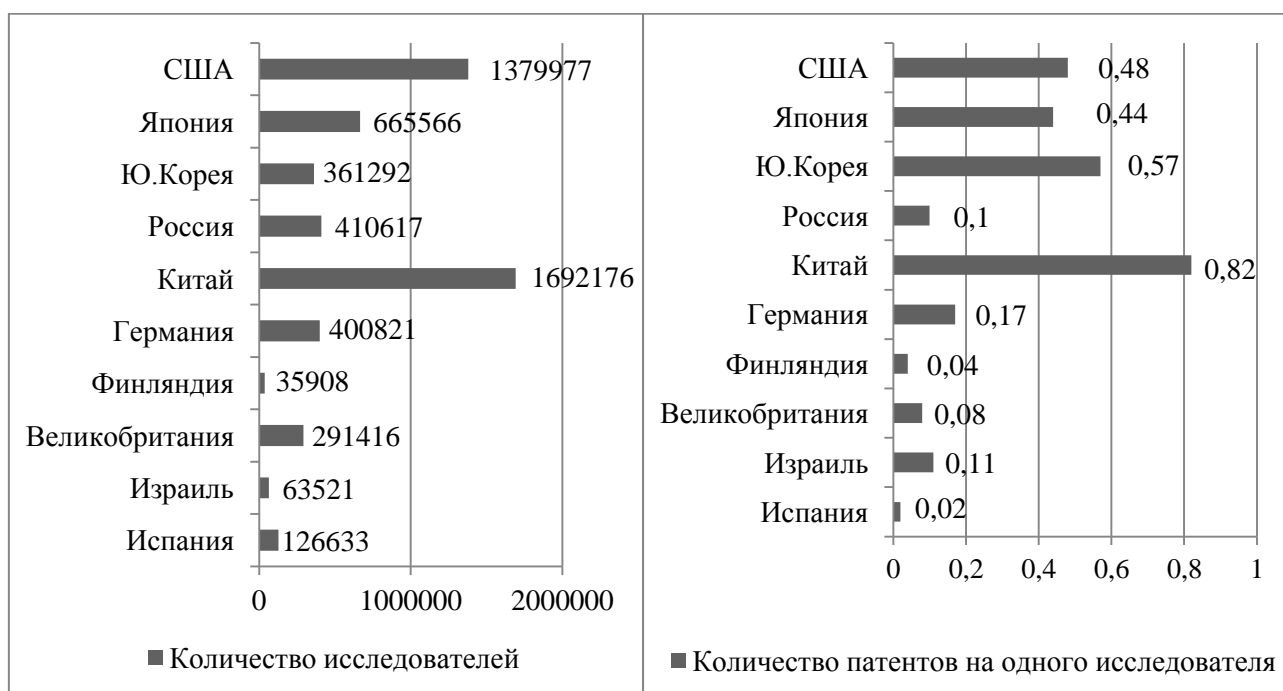

Рис. 13. Количество патентов из расчета на одного исследователя.

Рассчитано по: [112, с.291-293; с.311-313]

Не менее тревожным сигналом является тот очевидный факт, что российское научное сообщество продолжает терять из своего состава высококвалифицированные кадры. Так, статистический анализ последних официально доступных данных позволил выявить, что за 2015-2017 гг. суммарное количество российских исследователей и разработчиков уменьшилось на 3856 человека (Таблица 9). Такому положению дел, к сожалению, способствует целый ряд негативных факторов, которые наиболее подробно будут рассмотрены нами в следующем параграфе.

Примечательно, что в Японии, Южной Корее, Китае, Германии, Великобритании и Испании численный состав специалистов такого уровня только возрастает, а, например, в США и Израиле – остается неизменным.

Таблица 9 – Исследователи, занимающиеся наукой и разработками (человеко-лет)

Страны/Годы	2015	2016	2017	Страны/Годы	2015	2016	2017
США	1307973	1379977	1379977	Германия	351130	387982	400821
Япония	682935	662071	665566	Финляндия	38281	37516	35908
Южная Корея	345463	356447	361292	Великобритания	273560	289330	291416
Россия	449180	428884	410617	Израиль	63521	63521	63521
Китай	1524280	1619028	1692176	Испания	122235	122437	126633

Источник: составлено по [112, с.291-293; 113, с.285-287; 114, с. 269-271]

Таким образом, можно заключить, что отечественная экономика уступает развитым странам мира по целому ряду качественных показателей. Современная модель развития, к сожалению, не позволяет России считаться по-настоящему развитой и самодостаточной системой. Наличие институциональных перекосов, разного рода структурные противоречия требуют неотлагательных и самых серьезных решений. Чтобы окончательно не потерять свою идентичность и не остаться в качестве сырьевого придатка для остального мира российскому руководству необходимо пересмотреть ключевые приоритеты развития национальной экономики и человеческого капитала креативного работника.

Речь идет о необходимости осуществлять сопоставимые с развитыми странами мира социальные расходы в фундаментальную науку и образование, в медицину и охрану жизни, в культуру и просвещение, в развитие национальной инновационной системы и прорывных технологий. Не лишним будет также взять на вооружение и исследовать наиболее удачные социально-экономические эксперименты прошлого и современности, чем мы непосредственно займемся в следующем параграфе.

3.2. Национальные приоритеты и механизмы развития человеческого капитала российского креативного работника: пределы и перспективы

Предыдущий параграф настоящего исследования вскрыл целый ряд институциональных и структурных проблем, а также вытекающих из них противоречий, которые российская экономическая система накопила за постсоветский период своего развития и в которых, не до конца освободившись, продолжает пребывать. Сложившуюся ситуацию современной российской экономики вполне оправданно можно считать кризисной.

Если говорить объективно, то последние тридцать лет развития модель российской экономики, окончательно утратив советский опыт развития, была построена по принципу игнорирования интересов подавляющей части граждан, что существенно усугубило и без того не радужное положение простого народа. При этом надо признать, были достигнуты значительные успехи во внешней политике. К началу XXI века России, практически утратив свое положение в общемировом раскладе сил, за достаточно короткий промежуток времени удалось не только восстановить свой суверенитет, но и вернуть статус полноправного геополитического и военного игрока. На евразийском экономическом пространстве она закрепила за собой право считаться трансконтинентальной участницей, способной успешно развивать деловые контакты и отстаивать геоэкономические интересы.

При этом была проиграна борьба на внутривнутриполитической арене. Остроактуальными и требующими неотлагательного решения стали обострившиеся в последнее время до предела проблемы социального большинства (падение реальных доходов граждан, усиление материального неравенства, поляризация доходов, фрустрация, социальные протесты, конфликты и др.). К их числу следует добавить вопросы технико-технологического отставания российской экономики, низкое качество и производительность труда, инфраструктурную неразвитость, примитивизацию

общественно-хозяйственной структуры, экономическую стагнацию, существенный износ основных средств производства, низкий спрос на креативный труд, неопределенность будущего и др.

Подобные перечисления можно продолжить, но даже этот неполный перечень макроэкономических проблем наглядно демонстрирует о накопившихся внутри страны структурных ограничениях, увеличивающих вероятность возникновения не только серьезных проблем в среднесрочной перспективе, но и препятствующих достижению долгосрочного сбалансированного развития. Очевидно, высший аппарат государственного управления осознает насущную потребность в правильной расстановке приоритетов как в политическом, так и в социально-экономическом плане.

Национальная экономика как никогда нуждается в пересмотре основополагающих направлений своего развития. Это и образование, и здравоохранение, и фундаментальная наука, и развитие высоких технологий, и конкурентоспособная самодостаточная промышленность, и выход на новое качество жизни, и гибкие формы социально-трудовых отношений, и достойная оплата труда и многое др.

Естественно, что в центре новой модели общественного развития должен находиться креативный работник (на это обстоятельство мы постоянно обращаем внимание) как неотъемлемая часть национального богатства, способный трансформировать сложившуюся практику взаимодействия и формы социальной активности.

Мировой опыт свидетельствует, что до тех пор, пока на государственном уровне не будут созданы необходимые для расширения свобод и возможностей креативного потенциала работника социальные и институциональные условия (опыт современного Китая в этом случае является одним из ярких), любые попытки подняться на новую фазу цивилизационного развития будут бесполезными. Перехитрить систему невозможно. Именно поэтому ни одна из передовых стран мира до сих пор так и не смогла продемонстрировать впечатляющих темпов экономического роста без масштабных вложений в

реальный сектор экономики, в передовые научные разработки, в технологии и самое главное – без капиталовложений в социальную сферу, во всестороннее развитие человеческих компетенций.

Обратим внимание на одну из последних публикаций Всемирного банка, объектом исследования которой стал расчет уровня совокупного богатства современной России. Специалисты банка выявили, что за 2000-2017 гг. стоимостная оценка национального благосостояния России (в постоянных ценах 2017 г.) выросла с 753,0 млрд руб. до 1,3 трлн руб. или на 73%, что способствовало росту подушевого показателя богатства на 76% – с 5,0 до 8,9 млн руб., соответственно. Однако такой рост, как считают эксперты, не позволяет России сократить почти четырехкратный разрыв от среднего уровня счетов благосостояния в ОЭСР (Рисунок 14).

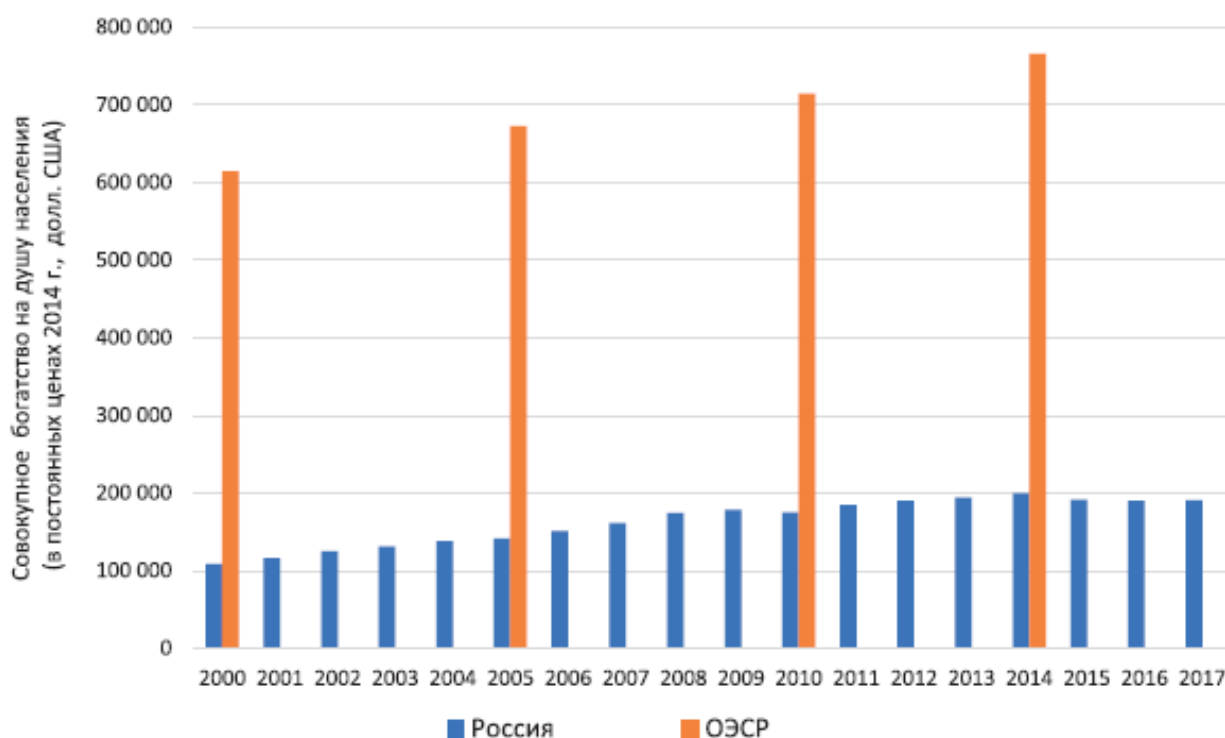

Рис. 14. Динамика движения подушевого совокупного богатства России и ОЭСР [163, с.8].

В докладе отмечается, что такому положению дел содействует наличие двух сдерживающих факторов: 1) низкая по сравнению с ОЭСР доля

человеческого капитала в структуре национального богатства (46% против 70%) и 2) высокая доля природного капитала (20% против 3%). Сопоставление структуры богатства России и ОЭСР в совокупном выражении проиллюстрировано ниже (Рисунок 15).

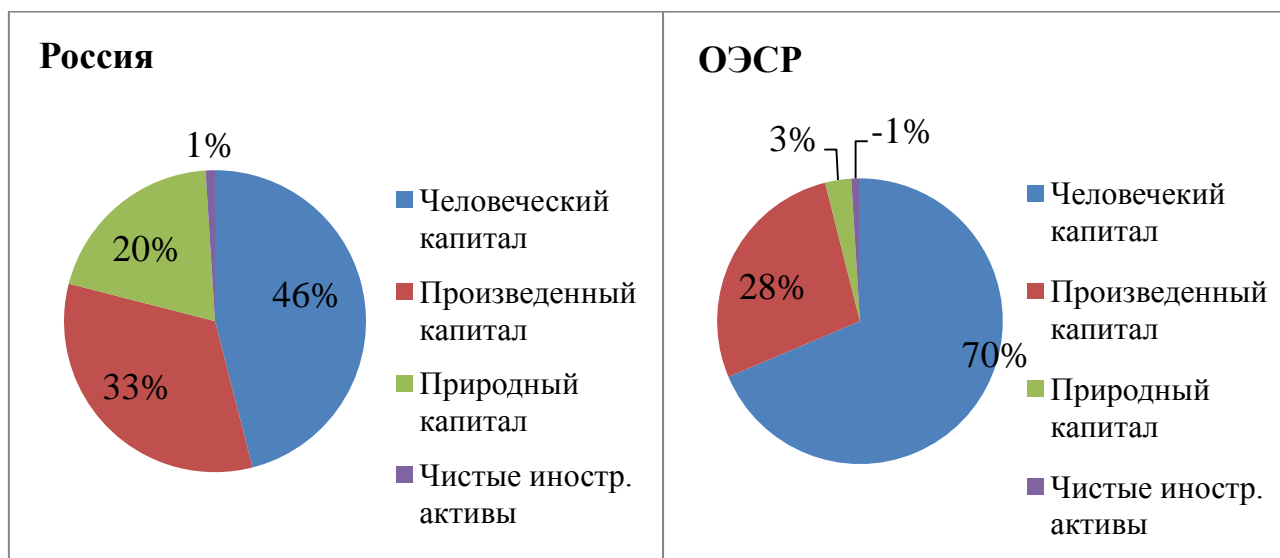

Рис. 15. Структура совокупного богатства России и ОЭСР за 2017 г.

[174, с.10].

При этом было установлено, что за 2000-2017 гг. вклад человеческого капитала в прирост совокупного богатства России из расчета на одного типичного жителя был наибольшим (47,2%), тогда как на долю произведенного капитала приходилось 37,6%, а на долю природного капитала 15,5% богатства [174, с.17].

Интегрированная структура и динамика движения национальных счетов российского богатства на душу населения представлена ниже (Рисунок 16). Данные показывают, что совокупное богатство России на душу населения за анализируемый период существенно возросло – с 5,57 млн руб. в 2000 г. до 8,89 млн руб. в 2017 г.

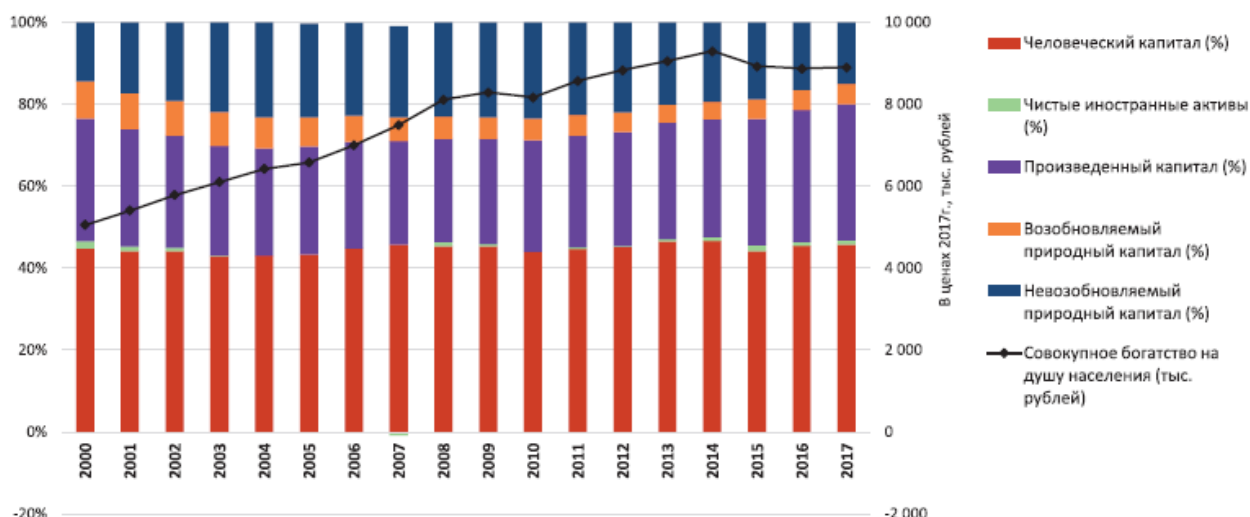

Рис. 16. Структура и динамика изменения совокупного национального богатства России на душу населения [174, с.11-18].

Для более детального исследования сведем представленные выше данные диаграммы в табличную форму и проанализируем их в виде среднегодовых темпов роста, предварительно разбив на два временных интервала (Таблица 10).

Таблица 10 – Совокупное богатство из расчета на душу населения в 2017 г. и среднегодовые темпы роста (в %)

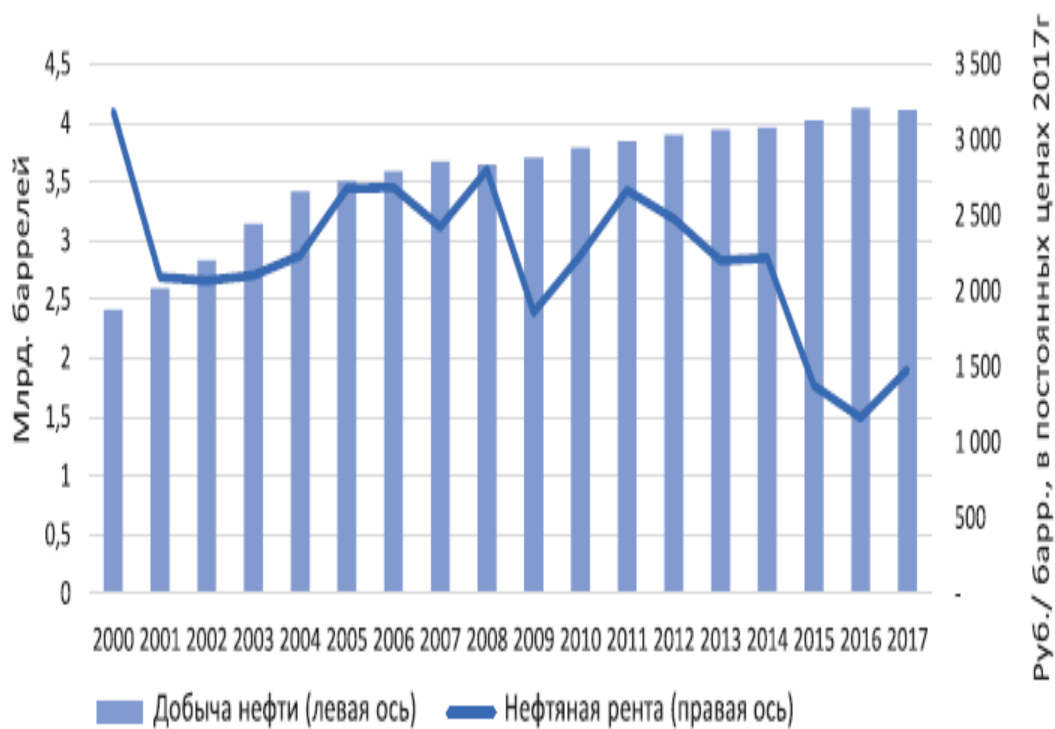
	Богатство из расчета на душу населения		Среднегодовые темпы роста богатства на душу населения		
	2017		2000-2010	2010-2017	2000-2017
	Сумма (млн руб.)	Доля			
Совокупное богатство	8891,00	100	4,9	1,2	3,4
Произведенный капитал	2956,00	33	3,9	4,1	4,0
Человеческий капитал	4073,00	46	4,7	1,8	3,5
Природный капитал, из него:	1782,00	20	7,0	- 3,9	2,4
Возобновляемый	448,00	5	- 0,6	0,5	- 0,2
Невозобновляемый	1334,00	15	10,2	- 5,1	3,6
Чистые иностранные активы	80,00	1			

Фактический материал Таблицы 10 позволяет утверждать, что за последнее десятилетие прирост общественного благосостояния России существенно замедлился. Так, в период с 2000 по 2010 гг. совокупное национальное богатство возросло темпами, близкими к пяти процентам, а в промежутке 2010-2017 гг. оно замедлилось почти в 5 раз (1,2%). Рост совокупной доли человеческого капитала за анализируемый период также продемонстрировал сокращение показателя более чем в два с половиной раза (с 4,7% до 1,8%). При этом если суммарная стоимость невозобновляемого природного капитала (минерально-сырьевых ресурсов и природных энергоносителей) за первое десятилетие росла в пределах 10% (во многом благодаря высоким мировым ценам на нефть и газ), то во втором десятилетии, напротив, сокращалась в среднем на 5% (за счет значительного снижения их закупочной стоимости).

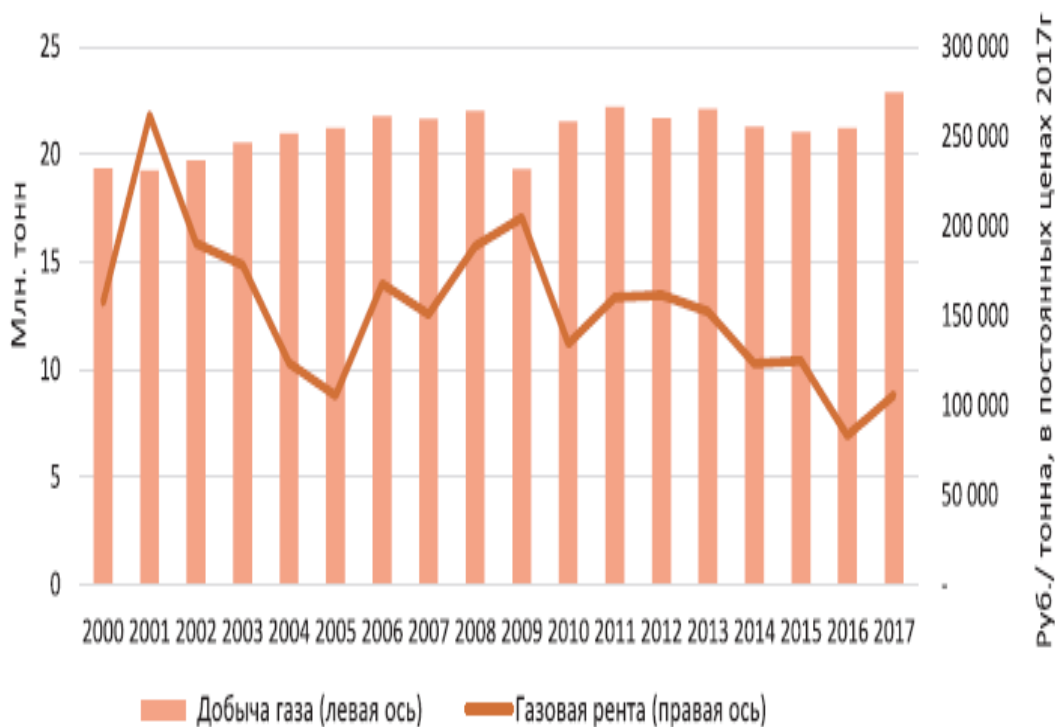
Стоит обратить внимание, что львиную долю российской ресурсной ренты традиционно составляют поступления от продажи углеводородного сырья (нефти и газа). По разным оценкам, на их долю приходится около 70% доходов от реализации невозобновляемых сырьевых товаров (нефти – 44%, газа – 24%). При этом, казалось бы, довольно скромные по меркам первой десятилетки среднегодовые темпы прироста национального богатства на практической ниве достигались в основном за счет постоянного наращивания объемов добычи и экспорта нефтегазовых энергоносителей. Тем самым незначительно, но все же компенсировалась разница более низкой рыночной цены сырьевого экспорта (Рисунок 17).

Поводом для беспокойства выступает то обстоятельство, что из четырех активов совокупного национального богатства России (природный капитал – 20%, произведенный капитал – 33%, человеческий капитал – 46%, капитал иностранных инвесторов – 1%) ключевым доходобразующим является только природный. Это косвенно подтверждает, что в современной российской экономике отсутствуют эффективные стимулы для реализации креативного

потенциала российского работника, человеческий капитал которого составляет наивысшую долю национального богатства.

а)

б)

Рис. 17. Совокупный объем добычи и удельная рента российской нефти (а) и газа (б) [174, с.32].

Следует отметить, модель развития российской экономики построена таким образом, что основным источником пополнения государственного бюджета являются поступления от продажи нефти и газа, удельный вес которых в 2018 г. достиг 65% (справочно: в 2017 г. их доля составляла 59%) от общего объема внешней торговли.

Как результат, в мировом пространстве Россия, продолжая специализироваться преимущественно на так называемом «форвардном участии», в определенном смысле оказывается запертой в собственной сырьевой ловушке (ресурсоориентированной модели развития), лишая себя возможности органично встроиться в глобальные цепочки создания добавленной стоимости.

В этой связи представляется важным пересмотреть структуру национального богатства, предпринять меры по ее диверсификации. Последнее возможно достичь, если развивать способы воспроизводства национального богатства, основанные на эффективном использовании высокоинтеллектуальных профессиональных способностей креативных работников (что, собственно, демонстрируют развитые страны мира и ряд догоняющих экономик).

В условиях креативизации труда профессиональные компетенции воспроизводят наибольший экономический эффект, многократно превышая поступления ресурсной ренты и других доходов. Следовательно, потенциал их использования огромен. Но для того, чтобы извлекать максимальную отдачу от использования этого ресурса в качестве долгосрочного высокодоходного актива необходимо устранить противоречия и барьеры, сдерживающие его развитие и практическую реализацию.

К основным причинам, сдерживающим всестороннее развитие креативного потенциала российского работника, автор относит следующий блок взаимосвязанных факторов (Таблица 11).

Таблица 11 – Основные причины, сдерживающие развитие креативного потенциала российского работника

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	
<i>Наименование фактора</i>	<i>Характер влияния</i>
Низкий уровень оплаты труда	<ul style="list-style-type: none"> – Низкие стимулы замещения труда капиталом – Эмиграция высококвалифицированных кадров – Падение реальных доходов населения как фактор замедления роста ВВП
Низкий технологический уровень производства	<ul style="list-style-type: none"> – Низкий спрос на высококвалифицированный труд
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ	
<i>Наименование фактора</i>	<i>Характер влияния</i>
Неопределенность будущего	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие стимулов вкладывать средства в новые исследования и разработки со стороны частного бизнеса
Высокие регуляторные барьеры ведения бизнеса	<ul style="list-style-type: none"> – Инвестиции в доступ к власти в ущерб инвестициям в новые исследования и разработки
Низкая защищенность прав собственности	<ul style="list-style-type: none"> – Низкие стимулы вложения в НИОКР – Бегство капитала
Низкая защищенность труда	<ul style="list-style-type: none"> – Удлинение рабочего дня – Замещение квалифицированного труда низкоквалифицированным – Формирование нового класса работников - прекариата
Доминирование глобального финансового сектора над реальным сектором экономики	<ul style="list-style-type: none"> – Деиндустриализация – Финансиализация экономики – Диспропорции и структурные перекосы в экономике
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ	
<i>Наименование фактора</i>	<i>Характер влияния</i>
Низкие инвестиции в науку и НИОКР со стороны государства	<ul style="list-style-type: none"> – Низкий спрос на креативный труд – Деквалификация креативного труда – Примитивизация структуры экономики – Невозможность перехода на новый технологический уровень развития
Недофинансирование хозяйства и социальной сферы	<ul style="list-style-type: none"> – Износ промышленных производственных мощностей, инфраструктуры, системы ЖКХ – Падение качества жизни населения
Международные экономические санкции	<ul style="list-style-type: none"> – Затруднение доступа к передовым западным технологиям

В ходе исследования было выявлено, что неэффективное использование работников квалифицированного труда, в деятельности которых в значительной степени преобладает творческая компонента, влечет ряд негативных последствий, которые можно сгруппировать в определенную структуру (Рисунок 18).

Рис. 18. Последствия от неэффективного использования креативного работника.

Таким образом, исследование ряда макроэкономических факторов позволяет автору сформулировать следующий вывод, а именно, неэффективное использование и истощение креативного потенциала российского работника грозит обернуться России целым комплексом негативных и трудноустраняемых последствий. В этой связи видится целесообразным критически переосмыслить наиболее удачные модели общественного устройства (как прошлого, так и современности), в структуре которых созданы наиболее благоприятные условия для всестороннего развития творческого потенциала человека.

Проблема использования творческого потенциала человека в экономическом развитии предполагает, с одной стороны, формирование общественного запроса на прогрессирующее и опережающее развитие работника, обладающего креативными способностями, а с другой стороны – формирование системы образования и культурного развития, пространство которых способствует всестороннему развитию высокоинтеллектуального творческого потенциала человека.

Эти два главных аспекта мы и рассмотрим ниже, обращаясь к критическому анализу опыта СССР и КНР. Причем первый аспект – формирование общественного запроса на креативного работника, может быть проанализирован как на примере советского опыта, так и опыта Китая последнего десятилетия, поскольку и в том, и в другом случае в общественном производстве и шире – в социокультурной сфере, опережающие темпы роста демонстрировали те отрасли хозяйства, где наиболее востребованными оказывались креативные работники. Что касается второго аспекта – образования и культуры как сфер, где формируется креативный потенциал человека, то здесь, как представляется, наиболее интересен критически осмысленный опыт советской системы.

Как известно, развитие творческого потенциала работника явилось важнейшим фактором экономического развития еще во второй половине XX века. Однако именно в современных условиях этот процесс в силу ряда неопровержимых фактов становится доминирующим, что по праву признается ведущими учеными не только в нашей стране, но и за рубежом. К этим выводам приходят общественные деятели, эксперты и лидеры бизнес сообществ, о чем свидетельствуют, в частности, повестки дня Давосских форумов и доклады ООН. Ведущая роль человеческого капитала креативного работника, существенное его влияние на все без исключения процессы общественного развития на сегодняшний день никем не подвергается сомнению. Слишком уж велико значение современного креативного потенциала работника на достижение высоких темпов роста экономики, на ее эффективность, на возможность перехода общественного устройства на качественно новое технологическое пространство.

Однако, как было отмечено ранее, возможности использования креативного потенциала работника для развития экономики и общества успешно реализовывались и ранее. В этой связи следует обратить внимание на тот опыт, который присутствует не только в наиболее развитых странах (о чем мы писали выше многократно), но и на проблемах критического использования

опыта нашей страны в эпоху реального социализма, а также на опыт реализации креативного потенциала работников в последние десятилетия в Китае.

Обращаясь к первому аспекту проблемы, следует подчеркнуть, что советскую экономику отличало не только централизованное народно-хозяйственное планирование, но и наличие глубоких структурных противоречий, связанных в основном с дефицитом, отставанием сельского хозяйства, сфер производства товаров народного потребления и услуг и др. Безусловно, советская экономика не была идеальной, у нее были изъяны. Система периодически пробуксовывала, давала сбои, но главное – она работала.

Не стоит забывать, что ряд ее сверхдостижений был признан в мировом масштабе. Это в основном касается тех сфер, где в наибольшей степени был задействован творческий потенциал человека, его трудовой энтузиазм. За довольно короткий промежуток времени советскому обществу удалось продемонстрировать на своем личном примере особый путь социальной эволюции. В данном случае идет речь о таких пространствах и подпространствах экономики, как высокотехнологичное производство, которое в советской системе развивалось не только в оборонном комплексе, но и в таких сферах, как космос, авиация, тяжелое машиностроение и др. Особое внимание следует обратить и на такие сферы, как образование, фундаментальная наука и культура, где в процессе задействования человеческого потенциала советского работника были традиционно высокие достижения.

Среди тех механизмов, которые хотелось бы поддержать в этой связи, на наш взгляд, актуальными для сегодняшней эпохи являются творческие виды, которые были изменены и развиты применительно к условиям рыночной экономики XXI века. Это, во-первых, система долгосрочного программно-целевого развития крупных технологических инновационных проектов. Примеры таких проектов хорошо известны. Это создание ядерной энергетики,

освоение космоса, создание мощного производства не только военной, но и гражданской авиации, самолетами которого пользовалось до трети стран мира.

Программно-целевой подход к организации стратегических национальных производственных проектов является тем достижением советской экономики, который был реализован одновременно и во многих других странах мира во второй половине XX века, включая страны Западной Европы. Если обратиться к современной эпохе, то этот подход был воспринят и творчески реализован применительно к условиям рыночной экономики, активно использующей частную собственность и открытый для международного сотрудничества Китай.

В число таких мега-проектов, которые реализовывались в рамках долгосрочной целевой стратегии, следует отнести целый комплекс инфраструктурных изменений, которые обусловили во многом прогресс экономики Китая, обеспечив ему устойчиво высокие темпы экономического развития. В частности, можно выделить такой проект, как создание систем высокоскоростных железных дорог, который был реализован на базе комплексного целевого проекта государственно-частного партнерства, построенного на основе стратегического планирования совместного финансирования и институционального обеспечения со стороны китайских корпораций (как частных, так и с государственным участием) и ТНК, базирующихся в разных странах мира.

В результате в Китае была создана не просто система высокоскоростных железнодорожных перевозок, но и технологическая, экономическая, социальная и даже культурная инфраструктура, завязанная на этот мега-проект. Результатом такого строительства стала сеть скоростных железных дорог протяженностью десятками тысяч километров с поездами, скорость которых превышает 350 км/ч, а в некоторых случаях и выше. Это достижение, которое к настоящему времени не реализовано даже в США и воплощено лишь в некоторых пространствах Западной Европы и Японии.

Кроме того, следует подчеркнуть, что эта сеть была создана именно в кооперации китайских и зарубежных специалистов, и Китай пошел по пути не закупки всех необходимых компонентов для создания такой инфраструктурной системы, а по пути постепенного перехода к производству этих компонентов на своей территории. В частности, в Китае в рамках кооперации был создан завод, производящей около 250 составов скоростных поездов ежегодно, т.е. практически по 1 составу каждый рабочий день. В этой связи следует подчеркнуть, что сколько-нибудь сравнительный по масштабу проект в России пытаются разворачивать на протяжении последних десяти лет и с очень гораздо более скромными успехами, чем в КНР.

Еще одна система отношений форм и механизмов организации производства, которую, на наш взгляд, целесообразно использовать на базе критического использования опыта СССР и современного Китая – это использование форм коллективной организации труда и элементов экономики солидарности.

Экономика солидарности содействует высокотехнологичному развитию, что показывает целый ряд инновационных творческих коллективов в различных странах мира. Но в советском обществе эта система была положена в основу организации процесса деятельности научных подразделений, а также среднего профессионального образования, где творческие коллективы включали в себя значительные компоненты соревнования как внутри коллектива, так и между ними. Но это соревнование носило характер отличный от отношений рыночной конкуренции и строилось на системе не только поощрения победителей, но и открытости достижений, а также взаимопомощи участвующих в соревновательном процессе работников. Этот опыт в определенной мере используется сегодня в крупных ТНК Японии и ряда других стран. И этот эксперимент, как представляется, можно и должно использовать при развитии российской экономики, поскольку наша экономическая система в значительной степени базируется на сохранении традиционно присущего

России коллективистского менталитета и традиций развития не только отношений рыночной конкуренции, но и элементов солидарности, соучастия.

Наконец, третья система отношений и механизмов, которая может развиваться на основе критического использования опыта СССР и Китая – это система отношений перспективной подготовки кадров, ориентированных не только на учет требований рынка, но и на решение задач развития внутриличностных качеств творческого человека в широком спектре компетенций и способностей. Безусловно, как в советскую эпоху, так и в современной китайской системе этот императив реализовывался не в полной мере. Так, в СССР мощными ограничителями выступала бюрократическая заорганизованность образовательного процесса, наличие жестких идеологических ограничений и ряд других форм и институтов, тормозящих прогресс креативного потенциала.

В современном Китае, как и в любой другой системе с рыночной экономикой, сохраняется и присутствует в значительной степени конкурентная и рыночная мотивация в сфере образования, а также по отношению к деятельности и поведению принятия решений не только преподавателей, но и студентов. Однако во всех этих случаях мы можем вести речь о некоторых проблемах, которые могут быть сняты в процессе критического творческого заимствования этого опыта, а также это касается таких негативных сфер советской системы, как формально бюрократические и идеологические ограничения.

В данном случае можно вести речь также и о том, что ориентация системы образования (и в первую очередь высшего образования) на развитие личности человека и повышение творческого потенциала представляется важнейшим фактором для того, чтобы обеспечить формирование креативного работника. Оба упомянутые нами выше механизма, в частности, стратегическое планирование и государственно-частное партнерство, использование форм не только конкуренции, но и отношения солидарности и творческой состязательности позволят создать стимулы как для производства, так и для

широкого использования креативного потенциала совокупного работника, который, бесспорно, может быть востребован только в случае стратегически определенного развития высокотехнологичного производства с высокой долей труда креативных работников.

Таким образом, можно заключить, что на пути выстраивания эффективной инновационной экономики Россия уступает развитым странам мира по целому ряду качественных показателей. Это дает основание утверждать, что сложившиеся в стране институциональные условия, государственная политика и система управления создают препятствия как для развития человеческого капитала российских работников, так и для его последующего эффективного использования. В этой связи представляется целесообразным реализация комплекса мероприятий по преодолению глубоких структурных противоречий, препятствующих решению проблем опережающего развития национальной экономики.

Речь идет, прежде всего, о реализации комплекса приоритетных мер стратегического планирования и формирования среднесрочных и долгосрочных программ социально-экономического развития, способных создать адекватные предпосылки для соответствующего реформирования системы подготовки кадров и более эффективного применения человеческого капитала России в условиях формирования гарантий эффективной в будущем занятости лиц с высоким человеческим потенциалом и активной капитализации этого ресурса.

Для решения этой задачи целесообразно критическое использование исторического опыта советской экономики в периоды активного научно-технологического рывка (1950 – 1960 гг.), а также современного опыта формирования высокотехнологического производства и сферы НИОКР в Китае, где эта задача успешно решается при помощи стратегических долгосрочных государственных программ и мега-проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная тенденция экономического развития, смена ключевых доминант, видоизменение роли и степени включенности креативного работника в систему общественного воспроизводства и многое другое побуждают исследовать человеческий капитал в качестве накапливаемого актива. Предпринятый в диссертационном исследовании анализ теоретических основ человеческого капитала креативного работника как результат на вызовы современной экономики позволил выдвинуть следующие выводы.

1. Разработана концептуальная модель формирования и кругооборота человеческого капитала креативного работника, которая демонстрирует, что в условиях креативизации труда высокоинтеллектуальный потенциал работника постепенно приобретает форму человеческого капитала, позволяя ему претендовать на некоторое объективное перераспределение части прибыли в свою пользу. Полученный научный результат отражает взаимосвязь человеческого потенциала (как предпосылки) и человеческого капитала (как следствия). Сделан вывод, что единой субстанцией этих превращений выступает стоимость, стартуя с денежной формы в креативные способности, а затем - креативных способностей в денежную форму. С этим можно соизмерять затраты, направленные на формирование способности в последующем извлекать дополнительную экономическую выгоду.

Отмечено, что содержание человеческого потенциала шире человеческого капитала, поскольку потенциал представляет собой возможности, не всегда реализующиеся на практике. Следовательно, не все инвестиции, вложенные в развитие способностей, принесут его носителю выгоду в стоимостной форме. До момента трудоустройства затраты на развитие способностей будут непроизводительными.

Обосновано, что на практике человеческий капитал креативного работника способен как накапливаться, так и истощаться. При эффективном

использовании данный актив одновременно генерирует новую стоимость (прибыль компании, часть из которой в денежной форме достается субъекту креативного труда) и возрастает в стоимости как накапливаемый актив. А при неэффективном использовании – уменьшается в стоимости как актив и не приносит креативному работнику дополнительной (по сравнению с куплей-продажей рабочей силы) экономической выгоды.

2. Предложено авторское содержание человеческого капитала креативного работника как развитые и реализованные субъектом труда квалификационные способности, предполагающие затраты на способность в последующем создавать дополнительную экономическую выгоду. Показано, что в условиях рыночной экономики профессиональные компетенции субъекта труда приобретает форму человеческого капитала как накапливаемого актива.

Логика исследования содержания человеческого капитала креативного работника обоснована следующими положениями: 1) вне границ хозяйствования реализация человеческого капитала не осуществима; 2) в процессе использования он может прирастать (по мере продвижения по кривой опыта) и уменьшаться (при невозможности реализовать в труде креативный потенциал); 3) человеческий капитал способен приносить своему носителю выгоду в стоимостной форме (право на участие в прибыли).

Участие работника, креативный потенциал которого востребован в системе современного воспроизводства, способствует приращению его человеческого капитала. Развито, что, поскольку креативный труд выступает критически важным для воспроизводства капитала элементом, постольку собственник средств производства фактически идет на компромисс и в некоторой степени восстанавливает равную переговорную силу специалисту, допуская его до участия в распределении прибыли. Это обстоятельство создает условия для характеристики человеческого капитала креативного работника в качестве накапливаемого актива, источника для извлечения дополнительной экономической выгоды.

3. Обосновано, что в процессе формирования сверхприбыли участвуют только носители креативного труда, тогда как результат труда остальных ограничен пределами нормальной прибыли. Отличие между категориями в том, что работник, занятый на рутинных операциях, продает свою рабочую силу, получая за это гарантированное вознаграждение, а креативный работник – объединяет принадлежащий ему актив с владельцами других факторов производства в целях генерации сверхприбыли, часть из которой в денежной форме впоследствии перейдет в его распоряжение.

Классическое определение капитала как отношения наемного труда и капитала, в процессе которого возникает прибыль (превращенная форма прибавочной стоимости), полностью присваиваемая собственником средств производства, а наемный работник получает в качестве заработной платы стоимость рабочей силы в пределах общественно-необходимых затрат труда, необходимых для ее воспроизводства, перестает работать по отношению к креативному работнику.

В исследовании под креативным работником предложено понимать работника, в деятельности которого в достаточной степени преобладает высокоинтеллектуальная творческая компонента, позволяющая в условиях неопределенности отдавать делу свой профессионализм и самостоятельно реализовать принципиально новый высокотехнологичный проект. В определенном смысле такой работник становится квази-предпринимателем, поскольку имеет дело с трудно предсказуемыми результатами своего творчества. При этом само творчество может заключаться как в создании нового, так и в попытке его внедрения в коммерческую деятельность. Соответственно, креативному работнику должна быть дана достаточно большая свобода самореализации.

Включение новаторов и инноваторов в состав креативных работников (активных субъектов хозяйствования) не является случайным. Новаторы – это создатели новшества; их труд нацелен на созидательную высокоинтеллектуальную активность. Инноваторы – это инициативные

экономические акторы, трансформирующие новшество в инновацию; они проявляют внедренческую активность. Трудовые функции (созидательная и внедренческая) обоих участников производственного процесса полностью реализуются в творческом труде.

К пассивным отнесены работники, в труде которых отсутствуют предпосылки продуцирования принципиально новых решений, проектов, технологий и др. на основе творчества, предпосылки для получения сверхприбыли. Этот тип занятых рассматривается в роли работников, занятых исключительно на унифицированных трудовых операциях, результат труда которых позволяет получать компании только нормальную прибыль.

4. Уточнена системная характеристика различий в содержании категорий «рабочая сила» и «человеческий капитал», заключающаяся в том, что рабочая сила выступает как объект купли-продажи, а человеческий капитал – как условие участия в совместном инвестировании. Соответственно, использование рабочей силы происходит посредством найма, предметом которого выступает право использования способностей работника выполнять те или иные производственные функции, а цена (плата за использование) определяется соотношением спроса и предложения и затратами на воспроизводство рабочей силы.

Доказано, что характеристика профессиональных компетенций человеческого капитала в качестве накапливаемого актива оказывает серьезное влияние на экономическую форму воспроизводства креативного труда. Предложенный подход исследования позволяет преодолеть однобокое рассмотрение креативного работника в пределах затрат труда. Достоинством подхода выступает способность креативного работника объединять принадлежащий ему актив с владельцами других факторов производства в целях генерации дополнительной экономической выгоды.

Определено, что в условиях развития экономики знаний происходит объективный рост значения владельца человеческого капитала как носителя креативных способностей. Сделан вывод, что новые формы взаимодействия

креативного труда и капитала начинают строиться на основании компромисса (партнерского соглашения), на объединении активов для извлечения дополнительной экономической выгоды, участия в процессе перераспределения прибыли, следовательно, вне законов экономической власти капитала с полным правом последнего на остаточный доход.

5. Выделены основные формы недоиспользования и истощения человеческого капитала креативного работника в современных российских условиях. Обосновано, что неэффективное применение профессиональных компетенций означает не только текущие потери отдачи от использования человеческого капитала в стоимостной форме, но и его физическое истощение как в форме миграции специалистов, так и в форме снижения уровня креативного потенциала работников, не находящих применение своим компетенциям.

Исследован комплекс взаимосвязанных факторов, тормозящий развитие креативного потенциала российского работника: 1) макроэкономический: низкий уровень оплаты труда, низкий технологический уровень производства; 2) институциональный: неопределенность будущего, низкая защищенность прав собственности, доминирование глобального финансового сектора экономики над реальным; 3) политический: низкие инвестиции в НИОКР и науку со стороны государства, недофинансирование хозяйства и социальной сферы, международные экономические санкции.

На основе количественных (депопуляция населения, уменьшение коэффициента суммарной рождаемости, высокий уровень смертности трудоспособного населения, сокращение доли научных работников, количества патентов и др.) и качественных (падение качества образования, деградация, «утечка умов» и др.) характеристик выделены основные социально-экономические формы недоиспользования и истощения человеческого капитала креативного работника. Доказано, что неэффективное использование креативного работника влечет ряд негативных последствий:

снижение креативного потенциала, эмиграция креативных работников, снижение производительности труда.

Обозначено, что на пути выстраивания эффективной инновационной экономики Россия уступает развитым странам мира по целому ряду качественных показателей. Это дало основание утверждать, что сложившиеся в стране институциональные условия, государственная политика и система управления создают препятствия как для развития человеческого капитала российских работников, так и для его последующего эффективного использования.

Предложена реализация комплекса мер по преодолению глубоких структурных противоречий, препятствующих решению проблем опережающего развития национальной экономики. Для преодоления глубоких структурных противоречий необходима реализация комплекса мероприятий, включающих приоритетные меры национального стратегического планирования и формирования среднесрочных и долгосрочных программ социально-экономического развития, способных создать адекватные предпосылки для соответствующего реформирования системы подготовки кадров и более эффективного применения человеческого капитала России в условиях формирования гарантий эффективной в будущем занятости лиц с высоким креативным потенциалом и активной капитализации этого потенциала в процессе хозяйствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов, В.С. Роль изучения «Капитала» К. Маркса в формировании российских экономистов (Круглый стол в МГУ им. М.В. Ломоносова) [Текст] / В.С. Автономов, А.А. Аузан, Л.М. Григорьев, А.И. Колганов, Р.М. Нуреев, А.Г. Худокормов, А.Е. Шаститко, А.А. Курдин // Вопросы экономики. – 2018. – № 8. – С. 102-117.
2. Автономов, В.С. Модель человека в экономической науке [Текст] / В.С. Автономов. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 229 с.
3. Андреева, Е.Л. Формирование постиндустриального социального государства: вектор развития человеческого потенциала [Текст] / Е.Л. Андреева, А.И. Татаркин // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 7. – С. 24–31.
4. Андриссен, Д. Невесомое богатство. Определите стоимость вашей компании в экономике нематериальных активов [Текст] / Д. Андриссен, Р. Тиссен; пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2007. – 304 с.
5. Антропов, В.А. Инновационная политика – как ключевое звено научно–исследовательской работы в университете [Текст] / В.А. Антропов, С.Б. Патрушева // Материалы III всероссийского симпозиума по региональной экономике; под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. – 2015. – С. 19–22.
6. Аузан, А.А. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России [Текст] / А.А. Аузан // Журнал новой экономической ассоциации. – 2015. – № 2 (26). – С. 243–248.
7. Бабст, И.К. Избранные труды [Текст] / И.К. Бабст / под ред. М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмыковой. – М.: Наука, 1999. – 301 с.
8. Бабст, И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь в Казанском университете [Текст] / И.К. Бабст. – Казань: Типография Казанского университета, 1856. – 52 с.
9. Батищев, Г.С. Опредемчивание и распредемчивание [Текст] /

Г.С. Батищев. – М.: Советская энциклопедия, 1967.

10. Бахмин, В.И. Экономическая школа [Электронный ресурс] / В.И. Бахмин. – Часть 4. – URL: <http://www.ngpedia.ru/pg3878379IOTQbIV0023123423/> (дата обращения: 27.08.2014).

11. Беккер, Г. Человеческий капитал [Текст] / Г. Беккер // Уровень жизни населения регионов России. – 2006. – № 5–6. – С. 17–18.

12. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории [Текст] / Г. Беккер. – М.: Высшая школа, 2003. – 672 с.

13. Белкин, В.Н. Модернизация социально-трудовых отношений на российских предприятиях [Текст] / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, О.А. Антонова // Журнал экономической теории. – 2019. – № 3. – С. 444-453.

14. Белкин, В.Н. Человеческий капитал и трудовой потенциал персонала организации [Текст] / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, О.А. Антонова // Журнал экономической теории. – 2015. – № 4. – С. 58–65.

15. Белкин, В.Н. Понятийный аппарат теории человеческого капитала [Текст] / В.Н. Белкин, О.В. Артемова, В.Ю. Гарина // Журнал экономической теории. – 2012. – № 2. – С. 7–14.

16. Белкин, В.Н. Теория человеческого капитала предприятия [Текст] / В.Н. Белкин; под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – 400 с.

17. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Текст] / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

18. Блауг, М. Методология экономической науки или Как экономисты объясняют [Текст] / М. Блауг. – М., 2004. – 416 с.

19. Блюмин, И.Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века [Текст] / И.Г. Блюмин. – М., 1940. – 286 с.

20. Бодрийяр, Ж. Общество потребления: его мифы и структуры [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика, 2006. – 268 с.

21. Бодрунов, С.Д. Ноономика [Текст] / С.Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
22. Бодрунов, С.Д. Конвергенция технологий – новая основа для интеграции производства, науки и образования [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 1 (80). – С. 8–19.
23. Бодрунов, С.Д. Нооиндустриальное производство: шаг к неэкономическому развитию [Текст] / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 1 (55). – С. 5–15.
24. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития [Текст] / С.Д. Бодрунов, Д.С. Демиденко, В.А. Плотников // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2 (110). – С. 43–54.
25. Бодрунов, С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка [Текст] / С.Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.
26. Бочко, В.С. Интеграция науки и образования в системе формирования инновационного мышления [Текст] / В.С. Бочко // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2008. – № 3 (22). – С. 190–201.
27. Бузгалин, А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений [Текст] / А.В. Бузгалин // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 10–38.
28. Бузгалин, А.В. Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность [Текст] / А.В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 20–31.
29. Бузгалин, А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все [Текст] / А.В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 43–53.
30. Бузгалин, А.В. Глобальный капитал. В 2-х тт. [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – Т.1. Методология: по ту сторону позитивизма,

постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.

31. Бузгалин, А.В. Глобальный капитал. В 2-х тт. [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – Т.2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 904 с.

32. Бузгалин, А.В. Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности: от исследования содержания к апологии превратных форм [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Журнал экономической теории. – 2013. – № 2. – С. 114–124.

33. Бузгалин, А.В. Капитал в XXI веке: pro et contra [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 104–120.

34. Бузгалин, А.В. Что такое «человеческий капитал»? [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Уровень жизни населения регионов России. – 2006. – № 5–6. – С. 19–22.

35. Бузгалин, А.В. Политическая экономия постсоветского марксизма [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Вопросы экономики. – 2005. – № 9. – С. 36–55.

36. Бузгалин, А.В. К критике economics [Текст] / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Вопросы экономики. – 1998. – № 6. – С. 87–107.

37. Булавка–Бузгалина, Л.А. Социокультурные измерения трансформаций XXI века: знание, творчество, субъектность [Текст] / Л.А. Булавка–Бузгалина // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4 (62). – С. 52–55.

38. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.

39. Булгаков, С.Н. Неотложная задача. Христианский социализм [Текст] / С.Н. Булгаков. – Новосибирск: «Наука», 1991. – 396 с.

40. Валентей, С.Д. Экономика инноваций и проблемы ее формирования [Текст] / С.Д. Валентей // Наука и практика. – 2012. – № 1 (7). – С. 51–58.

41. Вереникин, А.О. Человеческий потенциал экономического развития: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / А.О. Вереникин. – Москва, 2005. – 335 с.
42. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
43. Власова, В.В. Российская наука в цифрах [Текст] / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, Е.Л. Дьяченко. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 46 с.
44. Воейков, М.И. Государство, материальное производство и экономика будущего (Размышления над книгой С.Д. Бодрунова «Ноономика») [Текст] / М.И. Воейков // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 3. – С. 157–166.
45. Воейков, М.И. К вопросу фрустрации рабочего класса [Текст] / М.И. Воейков // Альтернативы. – 2015. – № 4. – С. 170–174.
46. Гаджиева, А.Г. Цифровизация и занятость: роль отраслей сектора услуг [Текст] / А.Г. Гаджиева // Инновации. – 2018. – № 2. – С. 61–70.
47. Гегель, Г. Сочинения: в 14 т. [Текст] / Г. Гегель. – Т. 5. – Л., 1959. – 764 с.
48. Генкин, Б.М. Экономика и социология труда [Текст] / Б.М. Генкин. – М.: Норма, 2007. – 448 с.
49. Гимпельсон, В.Е. Премия за специальный стаж в России: возвращение к теме [Текст] / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, А.Ю. Ощепков // Экономический журнал ВШЭ. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 553–586.
50. Гимпельсон, В.Е. Уровень образования российского работника: оптимальный, избыточный, недостаточный? [Текст] / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 64 с.
51. Глазьев, С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики [Текст] / С.Ю. Глазьев // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2 (57). – С. 8–27.
52. Глазьев, С.Ю. Новый технологический уклад в современной

мировой экономике [Текст] / С.Ю. Глазьев // Международная экономика. – 2010. – № 5. – С. 5–27.

53. Гойло, В.С. Интеллектуальный капитал [Текст] / В.С. Гойло // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 11. – С. 68–77.

54. Гойло, В.С. Политическая экономика интеллектуального труда [Текст] / В.С. Гойло // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 11. – С. 137–146.

55. Гойло, В.С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы (Критический очерк) [Текст] / В.С. Гойло. – М., Наука. – 1975. – 231 с.

56. Голиченко, О.Г. Государственная политика и провалы национальной инновационной системы [Текст] / О.Г. Голиченко // Вопросы экономики. – 2017. – № 2. – С. 97–108.

57. Горбунова, С.В. Диалектика категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» [Текст] / С.В. Горбунова // Журнал экономической теории. – 2008. – № 4. – С.227–233.

58. Горбунова, С.В. Теоретические основы накопления человеческого капитала [Электронный ресурс] / С.В. Горбунова. – URL: http://www.rusnauka.com/ESPR_2006/Economics/14_gorbunova%20s.v..doc.htm (дата обращения: 14.11.2017).

59. Горбунова, С.В. Культурология человеческого капитала и рабочей силы: соотношение понятий [Электронный ресурс] / С.В. Горбунова. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-chelovecheskogo-kapitala-i-rabochey-sily-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 21.06.2018).

60. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал [Текст] / А. Горц.: пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 208 с.

61. Гринберг, Р.С. Технологические революции и социум: мировой тренд и российская специфика [Текст] / Р.С. Гринберг // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1 (59). – С. 17–22.

62. Гринберг, Р.С. Контуры новой экономической политики в условиях

глобальных трансформаций [Текст] / Р.С. Гринберг // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 218. – № 4. – С. 133–139.

63. Грузков, И.В. Общественное воспроизводство человеческого капитала в парадигме инновационного развития: теория, методология исследования: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / И.В. Грузков. – Ставрополь, 2019. – 487 с.

64. Грузков, И.В. Воспроизводство человеческого капитала в условиях формирования инновационной экономики России: теория, методология, управление: монография [Текст] / И.В. Грузков; науч. ред. В.И. Бережной. – Москва: Экономика, 2013. – 384 с.

65. Грузков, И.В. Идеи и опыт классификации человеческого капитала [Текст] / И.В. Грузков // TERRA ECONOMICUS. – 2011. – Том 9. – № 2. – Часть 3. – С.16–19.

66. Грузков, И.В. Идеи классической политической экономии о человеческом капитале [Текст] / И.В. Грузков // Вестник университета. – 2010. – № 15. – С. 119–122.

67. Грузков, И.В. Идея человеческого капитала в западной экономической мысли [Текст] / И.В. Грузков // TERRA ECONOMICUS. – 2010. – Том 8. – № 3. – Часть 3. – С. 38–43.

68. Грузков, И.В. К вопросу взаимосвязи глобализации и человеческого капитала [Текст] / И.В. Грузков // Вестник университета. – 2009. – № 30. – С. 144–147.

69. Грузков, И.В. Человеческий капитал в структуре национального богатства [Текст] / И.В. Грузков // Вестник Северо–Кавказского государственного технического университета. – Ставрополь: Издательство ГОУ ВПО Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2009. – № 2. – С. 112–117.

70. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция [Текст] / С.С. Губанов. – М.: Книжный Мир, 2012. – 224 с.

71. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество [Текст] / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: АСТ, 2004. – 602 с.
72. Диксон, Дж. Новый взгляд на богатство народов. Индикаторы экологически устойчивого развития [Текст] / Дж. Диксон, Ж. Беккес, К. Гамильтон, А. Кант, Э. Лапц, С. Педжиола, Ж. Хи. – М.: Весь Мир, 2003. – 128 с.
73. Дежина, И.Г. Состояние науки и инноваций [Текст] / И.Г. Дежина // Российская экономика в 2014 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 36). – М.: Институт Гайдара, 2015. – С. 344–370.
74. Дежина, И.Г. Межсекторальная мобильность научных кадров – мировые тенденции и особенности России [Текст] / И.Г. Дежина // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3. – С. 30–48.
75. Дежина, И.Г. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы: монография [Текст] / И.Г. Дежина, Л. Грэхем. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2009. – 240 с.
76. Дежина, И.Г. Молодые кадры в российской экономике: как их сохранить? [Текст] / И.Г. Дежина // Науковедение. – 2003. – № 2. – С. 127–138.
77. Дежина, И.Г. «Утечка умов» из постсоветской России: эволюция явления и его оценок [Текст] / И.Г. Дежина // Науковедение. – 2002. – № 3. – С. 25–56.
78. Денисон, Э. Исследование различий в темпах экономического роста [Текст] / Э. Денисон. – М.: Прогресс, 1971. – 645 с.
79. Джаббаров, Д.Б. Рынок и государство в контексте развития креативного труда [Текст] / Д.Б. Джаббаров // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 6. – С. 150–160.
80. Джаббаров, Д.Б. Роль государства в развитии творческого труда [Текст] / Д.Б. Джаббаров // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4 (58). – С. 99–105.
81. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования [Текст] / А.И. Добрынин,

С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. – СПб.: Наука, 1999. – 309 с.

82. Доклад о развитии человека 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости [Текст] / ПРООН. – М.: «Весь Мир», 2014. – 236 с.

83. Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей в 2018 году. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosmintrud.ru/docs/1340> (дата обращения: 15.04.2019).

84. Доклад о человеческом развитии 2016. Человеческое развитие для всех и каждого [Текст] – М.: «Весь мир». – 284 с.

85. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития [Текст] – М.: «Весь мир». – 284 с.

86. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире [Текст] – М.: «Весь Мир». – 204 с.

87. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех [Текст] – М.: «Весь Мир». – 188 с.

88. Докторович, А.Б. Социально ориентированное развитие общества и человеческого потенциала: современные теории, методы системного исследования: диссертация доктора экономических наук: 08.00.05, 08.00.13 [Текст] / А.Б. Докторович. – Москва, 2004. – 360 с.

89. Дроздов, О.А. К вопросу о трактовке человеческого капитала [Электронный ресурс] / О.А. Дроздов // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. – 2013. – № 8 (56). – URL: <http://www.uecs.ru/marketing/item/> (дата обращения: 08.04.2014).

90. Дроздов, О.А. Человеческий капитал: есть ли пределы расширения трактовки? [Текст] / О.А. Дроздов // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 1 (45). – С. 33–38.

91. Дроздов, О.А. Концепция человеческого развития и политическая экономия XXI в.: возможности взаимодействия [Текст] / О.А. Дроздов //

Проблемы современной экономики. – 2012. – № 3 (43). – С. 52–56.

92. Друкер, П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества [Текст] / П. Друкер. – М.: Вильямс, 2007. – 336 с.

93. Дятлов, С.А. Структурная трансформация социальной сферы в информационной экономике [Текст] / С.А. Дятлов, Т.А. Селищева, О.В. Дядечко // Экономика образования. – 2015. – № 2. – С. 27–35.

94. Дятлов, С.А. Теория человеческого капитала [Текст] / С.А. Дятлов. – СПб.: СПбУЭФ, 1995. – 160 с.

95. Дятлов, С.А. Основы теории человеческого капитала [Текст] / С.А. Дятлов. – СПб.: СПбУЭФ, 1994. – 160 с.

96. Евразийская политическая экономия [Текст] / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.

97. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии [Текст] / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 576 с.

98. Жамин, В.А. Эффективность квалифицированного труда [Текст] / В.А. Жамин, Г.А. Егиазарян. – М.: Экономика, 1968. – 231 с.

99. Зарецкий, А.Д. Труд и капитал: преодоление противоречий за счет развития человеческого капитала [Текст] / А.Д. Зарецкий, Т.Е. Иванова // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 75–78.

100. Згонник, Л.В. Воспроизводство человеческого капитала: теория и практика разрешения противоречий: диссертация доктора экономических наук: 08.00.05 [Текст] / Л.В. Згонник. – Ростов-на-Дону, 2004. – 374 с.

101. Иванов, С.А. Региональная политика развития человеческого капитала: методология формирования и реализации [Текст] / С.А. Иванов // Стратегия развития предпринимательства в современных условиях. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. – СПб.: СПбГЭУ, 2019. – С. 265-268.

102. Иванов, С.А. Приоритеты формирования человеческого капитала

«экономики знаний» на региональном уровне [Текст] / С.А. Иванов // Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека. Сборник докладов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2019). – СПб.: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2019. – С. 313-320.

103. Иванов, С.А. Формирование региональной политики развития человеческого капитала в условиях многофакторных вызовов и рисков [Текст] / С.А. Иванов // Экономика и управление. – 2019. – №2 (160). – С. 28-37.

104. Измалков, С.Б. Основы теории контрактов (Нобелевская премия по экономике 2016 года – Оливер Харт и Бенгт Хольмстрем) [Текст] / С.Б. Измалков, К.И. Сонин // Вопросы экономики. – 2017. – № 1. – С. 5–21.

105. Ильенков, Э.В. Философия и культура [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

106. Ильинский, И.В. Человеческий капитал и социально-экономическая активность работника [Текст] / И.В. Ильинский // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества: материалы междунар. научно-практич. конф. под ред. Г.В. Ковалевой. – 2019. – С. 154–157.

107. Ильинский, И.В. Институциональные факторы инвестирования в человеческий капитал РФ: вопросы внутренней политики и международного сотрудничества [Текст] / И.В. Ильинский, А.А. Медведь, Д.В. Щербакова // Дизайн. Материалы. Технология. – 2015. – № 3 (29). – С. 66–70.

108. Ильинский, И.В. Оценка человеческого капитала: трансформация методологии [Текст] / И.В. Ильинский // Дизайн. Материалы. Технология. – 2014. – № 41 (34). – С. 102–105.

109. Ильинский, И.В. Конкурентоспособность человеческого капитала России: состояние, проблемы, перспективы [Текст] / И.В. Ильинский. – СПб.: СПГУТД, 2011. – 159 с.

110. Ильинский, И.В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве [Текст] / И.В. Ильинский. – СПб.: СПбГУЭФ, 1996. – 163 с.

111. Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные данные 2018 [Текст] / С. Джахан. – ПРООП, 2019. – 111 с.
112. Индикаторы науки: 2019: статистический сборник [Текст] / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, К.А. Дьяченко и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 350 с.
113. Индикаторы науки: 2018: статистический сборник [Текст] / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 320 с.
114. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник [Текст] / Ю.В. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 304 с.
115. Инновационная Россия – 2020: стратегия развития РФ на период до 2020 года. – Министерство экономического развития и торговли РФ [Текст] – М., 2010. – 105 с.
116. Иноземцев, В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе [Текст] / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 67–77.
117. Капелюшников, Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? [Текст] / Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2012. – 76 с.
118. Капелюшников, Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») [Текст] / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.
119. Капелюшников, Р.И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению [Текст] / Р.И. Капелюшников // США: экономика, политика, идеология. – 1993. – № 11. – С. 17–32.
120. Капелюшников, Р.И. Человеческий капитал России [Электронный ресурс] / Р.И. Капелюшников. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MzVEoji2kpc> (дата обращения: 21.07.2015).
121. Капелюшников, Р.И. Современные буржуазные концепции

формирования рабочей силы [Текст] / Р.И. Капелюшников. – М., 1981. – 285 с.

122. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.Н. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

123. Катайцева, Е.А. Воспроизводство человеческого потенциала науки в условиях перехода к инновационной экономике: диссертация кандидата экономических наук: 08.00.01 [Текст] / Е.А. Катайцева. – Москва, 2010. – 203 с.

124. Кендрик, Дж. Совокупный капитал США и его формирование [Текст] / Дж. Кендрик. – М.: Прогресс, 1978. – 265 с.

125. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения [Текст] / Ф. Кенэ. – М.: Издательство социально–экономической литературы, 1960. – 552 с.

126. Клейнер, Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (Опыт системного исследования) [Текст] / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 4–27.

127. Клейнер, Г.Б. Нанoeкономика [Текст] / Г.Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2004. – № 12. – С. 70–93.

128. Климов, А.С. Роль человеческого капитала в мировой экономике [Текст] / А.С. Климов // Вопросы региональной экономики. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 32–36.

129. Клочко, В.Е. Инновационный потенциал личности: системно–антропологический контекст [Текст] / В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 146–151.

130. Козлова, О.А. Человеческий капитал как приоритетный фактор экономического развития [Текст] / О.А. Козлова, Т.В. Беленкова, Е.Б. Бедрина // Социально–экономические и пространственно–временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – С. 13–18.

131. Козлова, О.А. Развитие профессионального образования как фактор структурной модернизации экономики России [Текст] / О.А. Козлова, А.И. Татаркин, Н.З. Шаймарданов // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – № 3. – С. 7–12.

132. Колядин, А.П. Структура фиктивного человеческого капитала [Текст] / А.П. Колядин // TERRA ECONOMICUS. – 2011. – Том 9. – № 2. – Часть 3. – С. 11–15.

133. Корицкий, А.В. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / А.В. Корицкий. – Новосибирск, 2012. – 436 с.

134. Корицкий, А.В. Человеческий капитал как фактор экономического роста регионов России: монография [Текст] / А.В. Корицкий; науч. ред. Т.В. Григорова. – Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2010. – 368 с.

135. Корицкий, А.В. Введение в теорию человеческого капитала [Текст] / А.В. Корицкий. – Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2000. – 112 с.

136. Корогодина, И.Т. Изменение трудовых отношений при переходе к цифровой технологии [Текст] / И.Т. Корогодина // Экономика труда. – 2019. – № 1. – С. 77–88.

137. Корогодина, И.Т. Методологические подходы к анализу качества рабочей силы, человеческого капитала и труда [Текст] / И.Т. Корогодина, А.В. Ларионова // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 1 (66). – С. 756–759.

138. Корогодина, И.Т. Социально–трудовая система: вопросы методологии и теории: монография [Текст] / И.Т. Корогодина. – М.: ПАЛЕОТИН, 2005. – 120 с.

139. Корчагин, Ю.А. Человеческий капитал – интенсивный социально–экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности [Электронный ресурс] / Ю.А. Корчагин. – URL:

<http://psy.hse.ru/orgps/humancapital> (дата обращения: 26.11.2017).

140. Корчагин, Ю.А. Человеческий капитал и инновационная экономика России [Текст] / Ю.А. Корчагин. – Воронеж: ЦИРЭ, 2012. – 244 с.

141. Костюк, В.И. Теория эволюции и социоэкономические процессы [Текст] / В.И. Костюк. – М.: Едиториал УРсс, 2004. – 176 с.

142. Критский, М.М. Человеческий капитал в информационной рыночной экономике [Текст] / М.М. Критский. – СПб.: СПбГИЭУ, 2000. – С. 6–46.

143. Критский, М.М. Человеческий капитал [Текст] / М.М. Критский. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 156 с.

144. Кудров, В.М. Международное экономическое сопоставления и проблемы инновационного развития [Текст] / В.М. Кудров. – М.: Юстицинформ, 2011. – 616 с.

145. Кульков, В.М. Постиндустриализация или новая индустриализация? [Текст] / В.М. Кульков // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 56–59.

146. Курганский, С.А. Оценка человеческого капитала как элемента национального богатства [Текст] / С.А. Курганский // Человеческий капитал в условиях современной трансформации экономики. – СПб.: СПбГИЭУ, 2000. – С. 63–74.

147. Курганский, С.А. Человеческий капитал – экономическая форма производительных сил человека: диссертация кандидата экономических наук: 08.00.01 [Текст] / С.А. Курганский. – Санкт-Петербург, 1992. – 159 с.

148. Латова, Н.В. «Утечка умов» в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России [Текст] / Н.В. Латова // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2011. – Том 3. – № 3. – С. 82–93.

149. Латуха, М. Талантливые сотрудники в российских и зарубежных компаниях [Текст] / М. Латуха, Т. Цуканова // Вопросы экономики. – 2013. – № 1. – С. 147–156.

150. Логачев, В. «Интеллектуальный капитал» с позиции трудовой теории стоимости [Текст] / В. Логачев, Е. Жернов // Экономист. – 2006. – № 3. – С. 36–41.
151. Лоцилина, А.Н. Философия творчества [Текст] / А.Н. Лоцилина, Н.П. Французова. – М.: ФО, 2002. – 131 с.
152. Лукач, Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены [Текст] / Д. Лукач. – М.: Прогресс, 1991. – 417 с.
153. Лукьянова, А.Л. Отдача от образования: что показывает метаанализ [Текст] / А.Л. Лукьянова. – М.: ГУ–ВШЭ, 2010. – 60 с.
154. Макаров, В.Л. Микроэкономика знаний [Текст] / В.Л. Макаров, Г.Б. Клейнер. – М.: Экономика, 2007. – 204 с.
155. Макконелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: в 2 т. [Текст] / К.Р. Макконелл, С.Л. Брю. – М.: Республика, 1992. – Т. 2. – 400 с.
156. Маркс, К. Нищета философии: ответ на «Философию нищеты» г. Прудона [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Петроград: Гос. издательство, 1922. – 167 с.
157. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. И.И. Степанова-Скворцова. – М.: Политиздат, 1952. – Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала. – 794 с.
158. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. И.И. Степанова-Скворцова. – М.: Политиздат, 1955. – Т. II. Кн. II: Процесс обращения капитала. – 530 с.
159. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. И.И. Степанова-Скворцова. – М.: Госполитиздат, 1939. – Т. III. Часть первая. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. – 504 с.
160. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. И.И. Степанова-Скворцова. – М.: Госполитиздат, 1947. – Т. III. Часть вторая. Кн. III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. – 488 с.

161. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т.26. Часть первая: Теории прибавочной стоимости (IV «Капитала»). – 476 с.
162. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т.27. – 695 с.
163. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т.46. Часть первая: Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). – 559 с.
164. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т.46. Часть вторая: Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). – 618 с.
165. Марцинкевич, В. Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика. Что скрывается за термином «человеческий капитал»? [Текст] / В. Марцинкевич // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9. – С. 29–39.
166. Марцинкевич, В. США: человеческий фактор и эффективность экономики [Текст] / В. Марцинкевич. – М.: Наука, 1991.
167. Маршалл, А. Принципы экономической науки [Текст] / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1984. – 594 с.
168. Мау, В.А. Человеческий капитал: вызовы для России [Текст] / В.А. Мау // Вопросы экономики. – 2012. – № 7. – С. 114–132.
169. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США [Текст] / Ф. Махлуп. – М.: Прогресс, 1966.
170. Менделеев, Д.И. Познание России. Заветные мысли [Текст] / Д.И. Менделеев. – М.: Эксмо, 2008. – 688 с.
171. Милль, Дж. С. Основы политической экономии [Текст] / Дж.С. Милль; пер. с англ.; общ. ред. А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1980. – Т.1. – 182 с.
172. Милль, Дж. С. Основы политической экономии [Текст] / Дж.С. Милль; пер. с англ.; общ. ред. А.Г. Милейковского. – М.: Прогресс, 1980.

– Т.Ш. – 447 с.

173. Миропольский, Д.Ю. Институты развития человека в традиционной экономике и процесс образования стоимости [Текст] / Д.Ю. Миропольский, И.Б. Ломакина // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 3 (75). – С. 45–50.

174. Миропольский, Д.Ю. «Евразийский» способ производства: специфика движение продукта [Текст] / Д.Ю. Миропольский // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 94–101.

175. Миропольский, Д.Ю. Марксизм и маржинализм: неомарксистский синтез – методологическая основа создания новой модели развития хозяйственной системы [Текст] / Д.Ю. Миропольский, А.И. Попов // Вестник ВСГУТУ. – 2016. – № 5 (62). – С. 125–134.

176. Миропольский, Д.Ю. Капитал и план – противоположные формы отчуждения человека в эпоху разделения труда [Текст] / Д.Ю. Миропольский // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 4. – С. 106–116.

177. Миропольский, Д.Ю. Человек в экономике и экономика в человеке: опыт философского исследования проблемы труда [Текст] / Д.Ю. Миропольский // Философия хозяйства. – 2002. – № 1 (19). – С. 152–162.

178. Михнева, С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал [Текст] / С.Г. Михнева // Инновации. – 2003. – № 1. – С.49–53.

179. Миэринь, Л.А. Национальные проекты России [Текст] / А.С. Бедняков, Л.А. Миэринь // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4 (118). – С. 20–25.

180. Миэринь, Л.А. Изменения характеристик трудовой деятельности в условиях четвертой промышленной революции [Текст] / М.А. Еремеев, Л.А. Миэринь // Новая экономика: институты, инструменты, тренды: материалы междунар. научно-практ. конференции. – 2018. – С. 58–64.

181. Миэринь, Л.А. Институциональная готовность системы образования РФ к переходу на технологии креативного образования [Текст] /

А.А. Медведь, П.А. Медведь, Л.А. Миэринь // Известия Санкт–Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 121–126.

182. Насколько Россия богата? Оценка совокупного уровня благосостояния России в период с 2000 по 2017 годы [Текст] / Э. Найкал, О. Емельянова, В. Немова, Г-М. Ланж, А. Санги. – Всемирный банк в Российской Федерации, 2019. – 62 с.

183. Наука. Технологии. Инновации: 2019. Краткий статистический сборник [Текст] / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 84 с.

184. Научные кадры: тенденция снижения кадров сохраняется [Электронный ресурс]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/308115412.html> (дата обращения: 22.03.2018).

185. Неганова, В.П. Характеристика видов человеческого капитала [Текст] / В.П. Неганова, Н.Н. Минеева // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2009. – № 4 (26). – С. 29–35.

186. Нешиной, А.С. Императив смены курса экономического развития (воспроизводственный аспект) [Текст] / А.С. Нешиной // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 2. – С. 88–99.

187. Нешиной, А.С. Интеллектуальный потенциал и его неоиндустриальное воспроизводство [Текст] / А.С. Нешиной, О.С. Сухарев // Экономист. – 2011. – № 10. – С. 3–11.

188. Нуреев, Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики [Текст] / Р.М. Нуреев. – М.: Норма: ИНФРА–М, 2015. – 640 с.

189. Нуреев, Р.М. Проблемы развития человеческого капитала [Текст] / Р.М. Нуреев // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). – 2012. – Том 4. – № 1. – С. 4–8.

190. Нуреев, Р.М. Человеческий капитал и проблемы его развития в современной России [Текст] / Р.М. Нуреев // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 5–20.

191. Нуреев, Р.М. Исторические судьбы учения Карла Маркса [Текст] / Р.М. Нуреев // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 87–103.
192. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) [Текст] / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.
193. Основы наукоемкой экономики (Знания – Креативность – Инновации) [Текст] / под ред. проф. И.А. Максимцева. – М.: Издательство «Креативная экономика», 2010. – 456 с.
194. Основы экономической теории человеческого капитала: методологические и институциональные аспекты [Текст] / под ред. Ф.Г. Хамидуллина. – Казань: ФЭН, 2007. – 258 с.
195. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.08.2020).
196. Павлов, М.Ю. Творческий потенциал человека: вызов для современной экономической теории [Текст] / М.Ю. Павлов // Вестник Воронежского государственного университета. – 2019. – № 1. – С. 11–16.
197. Петти, У. Экономические и статистические работы [Текст] / У. Петти. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.
198. Плискевич, Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России [Текст] / Н.М. Плискевич. – М., Институт экономики РАН, 2012. – 231 с.
199. Полищук, Е.А. Формирование и реализация человеческого капитала в экономике современной России: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / Е.А. Полищук. – Санкт-Петербург, 2006. – 248 с.
200. Полищук, Е.А. Человеческий капитал в экономике современной России: проблемы формирования и реализации [Текст] / Е.А. Полищук. – Ижевск: Издательство ИжГТУ, 2005. – 184 с.
201. Пороховский, А.А. Экономическая теория как совокупность базовых теорий экономики [Текст] / А.А. Пороховский // Философия хозяйства. – 2016. – № 1 (103). – С. 115–135.

202. Пороховский, А.А. Политическая экономия: современные вызовы и перспективы [Текст] / А.А. Пороховский // Экономист. – 2011. – № 1. – С. 55–67.
203. Портер, М. Революция в производстве. «Умные» технологии перекраивают компании [Текст] / Р. Портер, Дж. Хаппелманн // Harvard Business Review – Russia. – 2015. – № 11. – С. 75–93.
204. Посошков, И.Т. Книга о скудности и богатстве [Текст] / И.Т. Посошков. – СПб.: Наука, 2004. – 406 с.
205. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. [Текст] – М.: Росстат, 2010. – 230 с.
206. Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова) [Текст] / под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. – М.: ТЕИС, 1998.
207. Прусс, И. Мозги утекают навсегда [Электронный ресурс] / И. Прусс // Взгляд. – 2006. – URL: <http://www.vz.ru/society/2006/12/20/61732.html> (дата обращения: 18.10.2014).
208. Пыльнова, Д. 440 тысяч человек уехали из России за последние пять лет [Электронный ресурс] / Д. Пыльнова, Д. Шкрылев // Новая газета. – 2008. – №46. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/37816.html> (дата обращения: 23.05.2015).
209. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016. [Текст] / Росстат. – М., 2016. – 146 с.
210. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Текст] / В.В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 5–17.
211. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения: избранное в 3 т. [Текст] / Д. Рикардо. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 539 с.
212. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом

[Текст] / Дж. Рифкин; пер. с англ. В. Ионов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 411 с.

213. Российский работник: образование, профессия, квалификация [Текст] / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 574 с.

214. Российский статистический ежегодник. 2019: Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2019. – 708 с.

215. Российский статистический ежегодник. 2018: Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2018. – 694 с.

216. Российский статистический ежегодник. 2017: Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2017. – 686 с.

217. Российский статистический ежегодник. 2016: Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2016. – 725 с.

218. Российский статистический ежегодник. 2014: Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2014. – 693 с.

219. Россия в цифрах. 2019: Крат. Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2019. – 549 с.

220. Россия в цифрах. 2018: Крат. Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2018. – 522 с.

221. Россия в цифрах. 2016: Крат. Статистический сборник [Текст] / Росстат. – М., 2017. – 511 с.

222. Рубинштейн, А.Я. Человеческий капитал и реформы нового времени [Текст] / А.Я. Рубинштейн. – М.: Институт экономики РАН, 2007.

223. Русские экономисты (XIX – начала XX веков) [Текст] / ред. сост. Л.А. Зубченко, Л.И. Зайцева. – М., ИЭ РАН, 1998. – 275 с.

224. Рязанов, В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза [Текст] / В.Т. Рязанов. – СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.

225. Рязанов, В.Т. Креативный труд и собственность каждого на все: возможность и проблемы [Текст] / В.Т. Рязанов // Социологические исследования. – 2018. – № 3 (407). – С. 138–143.

226. Рязанов, В.Т. Новая индустриализация и экономическое возрождение России: восточный вектор [Текст] / В.Т. Рязанов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 5 (73). – С. 68–80.

227. Рязанов, В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономика кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России [Текст] / В.Т. Рязанов. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.

228. Рязанов, В.Т. Новая индустриализация России или мечты о постиндустриальном идеале? [Текст] / В.Т. Рязанов // Социологические исследования. – 2014. – № 11. – С. 140–142.

229. Рязанов, В.Т. Новая индустриализация России как реальная цель и постиндустриальный идеал [Текст] / В.Т. Рязанов // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – С. 32–34.

230. Рязанцев, С.В. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов [Текст] / С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 24–35.

231. Рязанцев, С.В. Мировой рынок труда и международная миграция [Текст] / С.В. Рязанцев, М.Ф. Ткаченко. – М.: Экономика. – 2010. – 303 с.

232. Сакайя, Т. Стоимость, создаваемая знаниями или история будущего [Текст] // Новая индустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Академия. – 1999. – С. 337–371.

233. Салихов, Б.В. Интеллектуальный капитал как фактор современного производства (нравственно–экономическая онтология): монография [Текст] / Б.В. Салихов, Д.А. Летунов. – М.: Издательство МГОУ, 2009. – 129 с.

234. Сидорович, А.В. Курс экономической теории: Общие основы экономической теории. Микроэкономика. Макроэкономика. Основы национальной экономики: учебное пособие. МГУ им. М.В. Ломоносова [Текст] / А.В. Сидорович. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2001. – 832 с.

235. Симкина, Л.Г. Человеческий капитал в инновационной экономике: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / Симкина Людмила

Георгиевна. – Санкт-Петербург, 2000. – 349 с.

236. Симчера, В.И. Развитие экономики России за 100 лет: 1900 – 2000. Исторические ряды, вековые тренды, периодические циклы [Текст] / В.И. Симчера. – М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2007. – 683 с.

237. Ситарчук, Е.А. Внешние источники трудовых ресурсов: миграционное детерминирование и институциональное регулирование: монография [Текст] / Е.А. Ситарчук, С.Г. Шагинян. – Ростов-на-Дону: ФГБОУ ВПО РГУПС, 2013. – 144 с.

238. Скоблякова, И.В. Циклы воспроизводства человеческого капитала [Текст] / И.В. Скоблякова. – М.: «Издательство Машиностроение – 1», 2006. – 201 с.

239. Сколько стоит Россия: 10 лет спустя [Текст] / Совместный проект телеканала Россия 24, аудиторско-консалтинговой компании ФБК и газеты «Ведомости». – Москва, 2014. – 46 с.

240. Смирнов, В.Т. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография [Текст] / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчик, И.В. Скоблякова. – М.: «Издательство Машиностроение – 1», 2005. – 513 с.

241. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 686 с.

242. Соболев, Э.Н. Человеческий капитал: взгляд со стороны экономической теории К. Маркса [Текст] / Э.Н. Соболев // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – №1 (6). – С. 70-76.

243. Соболев, Э.Н. Совместима ли концепция человеческого капитала с трудовой теорией стоимости? [Текст] / Э.Н. Соболев / Карл Маркс: классика и современность (к 200-летию со дня рождения). – М.: ИЭ РАН, 2018. – С. 83-85.

244. Соболев, Э.Н. Человеческий капитал в системе факторов оплаты труда квалифицированных работников [Текст] / Э.Н. Соболев // Экономика и социология. – 2018. – №39. – С. 41-45.

245. Соболев, Э.Н. Российская трудовая модель: партнерство и

конфликты [Текст] / И.В. Соболева, Э.Н. Соболев // Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. – 2011. – № 27. – С. 41–50.

246. Соболева, И.В. Провалы рынка в сфере образования: механизмы коррекции [Текст] / И.В. Соболева // Интеграл. – 2014. – № 1. – С. 100–102.

247. Соболева, И.В. Антикризисные программы занятости и человеческий потенциал предприятий [Текст] / И.В. Соболева // Человек и труд. – 2010. – № 2. – С. 10–12.

248. Соболева, И.В. Экономика будущего – переход к человекоцентричному анализу [Текст] / И.В. Соболева // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 12. – С. 101–106.

249. Соболева, И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала [Текст] / И.В. Соболева // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 51–70.

250. Соболева, И.В. Человеческий потенциал российской экономики в контексте глобализации [Текст] / И.В. Соболева // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2009. – № 1. – С. 7–20.

251. Соболева, И.В. Воспроизводство человеческого потенциала: теория, методология, приоритетные направления: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / И.В. Соболева. – М., 2006. – 297 с.

252. Сорокин, А.В. Общая экономика или модель рыночной экономики: деньги, превращение денег в капитал [Текст] / А.В. Сорокин // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3 (55). – С. 380–386.

253. Сорокин, А.В. Преобразование экономической системы России [Текст] / А.В. Сорокин // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 46–49.

254. Стиглиц, Д. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? [Текст] / Д. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси / Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой. – М.: Издательство Института Гайдара, 2016. – 216 с.

255. Стоуньер, Т. Информационное общество: профиль постиндустриальной экономики. Новая технологическая волна на Западе

[Текст] / Т. Стоуньер; под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1988. – С. 394–413.

256. Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала [Текст] / Под науч. ред. А.И. Юрьева. – СПб.: Logos, 2006. – 512 с.

257. Стратегический ответ России на вызовы нового века [Текст] / под ред. Л.И. Абалкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2004. – 605 с.

258. Струмилин, С.Г. Проблемы экономики труда [Текст] / С.Г. Струмилин. – М.: Наука, 1982. – 471 с.

259. Струмилин, С.Г. Хозяйственное значение народного образования [Текст] / С.Г. Струмилин // Проблемы экономики труда. – 1982. – С. 99–125.

260. Стюарт, Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций [Текст] / Т.А. Стюарт. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.

261. Судова, Т.Л. Государственные инвестиции в человеческий капитал [Текст] / Т.Л. Судова // Петербургский экономический журнал. – 2017. – № 1. – 39–49.

262. Судова, Т.Л. Инвестиции в человеческий капитал и их роль в формировании информационного общества: диссертация доктора экономических наук: 08.00.01 [Текст] / Т.Л. Судова. – Санкт-Петербург, 2002. – 308 с.

263. Судова, Т.Л. Человеческий капитал в наукоемкой экономике [Текст] / Т.Л. Судова. – СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2001. – 469 с.

264. Суммарный коэффициент рождаемости по России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.statdata.ru/deti> (дата обращения: 29.10.2019).

265. Супрун, В.А. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке [Текст] / В.А. Супрун. – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. – 192 с.

266. Сулова, О.М. Человеческий капитал в условиях инновационной экономики: диссертация кандидата экономических наук: 08.00.01 [Текст] / О.М. Сулова. – Казань, 2008. – 166 с.

267. Сулова, О.М. Методология исследования человеческого капитала в условиях инновационной экономики [Текст] / О.М. Сулова. – Казань, 2011. – 126 с.
268. Татаркин, А.И. Инновационные источники пространственного развития Российской Федерации [Текст] / А.И. Татаркин // Инновации. – 2013. – № 3 (173). – С. 10–17.
269. Татаркин, А.И. Интеллектуальный ресурс общества и его роль в воспроизводственном процессе [Текст] / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2010. – № 3. – С. 20–32.
270. Татаркин, А.И. Политическая экономия и economics: особенное и общее [Текст] / А.И. Татаркин, В.Л. Берсенев // Журнал экономической науки. – 2006. – № 4. – С. 5–14.
271. Толкачев, С.А. Интеллектуальное производство сквозь призму третьей промышленной революции [Текст] / К.Н. Андрианов, Н.В. Лапенкова, С.А. Толкачев // Мир новой экономики. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 39–58.
272. Толкачев, С.А. Неиндустриализация и сервисизация: есть ли противоречие [Текст] / А.А. Быков, Н.М. Глухова, С.А. Толкачев // Мир новой экономики. – 2014. – № 4. – С. 28–38.
273. Тоффлер, Э. Метаморфоза власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века [Текст] / Э. Тоффлер; пер. с англ. В.В. Белоскова. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.
274. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 781 с.
275. Трофимова, Л.А. Управление знаниями [Текст] / Л.А. Трофимова, В.В. Трофимов. – СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2012. – 77 с.
276. Тугускина, Г.Н. Человеческий капитал предприятия: теория, методология, оценка: диссертация доктора экономических наук: 08.00.05 [Текст] / Г.Н. Тугускина. – М., 2011. – 339 с.
277. Тугускина, Г.Н. Моделирование структуры человеческого капитала [Текст] / Г.Н. Тугускина // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2009. – № 9. –

С. 12–20.

278. Фишер, С. Экономика [Текст] / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – М.: Дело ЛТД, 1995. – 864 с.

279. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее [Текст] / Р. Флорида. – М.: Классика – XXI, 2007. – 432 с.

280. Форд, Г. Моя жизнь. Мои достижения [Текст] / Г. Форд; пер. с англ. Е.А. Качелина. – М.: АСТ, 2015. – 349 с.

281. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 730 с.

282. Устюжанина, Е.В. Институциональная экономика [Текст] / В.Е. Дементьев, С.Г. Евсюков, Е.В. Устюжанина и др. – М.: Проспект, 2016. – 288 с.

283. Хайкин, М.М. Марксистская политическая экономия и проблемы развития современной экономической теории [Текст] / А.А. Лапинкас, М.М. Хайкин // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 1 (65). – С. 23–27.

284. Хайкин, М.М. Эволюция теории человеческого капитала [Электронный ресурс] / М.М. Хайкин. – URL: http://alternativy.ru/ru/webfm_send/724 (дата обращения: 26.01.2018).

285. Хайкин, М.М. Развитие теории человеческого капитала в условиях сервисной экономики [Текст] / М.М. Хайкин // Экономические науки. – 2010. – № 1 (62). – С. 51–54.

286. Хессин, Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса [Текст] / Н.В. Хессин. – М.: Издательство МГУ, 1964. – 171 с.

287. Хубиев, К.А. Инновационная экономика против наемной формы труда [Текст] / К.А. Хубиев // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 1. – С. 55–61.

288. Хубиев, К.А. Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения: взгляд из XXI века [Текст] / К.А. Хубиев // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. –

С. 66–85.

289. Хубиев, К.А. Современные тенденции мирового экономического развития: политэкономический подход [Текст] / К.А. Хубиев // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 1 (61). – С. 62–67.

290. Хубиев, К.А. Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности [Текст] / К.А. Хубиев // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3 (51). – С. 49–53.

291. Цапенко, И. Человеческие ресурсы в сфере науки и технологий: состояние и эффективность использования [Текст] / И. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 3–15.

292. Цыренова, А.А. Развитие человеческого капитала в условиях трансформации институциональной среды [Текст] / А.А. Цыренова. – Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2006. – 176 с.

293. Цыренова, Е.Д. Человеческий капитал в системе родственных понятий [Текст] / С.Н. Сахаровский, Л.Ю. Целовальникова, Е.Д. Цыренова // Вестник ВСГУТУ. – 2014. – № 6 (51). – С. 140–146.

294. Чангли, И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования [Текст] / И.И. Чангли. – М.: Наука, 1973. – 588 с.

295. Человеческий капитал в российском измерении [Текст] / под ред. Н.И. Боечко. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 208 с.

296. Человеческий капитал и обеспечение устойчивого социально-экономического развития России [Текст] / под ред. проф. А.В. Демидова, И.В. Ильинского, А.Г. Макарова, А.Е. Рудина. – СПб.: СПбГУПТД, 2015. – 433 с.

297. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса [Текст] / под общей ред. проф. В.П. Колесова (экономический факультет МГУ). – М.: Издательство «Права человека», 2008. – 636 с.

298. Черковец, В.Н. «Капитал» К. Маркса как методологическая и теоретическая основа современной политической экономии [Текст] /

В.Н. Черковец // Вопросы политической экономии. – 2017. – № 3. – С. 92–102.

299. Черковец, В.Н. К вопросу о неоиндустриализации [Текст] / В.Н. Черковец, П.А. Покрытан // Экономист. – 2017. – № 3. – С. 54–61.

300. Черковец, В.Н. Образовательная сфера: взаимодействие с материальным производством в инновационном развитии экономики [Текст] / В.Н. Черковец // Российский экономический журнал. – 2009. – № 9–10. – С. 51–72.

301. Черковец, В.Н. Категория «человеческий капитал» в общей экономической теории: исторический взгляд и содержательное определение [Текст] / В.Н. Черковец // Российский экономический журнал. – 2009. – № 7–8. – С. 88–107.

302. Черковец, В.Н. Основы востребованности трудовой теории стоимости в современной экономике [Текст] / В.Н. Черковец // Вестник Московского университета. – 2008. – № 1. – С. 16–40.

303. Чернышевский, Н.Г. Избранные экономические произведения [Текст] / Н.Г. Чернышевский. – М.: Политиздат, 1948. – 759 с.

304. Численность и миграция населения РФ в 2014 году. Статистический бюллетень. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2015. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 26.09.2016).

305. Шваб, К. Четвертая промышленная революция [Текст] / К. Шваб. – М.: «Эксмо», 2016. – 138 с.

306. Шваб, К. Технологии четвертой промышленной революции [Текст] / К. Шваб, Н. Дэвис. – М.: Бомбора, 2018. – 317 с.

307. Шестакова, Н.Н. Перспективные свойства и качества человеческого капитала в процессе изменений в сфере труда [Текст] / Н.Н. Шестакова // Социально-трудовые исследования. – 2020. – №1 (38). – С. 114–125.

308. Щетинин, В.П. Человеческий и вещественный капитал: общность и различие [Текст] / В.П. Щетинин // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 8. – С. 55–61.

309. Шкаратан, О.И. Информационные производители как основные акторы развития новой экономики [Текст] / О.И. Шкаратан, С.А. Иняевский, Т.С. Любимова. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 72 с.
310. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
311. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) [Текст] / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 292 с.
312. Эдвинссон, Л. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании [Текст] / Л. Эдвинссон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 432–447.
313. Acemoglu, D. Artificial Intelligence, Automation and Work [Text] / D. Acemoglu, P. Restrepo. – Massachusetts Avenue Cambridge, 2018. – 43 p.
314. Acemoglu, D. What does Human Capital do? A Review of Goldin and Katz's the Race Between Education and Technology [Text] / D. Acemoglu, D. Autor. – Massachusetts Avenue Cambridge, 2012. – 49 p.
315. Althusser, L. For Marx [Text] / L. Althusser. – London: Allen Lane, 1969. – 272 p.
316. Anderson, P. Considerations on Western Marxism [Text] / P. Anderson. – London: NLB, 1976.
317. Arthur, Ch. The New Dialectic and Marx's Capital [Text] / Ch. Arthur. – Leiden-Boston: Brill, 2002.
318. Arthur, Ch. The Dialectics of Labour [Text] / Ch. Arthur. – Oxford: Blackwell. – 1986.
319. Aslund, A. How Russia Became a Market Economy [Text] / A. Aslund. – Brookings, 1995.
320. Baran, P.A. Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order [Text] / P.A. Baran, P.M. Sweezy. – NY and London, Monthly Review Press, 1966. – 402 p.

321. Becker, G.S. Human Capital and Poverty Alleviation [Text] / G.S. Becker. – The World Bank, 1994. – 214 p.
322. Becker, G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis [Text] / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol. 70. – No 5. – Pp. 9–49.
323. Becker, G.S. Irrational Behavior and Economic Theory [Text] / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol. 70 – No 1. – Pp. 1–13.
324. Bodrunov, S.D. Prospects of Transitioning to a New Model for Socioeconomic System Organization (Noonomy) [Electronic resource] / S.D. Bodrunov // Global Journal of Human–Social Science. – 2019. – Vol. XIX. – Iss. XI. – Vers. I. – Pp. 1–9. – Available at: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume19/1-Prospects-of-Transitioning-to-a-New.pdf (дата обращения: 19.03.2020).
325. Denison, E. Trends in American Economic Growth, 1929 – 1982 [Text] / E. Denison. – Washington: The Brooking Institution, 1985. – 141 p.
326. Diebolt, C. The Long-run Impact of Human Capital on Innovation and Economic Development in the Regions of Europe [Text] / C. Diebolt, R. Hippe // Applied Economics. – 2019. – No 5 (51). – Pp. 542–563.
327. Drucker, P. Post-Capitalist Society [Text] / P. Drucker. – N.Y., 1993. – 318 p.
328. Fisher, I. The Nature of Capital and Income [Text] / I. Fisher. – L., 1927. – 427 p.
329. Fisher, I. Senses of Capital [Text] / I. Fisher // Economic Journal. – 1897. – V.7. – No 26. – Pp.199–213.
330. Gibbons, M. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies [Text] / M. Gibbons, H. Nowotny, C. Limoges, M. Trow, S. Schwartzman, P. Scott. – London: SAGE Publications, 1994. – 192 p.
331. Kanter, R.M. «Change-master skills: what it takes to be creative» [Text] / R. Kuhn (eds) Handbook for Creative and Innovative Managers, New York:

McGraw-Hill. 1998.

332. Kurzweil, R. How My Predictions Are Faring [Electronic resource] / R. Kurzweil. – Available at: <https://kurzweilai.net/images/How-My-Predictions-Are-Faring.pdf> (дата обращения: 25.10.2016).

333. Laszlo, E. The Systems View of the World: a Holistic Vision for Our Time [Text] / E. Laszlo. – Hampton Press, 1996. –103 p.

334. Lucas, R.E. Macroeconomic Priorities [Text] / R.E. Lucas // The American Economic Review. – 2003. – March. – Vol. 93. – No 1.

335. Lundvall, B-Á. National Innovation Systems – Analytical Concept and Development Tool [Text] / B-Á. Lundvall // Industry and Innovation. – 2007. – February. – Vol. 14. – No 1. – Pp. 95–119.

336. Lundvall, B-Á. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning [Text] / B-Á. Lundvall. – London: Printer Publishers, 1992. – 245 p.

337. Machlup, F. The Economics of information and Human Capital [Text] / F. Machlup. – Princeton, 1984. – 425 p.

338. Malthus, T.R. Principles of Political Economy [Text] / T.R. Malthus. – N.Y., 1951.

339. Md. Rabiul Islam. Human Capital Composition, Proximity to Technology Frontier and Productivity Growth: discussion paper 23/10 [Text] / Md. Rabiul Islam. – Australia: Monash University, Department of Economics, 2010. – 42 p.

340. The Principles of Political Economy [Text] / J.R. McCullox. – New York: Farrar&Rincart, 1939.

341. Mensh, G. Stalemate in Technology: Innovation Overcome the Depression [Text] / G. Mensh. – Cambridge, Mass., 1979. – 241 p.

342. Mill, J. Principles of Political Economy. With some of their applications to social philosophy [Text] / J. Mill. – Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1876. – 643 p.

343. Mincer, J. Investment in Human Capital and Personal Income

Distribution [Text] / J. Mincer // Journal of Political Economy. – 1985. – Vol. 66. – No 4. – Pp. 281–302.

344. National Science Board. 2018. Science and Engineering Indicators 2018. Alexandria, VA: National Science Foundation. [Electronic resource]. – Available at: <http://www.nsf.gov/statistics/indicators/> (дата обращения: 11.04.2019).

345. Nelson, R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis [Text] / R. Nelson. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1993. – 541 p.

346. OECD Statistics. Science, Technology and Patents. [Electronic resource]. – Available at: <http://stats.oecd.org/> (дата обращения: 22.06.2018).

347. Oliva-Moreno, J. Loss of labour productivity caused disease and health problems: what is the magnitude of its effect on Spain's Economy? [Text] / J. Oliva-Moreno // The European Journal of Health Economics. – 2012. – Vol. 13. – No 5. – Pp. 605–614.

348. Putterman, L. Post-1500 Population Flows and the Long-Run Determinants of Economic Growth and Inequality [Text] / L. Putterman, D.N. Weil // The Quarterly Journal of Economics, MIT Press. – 2010. – Vol. 125(4) November. – Pp. 1627–1682.

349. Rifkin, J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis [Text] / J. Rifkin. – Penguin Group (USA). – 2009. – 688 p.

350. Rifkin, J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era [Text] / J. Rifkin. – New York: G.P. Putnam's Sons. – 1996. – 350 p.

351. Rindermann, H. The impact of smart fractions, cognitive ability of politicians and average competence of peoples on social development [Text] / H. Rindermann, M. Sailer, J. Thompson // Talent Development & Excellence. – 2009. – Vol. 1. – No 1. – Pp. 3–25.

352. Rogers, E.M. Diffusion of innovations [Text] / E.M. Rogers. – New York: Free Press, 1962. – 453 p.

353. Sabato, J. Technology and the Productive Structure [Text] / J. Sabato. – Mexico: Instituto Latinoamericano de Estudios Transnacionales, 1979. – 386 p.

354. Sakaya, T. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future [Text] / T. Sakaya. – NY, Tokyo, London: Kodansha International, 1991. – 379 p.
355. Sasani, A. Investigating the Effect of Human Capital and Social Capital on Innovation Using the Fuzzy AHP Method [Text] / A. Sasani, M. Rabani, A. Behrooz // New York Science Journal. – 2012. – No 5 (11). – Pp. 142–151.
356. Senior, N.W. An Outline of the Science of Political Economy [Text] / N.W. Senior. – N.Y.: Kelley, 1965. – 249 p.
357. Science & Engineering Indicators 2018. [Electronic resource]. – Available at: <https://www.nsf.gov/statistics/2018/nsb20181/> (дата обращения: 17.07.2019).
358. Schienstock, G. From Path Dependency to Path Creation: Finland on its Way to the Knowledge-based Economy [Text] / G. Schienstock // Current Sociology. – Special Issue: Current Economic Sociology: Problems and Prospects. – 2007. – Vol. 55. – No 1 (January). – Pp. 92–109.
359. Schulz, T.W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research [Text] / T.W. Schultz. – N.Y.: The Free Press, 1971. – No 1. – 62 p.
360. Schultz, T.W. The Distribution of Income: Case Study of the Netherlands [Text] / T. W. Schultz, T. Paul. – Ph.D. dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1965.
361. Schultz, T.W. Capital Formation by Education [Text] / T.W. Schultz // Journal of Political Economy. – 1960. – Vol. 68. – Pp. 571–583.
362. Stewart, T.A. Intellectual Capital. The New Wealth of Organizations [Text] / T.A. Stewart. – New York: Doubleday, 1997. – 278 p.
363. Smith, T. The Logic of Marx's Capital, Replies to Hegelian Criticisms [Text] / T. Smith. – State University of New York Press, 1990. – 271 p.
364. Sudova, T.L. Migration of Human Capital as a Factor of Sustainable Development: a Survey [Text] / T.L. Sudova, N.V. Spiridonova // New Challenge of Economic and Business Development – 2018: Productivity and Economic Growth Proceedings. – 2018. – Pp. 672–683.
365. Thurow, L. Investment in Human Capital [Text] / L. Thurow. – Belmont,

1970. – 351 p.

366. Westley, F. «Visionary leadership and strategic management» [Text] / F. Westley, H. Mintzberg. – Strategic Management Journal. – 1989. – No 10. – Pp. 17–32.

367. World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2018. [Electronic resource]. – Available at: <http://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4330> (дата обращения: 30.05.2019).

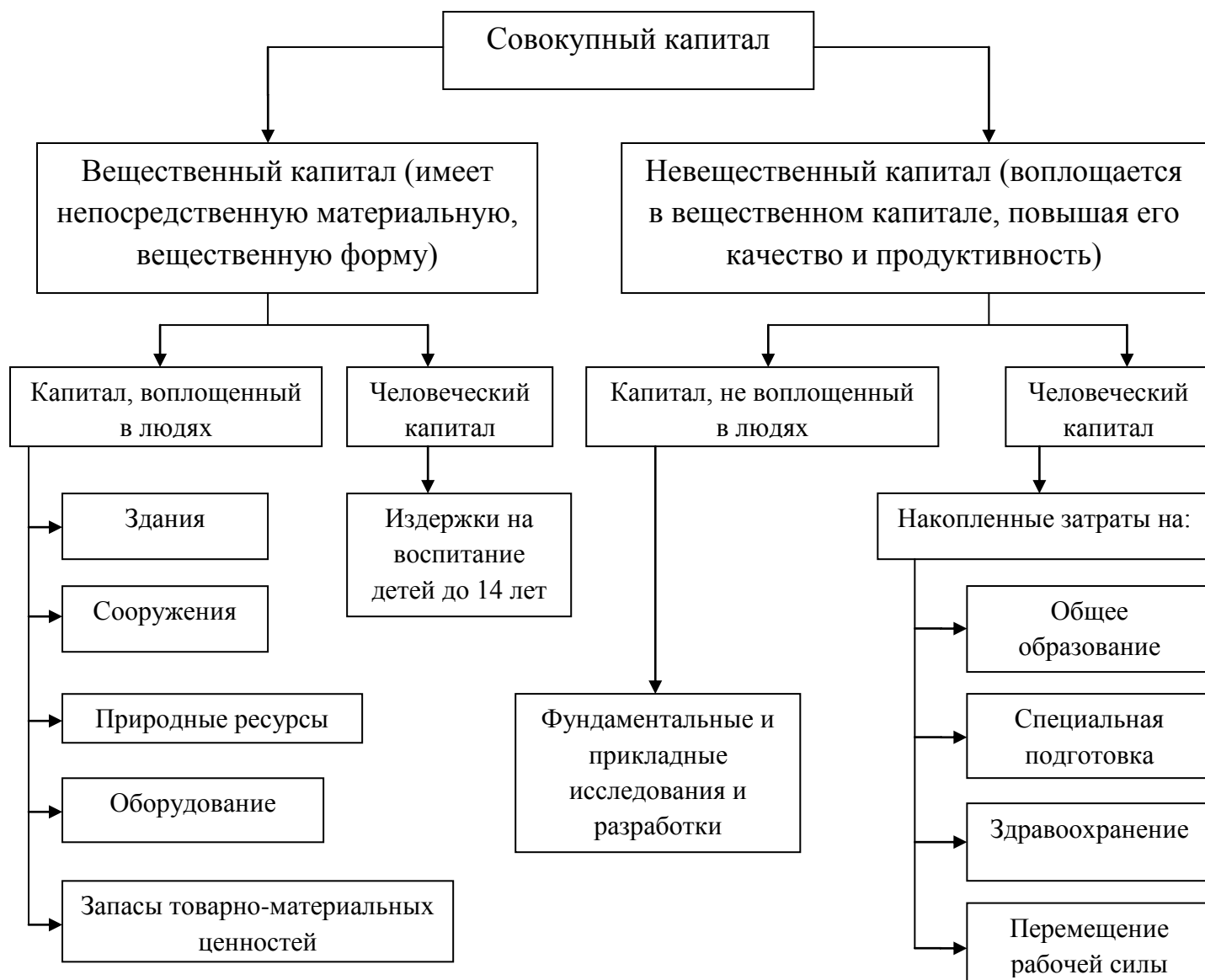
368. World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables. [Text] – United Nations. – NY, 2015. – 59 p.

369. Ziman, J. «Postacademic science»: Constructing knowledge with networks and norms [Text] / J. Ziman // Science studies. – 1996. – Vol. 9. – No 1. – Pp. 67–80.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Структура совокупного капитала [124, с.71]

Классификация видов человеческого капитала по уровням и собственности [238, с.129; 240, с.124]

